

2024

Volume 10

No 3 (39)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2024

Том 10

№ 3 (39)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 31978. Формат 240×170. Объем 142 с. Тираж 32 экз. Свободная цена. Заказ № 24058. Дата выхода в свет 30.09.2024. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – The Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Anna A. Talitskaya – Yaroslavl State University (Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPА (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Larisa V. Ukhova – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- С. В. Алоэ** – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)
Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)
Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)
И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СИ РАН (Санкт-Петербург, РФ)
Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)
В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)
И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)
Т. К. Ростовская – д-р социол. наук, профессор, ФНИСЦ РАН (Москва, РФ)
И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)
А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)
Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. В. Ухова – д-р филол. наук, доцент, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)
М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Burda M. A.**

Modern state migration policy models: migration protectionism as a factor of migration attractiveness 268

Grinchevskiy A. S.

Media as an instrument of Russia's information policy 278

Navdaeva M. E.

Grand Strategies of Russia and China: common trends and potential confrontation 288

Terentyev V. A.

Technological sovereignty is a priority of the transport policy of the Russian Federation in the context of external sanctions 302

SOCIOLOGY**Zolin I. E., Koblyatskiy M. K.**

Digitalization as a factor of labor market dynamics 314

Klymenov M. V.

The attitude to the transition to Russian software in higher education 326

Rykhtik A. I.

The problems of university messages in communication with applicants 336

Shustov A. V., Luzina V. A.

Conflict potential of Central Asian immigration (using the example of the Yaroslavl region) 354

PHILOLOGY**Gavriusheva A. E.**

On determining of the protograph features based on the graphic-orthographic systems of manuscripts 374

Laguzova E. N.

Metaphor in grammatical works of linguist 384

Maremukova E. V.

Linguistic projection of ethnostereotyping of advice in languages with different structures 392

ПОЛИТОЛОГИЯ**Бурда М. А.**

Модели миграционной политики современного государства 268

Гринчевский А. С.

СМИ как инструмент информационной политики России 278

Навдаева М. Е.Большие стратегии России и Китая: общие векторы
и потенциальные конфронтации 288**Терентьев В. А.**Технологический суверенитет как направление транспортной политики
Российской Федерации в условиях внешних санкций 302**СОЦИОЛОГИЯ****Золин И. Е., Кобыляцкий М. К.**

Цифровизация как фактор динамики рынка труда 314

Клейменов М. В.Отношение к переходу на российское программное обеспечение
в высшем образовании 326**Рыхтик А. И.**

Характеристики сообщений вузов в коммуникации с абитуриентами 336

Шустов А. В., Лузина В. А.Конфликтотенный потенциал среднеазиатский иммиграции
(на примере Ярославской области) 354**ФИЛОЛОГИЯ****Гаврюшева А. Е.**Об определении особенностей протографа на основе графико-
орфографических систем рукописей 374**Лагузова Е. Н.**

Метафора в грамматических трудах лингвистов 384

Маремукова Э. В.Языковая проекция этностереотипизации советования
в разноструктурных языках 392

Modern state migration policy models: migration protectionism as a factor of migration attractiveness

M. A. Burda¹

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-268-277

Research article
Full text in Russian

The choice of the model of migration policy of a modern state depends on various aspects, both in the economic, demographic and political planes. A rationally chosen model of migration policy allows you to ensure the effectiveness of managing migration flows and achieving optimal socio-economic development of the state, minimizing risks in the field of national security. The study examines various approaches to typologizing the models of migration policy of a modern state, and also provides an author's classification of migration policy models characteristic of states receiving migrants. Migration protectionism is cited as a key criterion for the author's typology of models, which, within the framework of the migration regime of a particular state, has a significant impact on the level of its migration attractiveness, based on the norms of acts of national migration legislation and ratified international agreements. Migration protectionism is considered as a result of the activities of the authorities of the receiving state of migrants, directly forming the migration regime. At the same time, the level of preferences in relation to various categories of migrants and types of migration acts as a mechanism for differentiating external migration according to various criteria, among which one can single out the purpose of entry, the state of origin, the level of qualifications of external migrants, knowledge of the language, which makes it possible to stimulate the demanded migration and limit unwanted. The study of migration protectionism as one of the instruments of the migration policy of the state makes it possible to identify the conceptual foundations of the formed migration regime, determine the types of foreign migration in demand and predict the trends in further political and legal regulation of state migration policy.

Keywords: migration; migration processes; migration policy models; migration protectionism; migration attractiveness; migrants

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Burda, Mikhail A. | E-mail: burda-ma@ranepa.ru
Cand. Sc. (Politics)

For citation: Burda M. A. Modern state migration policy models: migration protectionism as a factor of migration attractiveness // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 268-277. (in Russ.)

Модели миграционной политики современного государства

М. А. Бурда¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-268-277
УДК 325.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

Выбор модели миграционной политики современного государства зависит от различных аспектов, находящихся как в экономико-демографической, так и в политической плоскостях. Рационально выбранная модель миграционной политики позволяет обеспечить эффективность управления миграционными потоками и достижение оптимального социально-экономического развития государства, минимизируя риски в области национальной безопасности. В исследовании рассматриваются различные подходы к типологизации моделей миграционной политики современного государства, а также приводится авторская классификация моделей миграционной политики, характерных для государств приема мигрантов. В качестве ключевого критерия авторской типологизации моделей приводится миграционный протекционизм, который в рамках миграционного режима конкретного государства оказывает существенное влияние на уровень его миграционной привлекательности и основан на нормах актов национального миграционного законодательства и ратифицированных международных соглашений. Миграционный протекционизм рассматривается как результат деятельности органов власти государства приема мигрантов, непосредственно формирующих миграционный режим. При этом уровень предпочтений в отношении различных категорий мигрантов и видов миграций выступает в качестве механизма дифференциации внешней миграции по различным критериям, среди которых можно выделить цель въезда, государства исхода, уровень квалификации внешних мигрантов, знание языка, что позволяет стимулировать востребованную миграцию и ограничивать нежелательную. Исследование миграционного протекционизма как одного из инструментов миграционной политики государства позволяет выявить концептуальные основы формируемого миграционного режима, определить виды востребованной внешней миграции и спрогнозировать тенденции дальнейшего политико-правового регулирования государственной миграционной политики.

Ключевые слова: миграция; миграционные процессы; модели миграционной политики; миграционный протекционизм; миграционная привлекательность; мигранты

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бурда, Михаил Александрович | burda-ma@ranepa.ru
Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
и политического управления Института общественных наук

Для цитирования: Бурда М. А. Модели миграционной политики современного государства // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 268-277.

Введение

Процессы миграции населения в современном мире представляют собой многогранное, комплексное явление, управление которым требует выстраивания миграционной модели, определяемой как совокупность концептуальных подходов к формированию государственной миграционной политики и ее реализации в рамках определения особенностей миграционного режима, используемого инструментария регулирования миграционных процессов, а также коммуникации в этом процессе между соответствующими акторами. Следует отметить, что модель миграционной политики может рассматриваться как в глобальном измерении, если мы говорим об основополагающих принципах, так и в контексте конкретного государства, если речь идет непосредственно об инструментарии ее реализации на различных этапах миграционного процесса.

Модель миграционной политики, реализуемая в практической плоскости тем или иным государством складывается во взаимосвязи проблем государственного управления, общественного запроса, эффективности власти и национальной безопасности. Г. Алмонд, рассматривая политику и управление в контексте модели политической системы Д. Истона, говорил, что политический (входной) процесс – это некий поток требований общества (политических партий, общественных организаций, групп интересов, средств массовой коммуникации), а на выходе мы видим административный процесс реализации принятых политических решений [1, с. 596].

В свою очередь, В. И. Буренко, говоря о взаимодействии различных политических акторов, отмечает: «Во многих социальных процессах субъекты общественных отношений, в том числе и субъекты власти, вынуждены осуществлять политику как форму взаимодействия социальных субъектов, обладающую, в отличие от государственной власти, своими специфическими средствами и результатами» [2].

Можно сказать, что модель миграционной политики государства – это трехстадийный процесс реализации миграционной политики, где на первом этапе осуществляется анализ миграционной ситуации и миграционных процессов, на втором – вырабатывается концепция ее реализации, основанная на принятых политических решениях и компромиссах, и на третьем этапе осуществляется непосредственно реализация и контроль в рамках сформированного миграционного режима.

Миграционная политика как составная часть государственного управления

Формирование модели миграционной политики может быть реализовано в рамках различных подходов. Если рассматривать миграционную политику государства как структурный элемент системы национальной безопасности, то достаточно очевидным представляется ее этатистская природа, где именно государство в лице соответствующих властных институтов, в первую очередь органов исполнительной власти, становится ключевым субъектом ее реализации. Однако это не означает полного исключения из данного процесса институтов гражданского общества (политических партий, общественных и религиозных организаций, профсоюзов и др.), а также неформальных политических акторов, прежде всего отдельных крупных представителей бизнес-сообщества и национальных диаспор, которые пытаются оказывать влияние на институты власти через своих латентных представителей (лоббистов).

Вместе с тем, если в выборе миграционной модели исходить в большей степени из так называемого «экономико-демографического» подхода, то роль институтов государства представляется не столь очевидной и государство осознанно делегирует определенные функции и полномочия негосударственным структурам. Такой подход был высказан австрийским экономистом Ф. А. фон Хайеком, рассматривавшим в своих работах функции государства и заявлявшим о необходимости передачи «третьему» сектору целого ряда таких функций в целях повышения эффективности государственного управления [3].

В контексте миграционной политики государства мы можем говорить о практиках в области трудовой миграции, где в рамках государственно-частного партнерства создаются «частные агентства занятости» или саморегулирующие организации, которые становятся операторами привлечения трудовых мигрантов. В области социокультурной адаптации и интеграции усиливается роль третьего сектора, формируются специальные некоммерческие организации не только в рамках правозащитной деятельности, но и в большей мере представительства интересов мигрантов, в том числе в процессе институционализации диаспор, образуются профсоюзы, выражающие интересы мигрантов и отстаивающие их права. Развитие участия третьего сектора в государственной миграционной политике ведет к делегированию ряда функций, изначально закрепленных за государством, и усилению влияния третьего сектора на решения, принимаемые государством в сфере миграции.

Понимание термина «миграционная политика» достаточно широко представлено в современных работах как отечественной, так и зарубежной научной школы. Одним из распространенных подходов является отождествление понятий «миграционная политика» и «миграционное управление» [4]. Это обусловлено сохраняющейся доминирующей ролью институтов государственной власти в ключевых не только управления и регулирования различными миграционными процессами (внешними и внутренними), но и принятия той или иной модели миграционной политики с последующей ее реализацией в рамках соответствующего инструментария.

Например, Б. С. Хорев определял миграционную политику как систему мер по управлению миграционной мобильностью населения [5]. Также достаточно интересной представляется точка зрения О. В. Лармина, Б. С. Хорева, Г. С. Мержанова и В. М. Моисеенко, рассматривающих миграционную политику в увязке с национальной политикой, а также изменениями в оплате труда [6]. Т. А. Бажан, говоря о миграционной политике, рассматривает ее как одну из подсистем государственной политики, общественных отношений, нуждающихся в государственном регулировании [7].

Анализ миграционной политики в ракурсе межэтнических отношений актуализируется в современных реалиях миграционных процессов и в настоящее время нашел свое продолжение в работах В. А. Тишкова [8], В. Ю. Зорина [9] и С. В. Рязанцева [10], рассматривающих межнациональные отношения между местными и мигрантскими сообществами, в рамках взаимосвязи миграционной и национальной политики государства.

Типология моделей миграционной политики государства

Следует отметить, что миграционное движение не всегда обладало одинаковой интенсивностью, и мировая история знает множество примеров так называемой

мых «миграционных скачков», т. е. глобальных миграционных перемещений, вызванных различными по своей природе событиями, в т. ч. войнами, различными конфликтами, особенностями политики государства к отдельным этническим, религиозным группам, стихийными бедствиями. Таким образом, особенности миграционных перемещений, факторы их интенсификации оказывали влияние на формирование той или иной модели миграционной политики государства. В качестве основного подхода принято выделять четыре модели миграционной политики: имперскую, этническую, республиканскую и мультикультурную [11, с. 21–22].

Имперская модель миграционной политики в настоящее время представляется неактуальной, и ее основная задача в контексте данной типологии – показать особенности, характерные для монархий, где все члены нации являются подданными монарха и объектами его власти, что было на определенном историческом этапе характерно для Российской Империи, Оттоманской Империи и Британской Империи. Можно было бы сказать о том, что данная модель представляется характерной для современных монархий Ближнего Востока, однако невозможность вступления в гражданство (подданство) для внешних мигрантов в этих государствах не позволяет этого сделать.

Этническая модель, базирующаяся на принципе «крови и происхождения», основывается на национальной идентичности, определяемой историческими корнями, общностью языка, культуры и религии. Государством поощряется репатриация соотечественников (например, репатриация немцев из постсоветских государств в Германию в конце XX века или алия евреев на историческую родину в государство Израиль), обладающих указанными критериями общности, при этом главным критерием принятия новых членов общества является полная и безоговорочная ассимиляция. В настоящее время наиболее наглядным примером реализации подобной модели миграционной политики является Израиль.

Республиканская модель определяет принадлежность к политическому сообществу и опирается не на национальную, а на государственно-гражданскую идентичность (единство политической нации). Данная модель базируется на «законе почвы», где любой родившийся на территории страны человек автоматически становится ее гражданином вне зависимости от этнической, религиозной или какой-либо еще принадлежности. «Республиканская модель» также подразумевает ассимиляцию мигрантов в соответствии с культурными ценностями принимающего общества, не отрицая при этом «этнический плюрализм». В качестве примеров реализации подобной модели можно привести миграционную политику США и Франции в XX веке.

Мультикультурная модель миграционной политики является логическим продолжением процессов глобализации в области политики, культуры и идентичности, на сегодняшний день распространена в государствах Западной Европы, а также в Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Мультикультурная модель предполагает требование к обеспечению максимального равенства в отношениях местных жителей и мигрантов, отрицает необходимость ассимиляции и требует взаимной толерантности и уважения культурных традиций и особенностей, которые «обогащают» процессы социокультурного взаимодействия между мигрантами и местными жителями.

Мультикультурная модель миграционной политики в последнее время получает все большее распространение, что, по мнению Ч. Кукатоса, обусловлено

идеологической близостью мультикультурализма и либерализма [12]. При этом против мультикультурной модели активно выступают современные государства Восточной Европы, политические лидеры которых придерживаются консервативной парадигмы (Польша, Венгрия, Словакия и др.), что находит свое выражение в первую очередь в отказе от подписания и ратификации Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

Можно утверждать, что на выбор той или иной модели миграционной политики в конкретном государстве оказывает влияние политическая конъюнктура позиционирования внешней миграции как блага или угрозы, ее восприятие в принимающем обществе, отношение к процессам миграции со стороны различных политических акторов, находящихся на уровне принятия политических решений или представляющих общественный запрос, что в конечном итоге находит свое выражение в виде миграционного режима, обеспечивающего порядок въезда, выезда, временного пребывания и изменение правового статуса иностранных граждан в государствах их приема [13; 14].

Особенности миграционных моделей современных государств

С учетом ведущей роли государственных институтов в формировании миграционной политики государства достаточно очевидным критерием типологизации моделей миграционной политики представляется протекционизм в миграционной сфере. Уровень миграционного протекционизма взаимосвязан с миграционным режимом, формирование которого является результатом деятельности компетентных в сфере миграции органов государственной власти (государственного управления миграцией населения). Миграционный протекционизм для различных категорий внешних мигрантов в зависимости от цели въезда и государства исхода может распространяться на процедуру въезда (наличие или отсутствие визового режима, сложность получения визы и др.), период временного пребывания (сроки временного пребывания, порядок постановки на миграционный учет, получение различных миграционных статусов), условия доступа к рынку труда (порядок оформления разрешительных документов), изменение правового статуса (процедура получения вида на жительство или гражданства).

Рассматривая миграционный протекционизм как один из критериев государственной миграционной политики, выделим следующие миграционные модели:

- ограничительная – максимальное ограничение внешней миграции (отсутствии миграционного протекционизма);
- сегрегационная – миграционный протекционизм для отдельных категорий мигрантов (по государствам исхода, времени нахождения, предъявляемым миграционным критериям);
- ассимиляционная – ассимиляция мигрантов в принимающем обществе (the Melting Pot, Божий тигель);
- мультикультурная – миграционный плюрализм (максимальный миграционный протекционизм).

В рамках ограничительной модели государство, используя особенности сформированного миграционного режима, максимально на уровне национального законодательства ограничивает возможность внешней миграции, исключается имплементация норм международных документов в сфере миграции в националь-

ное миграционное законодательство, порядок въезда и выезда из государства осуществляется по специальным разрешениям или визам (КНДР и Туркменистан).

Сегрегационная модель в своем консервативном сценарии допускает определенные виды внешней миграции, которые ограничиваются отдельными категориями мигрантов, целью и сроком их пребывания в стране, при отсутствии возможностей последующего изменения правового статуса в виде приобретения гражданства, а также социальных пособий, участия в общественной жизни (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Япония, Ю. Корея). В рамках либерального сценария сегрегационная модель предполагает наличие более широких миграционных предпочтений для мигрантов-представителей отдельных государств или межгосударственных объединений, например, в России в отношении внешних мигрантов из государств ЕАЭС и СНГ.

Принципиальным аспектом консервативного сценария сегрегационной модели является обеспечение отъезда мигрантов после окончания срока их временного пребывания в государстве приема. Отсутствие возможности получения статуса, связанного с постоянным проживанием на новом месте для мигранта при одновременном его невозврате в государство исхода, приводит к накопительному росту численности мигрантских сообществ, их радикализации и «геттоизации».

В концептуальной основе ассимиляционной модели лежит идея построения однородного, монокультурного общества, принимающего социальные группы мигрантов, готовых к добровольной ассимиляции и тем самым демонстрирующих лояльность к имеющимся в обществе принципам, традициям, ментальности, т. е. ассимилирующимся в единую государственно-гражданскую идентичность, преваляющую над культурными, этническими и религиозными особенностями. При этом А. Д. Косьмин, А. Г. Чернявский и Л. О. Камаева, рассуждая о синкретизме «плавильного котла» в политическом смысле на примере США, одновременно отмечают возможный плюрализм национальной идентичности [15].

Модель миграционного плюрализма стала логичным отраслевым направлением глобального явления международной политики – мультикультурализма, основанного на множестве культур на одной территории с отсутствием доминантной культуры или идентичности, имеющей особые права относительно меньшинств.

Таким образом, данная концепция противопоставляется теории «плавильного котла», в рамках которой мигранты обязаны «сливаться вместе», отказываться от своей культуры и ассимилироваться в большинстве населения [16].

Еще одной отличительной особенностью миграционного плюрализма являются интеграционные, а не ассимиляционные подходы к коммуникации между местными жителями и мигрантами. Именно социокультурная интеграция мигрантов в принимающее общество отвечает принципам мультикультурного разнообразия (миска салата, калейдоскоп), тем самым подчеркивая противопоставление политике ассимиляции, выставляя ассимиляцию политикой нетерпимости, а иногда и неким рудиментом расизма [17].

Ниже рассмотрим факторы миграционной привлекательности [18], взаимосвязанные с каждой из миграционных моделей по установленному в рамках миграционного режима уровню протекционизма в соответствии с этапами миграционного процесса по Л. Л. Рыбаковскому [19] (табл. 1).

**Факторы миграционной привлекательности
в моделях миграционной политики государства**

Модель миграционной политики	Факторы миграционной привлекательности по уровню миграционного протекционизма на этапах миграционного процесса		
	Подготовка	Переезд	Обоснование
Ограничительная (Туркменистан, КНДР)	Низкий уровень миграционной мобильности населения. Отсутствие сложившихся миграционных маршрутов внешней миграции. Отсутствие потребностей на национальном рынке труда.	Закрытый миграционный режим. Жесткая визовая система и приглашений на въезд.	Ограниченная информационная среда. Отсутствие механизмов интеграции. Невозможность изменения правового статуса.
Сегрегационная (ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар, Япония)	Средний уровень миграционной мобильности населения. Наличие сложившихся миграционных маршрутов. Потребность на рынке труда в определенных отраслях.	Миграционный режим не подразумевает гуманитарной миграции. Внешняя миграция носит возвратный характер. Мигранты имеют обособленный статус. Трудовые мигранты нанимаются лишь в отдельные отрасли и на предприятия. Изменение правового статуса носит затруднительный характер.	Отсутствие механизмов интеграции внешних мигрантов.
Ассимиляционная (США, Израиль)	Высокий уровень миграционной мобильности. Наличие миграционных сетей и диаспор. Рынок труда регулируется в соответствии с имеющимися потребностями (категории востребованной миграции).	Миграционный режим формирует критерии и правила миграции, как трудовой, так и гуманитарной. Изменение правового статуса мигранта вполне возможно, зависит от качеств и знаний мигранта.	Ассимиляция в рамках единой ценностно-политической и государственно-гражданской идентичности, в рамках плюрализма этнических идентичностей.
Мультикультурная (государства ЕС, Великобритания, Канада, Австралия)	Высокий уровень миграционной мобильности. Наличие крупных диаспор, претендующих на политическое представительство. Гуманитарная миграция является определяющей. Упрощенный доступ на рынок труда.	Миграционный режим благоволит гуманитарной миграции в рамках реализации политики «открытых дверей». Легкость изменения правового статуса мигранта, носящая заявительный характер.	Социально-культурная интеграция мигрантов в принимающее общество в рамках взаимной толерантности.

Заключение

Рассмотренный в рамках настоящего исследования миграционный протекционизм и его влияние на миграционную привлекательность современного государства-реципента позволяет говорить о как минимум четырех различных моделях государственной миграционной политики, особенности реализации и формирования которых определяются совокупностью инструментов политико-правового регулирования процессов внешней миграции – миграционным режимом.

Миграционный протекционизм в отношении тех или иных категорий внешних мигрантов позволяет более эффективно использовать принцип дифференциации в миграционной политике государства, стимулируя те внешние миграции, которые являются востребованными для конкретного государства, например, сезонные, трудовые, миграции квалифицированных и высококвалифицированных специалистов, соотечественников и т. д., при этом ограничивая нежелательные миграции.

Использование инструментария миграционного протекционизма, как правило, связано с правовым регулированием в рамках национального законодательства в сфере миграции и ратифицированных международных соглашений, регулирующих такие аспекты, как порядок въезда, выезда, временного пребывания, осуществления временной трудовой деятельности, миграции членов семьи, изменения правового статуса внешних мигрантов в государстве их приема.

Ссылки

1. Toynbee A. *Mankind and Mother Earth. A Narrative History of the World*. New York: Oxford Uni1. Алмонд Г., Верба С. *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах* / Пер. с англ. Е. Генделя; Фонд Либеральная миссия. М.: Мысль, 2014. 499 с.
2. Буренко В. И. Диалектика политико-властных управленческих решений как условие их эффективности // *Вестник Национального Института Бизнеса*. 2019. № 36. С. 17–25. EDN SEUEUL.
3. Hayek F. A. *Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*. Routledge, 2012. 584 p.
4. Хомра А. У. *Миграция населения: вопросы теории, методики исследования*. Киев: Наук. думка, 1979. 146 с.
5. Хорев Б. С. *Проблемы изучения миграции населения: (Стат.-геогр. очерки)*. М.: Мысль, 1978. 254 с.
6. *Миграционная подвижность населения в СССР* / О. В. Лармин, В. М. Моисеенко, Г. С. Мержанов и др.; под ред. Б. С. Хорева, В. М. Моисеенко. М.: Статистика, 1974. 160 с.
7. Бажан Т. А. Социокультурная интеграция иностранных граждан в системе государственной миграционной политики // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2018. № 3. С. 24–30. EDN YLGXZR.
8. *Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России* / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2019. 261 с.
9. Зорин В. Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. № 3. С. 40–50. DOI 10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50.

10. Рязанцев С. В. Видит ли миграционная политика России человека? (антропологическое измерение российской миграционной политики) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 167–177. DOI 10.17223/19988613/59/22.
11. Паскачев А. Б., Волох В. А., Суворова В. А. Российские и мировые миграции: историко-политологический анализ (к 300-летию создания подразделений по вопросам миграции системы МВД России): монография. М.: Литера, 2019. 248 с.
12. Kukathas Ch. *The Liberal Archipelago: A Theory of Diversity and Freedom*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 292 p.
13. Бурда М. А., Михайлова Н. В., Гришин О. Е. Инициативы Президента Д. Трампа в контексте формирования и реализации иммиграционной политики США // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 6. С. 40–49. EDN RPVWFK.
14. Национально-государственная идентичность в современной Европе в контексте происходящих миграционных и политических процессов / М. А. Бурда, Е. Е. Хорева, М. А. Ларкина, В. П. Беляева // Вопросы политологии. 2019. Т. 9, № 8. С. 1799–1806. EDN OBHCRO.
15. Косьмин А. Д., Чернявский А. Г., Камаева Л. О. Генезис и эволюция мультикультурализма // Образование и право. 2021. № 7. С. 11–21. DOI 10.24412/2076-1503-2021-7-11-21.
16. Мартин-Иогансон Э. Западный мультикультурализм. Провальная идеология плавильного котла // Свободная мысль. 2021. № 4. С. 79–92. EDN TZTRVI.
17. Медушевский Н. А. Борьба за толерантность в идейной конфронтации европейских фабрик мысли // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 107–118. DOI 10.17976/jpps/2015.05.09
18. Everett S. Lee. *Theory of Migration* // *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. P. 47–57.
19. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения : прогнозы, факторы, политика / Отв. ред. Т. И. Заславская; АН СССР, Ин-т социологических исследований. М.: Наука, 1987. 199 с.

Media as an instrument of Russia's information policy

A. S. Grinchevskiy¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-278-287

Research article
Full text in Russian

This article explores the role of the media in the implementation of the state information policy, as well as the possibility of domestic media to become a key tool in the information confrontation with unfriendly countries. Among the main threats in the Doctrine of Information Security of the Russian Federation is the increase in the use of information-psychological influence technologies by intelligence services of certain states, aimed at destabilising the internal political, social and economic situation in various regions of the world, leading to the undermining of sovereignty and violation of territorial integrity of other states. The influence of the media on mass consciousness remains, without exaggeration, extensive, despite the radical changes in the landscape of the media environment caused by the spread of the Internet. In the era of digitalisation, the information space is undergoing significant transformations, which also concern the methods of media influence on mass consciousness. The Internet, having become a global communication platform, has provided the media not only with new channels for content distribution, but also increased their influence through personalisation and algorithmic filtering of information. The author examines the methodology and principles of information flows application in the context of information warfare. The author also analyses the use of media not only as an information intermediary, but also as a conduit of values, ideology and positive image of Russia.

Keywords: state information policy (SIP); mass media; information warfare; soft power; manipulation technologies; information society; ideology

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grinchevskiy, Artemiy S. | E-mail: grinchevsky@gmail.com
| Postgraduate

For citation: Grinchevskiy A. S. Media as an instrument of Russia's information policy // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 278-287. (in Russ.)

СМИ как инструмент информационной политики России

А. С. Гринчевский¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-278-287
УДК 327.8

Научная статья
Полный текст на русском языке

В данной статье исследуется роль СМИ в проведении государственной информационной политики, а также возможность отечественных медиа стать ключевым орудием в информационном противостоянии с недружественными странами. Среди основных угроз в Доктрине информационной безопасности РФ отмечается увеличение масштабов использования спецслужбами отдельных государств технологий информационно-психологического воздействия, направленных на дестабилизацию внутривнутриполитической, социальной и экономической ситуации в различных регионах мира, ведущих к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств. Влияние СМИ на массовое сознание остается, без преувеличения, обширным, несмотря на радикальные изменения ландшафта медиасреды, обусловленные распространением Интернета. В эпоху цифровизации информационное пространство претерпевает значительные трансформации, которые касаются и методов воздействия СМИ на массовое сознание. Интернет, став глобальной платформой коммуникации, не только предоставил СМИ новые каналы распространения контента, но и усилил их влияние благодаря персонализации и алгоритмической фильтрации информации. Автором рассматриваются методология и принципы применения информационных потоков в контексте информационной войны. Также проводится анализ использования СМИ не только в качестве информационного посредника, но и в качестве проводника ценностей, идеологии, положительного имиджа России.

Ключевые слова: государственная информационная политика; средства массовой информации; информационная война; мягкая сила; технологии манипуляции; информационное общество; идеология

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гринчевский, Артемий Сергеевич | E-mail: grinchevsky@gmail.com
Аспирант кафедры социального-политических теорий

Для цитирования: Гринчевский А. С. СМИ как инструмент информационной политики России // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 278-287.

С каждым днем в современном мире повышается градус разногласий геостратегического характера. Глобальные взаимоотношения испытывают динамический период преобразований, и это усугубляет конфликты между государствами и международными альянсами, что в итоге ведет к усилению многовекторности в мировой политике. Эти процессы происходят на фоне вступления человечества в но-

вую эру, где информационная сеть охватывает весь мир, трансформируя основы человеческого общества [1] – общества, против которого ведется информационная война. Это сложный и многогранный процесс, о котором знают многие, но его масштабы и глубина понимания остаются часто неохваченными. Невидимый противник не имеет четко обозначенных границ и не подчиняется традиционным законам войны, что делает его особенно трудноуловимым. И хотя эта война не имеет физического измерения, ее последствия крайне ощутимы. Отечественный ученый С. П. Расторгуев дает следующее определение информационной войны: «Информационная война – это борьба между государствами с использованием исключительно информационного вооружения, то есть информационных технологий, базирующихся на промышленном производстве, распространении и навязывании информации» [2].

Совокупностью мер и контрмер, направленных на безопасное функционирование государственных и общественных систем, а также деятельностью субъектов государственной власти по реализации национальных интересов посредством формирования, обработки, хранения и передачи информации является государственная информационная политика (ГИП) [3].

Средства массовой информации (СМИ) являются ключевым игроком в сфере формирования и распространения информации. Они стали неотъемлемой частью нашей жизни, предоставляя нам доступ к новостям, аналитике, развлечениям и многому другому. Влияние СМИ на массовое сознание остается, без преувеличения, обширным, несмотря на радикальные изменения ландшафта медиасреды, обусловленные распространением Интернета. В эпоху цифровизации информационное пространство претерпевает значительные трансформации, которые касаются и методов воздействия СМИ на массовое сознание. Интернет, став глобальной платформой коммуникации, не только предоставил СМИ новые каналы распространения контента, но и усилил их влияние благодаря персонализации и алгоритмической фильтрации информации [4]. Однако, помимо своей основной функции по передаче информации, СМИ также являются инструментом для проведения ГИП.

В центре системы законодательного регулирования информационного пространства находится Доктрина информационной безопасности РФ. Она раскрывает концепцию информационной сферы не просто как совокупности данных и коммуникационных процессов, но как стратегически важного компонента, который пронизывает все уровни общественной жизни и государственного управления. В Доктрине акцентируется внимание на необходимости защиты информационного пространства от внутренних и внешних угроз, что подразумевает активное противодействие информационным атакам, пропаганде и иным негативным воздействиям. Таким образом, Доктрина ставит задачу не только предотвращать потенциальные угрозы, но и укреплять информационную стабильность страны, обеспечивая ее надежную защиту и устойчивое развитие.

Академический дискурс выделяет важность «настройки повестки дня» [5], согласно которой СМИ определяют, о каких проблемах общество будет думать и говорить. В условиях Интернета этот процесс усиливается за счет сетевого эффекта и вирусности контента, и государство не остается равнодушным к этому процессу.

ГИП страны задействует СМИ в качестве инструмента поддержания и защиты государственных интересов. Их роль в распространении официальной информации, освещении политики правительства и законодательных инициатив неопределима. Они служат мостом, соединяющим государственные органы и общество, обеспечивая двустороннюю коммуникацию. Пресечение попыток дестабилизации социального климата и защита от внутренних и внешних угроз также входят в круг задач, стоящих перед ГИП. Это включает в себя меры по предотвращению распространения недостоверной и вредоносной информации, которая может нанести ущерб репутации страны и её граждан, а также подрывать национальную безопасность.

ГИП представляет собой сложный, многоуровневый процесс, направленный на поддержание стабильности, развитие гражданского общества и укрепление международного влияния страны. Она требует внимательного балансирования между свободой прессы и необходимостью обеспечения национальных интересов, что, в свою очередь, определяет вектор развития страны в долгосрочной перспективе [6].

В XXI веке информация заняла место ключевого ресурса, обеспечивающего функционирование социально-политической системы. Сегодня человек, будучи активным потребителем информации, сталкивается с проблемой ее переизбытка [7]. «Сегодня мы нуждаемся не столько в информации, сколько в ее смысловом и контекстном наполнении. Этот всепоглощающий информационный поток не структурирован и не сортирован: если мы хотим, чтобы он стал источником знаний, а не заблуждений, его необходимо просеять, отсортировать и осмыслить в соответствии с современными представлениями о мире» [8].

Один из основных механизмов информационной политики – это создание собственных медиаплатформ и телеканалов, которые направлены на продвижение определенной точки зрения. Примером таких платформ являются RT (ранее Russia Today) и Sputnik – государственные российские информационные агентства, распространяющие новости на русском, английском, арабском, испанском, французском и немецком языках по всему миру.

Еще один механизм информационной политики – это оказание финансовой поддержки тем СМИ, чья деятельность соответствует заданным ориентирам. В России существуют различные государственные программы и фонды, предоставляющие средства на развитие СМИ, что влияет на вывод определенных материалов на широкое обозрение.

Нельзя не отметить государственную программу «Информационное общество», одной из главных задач которой является «обеспечение участия Российской Федерации в международном информационном пространстве, доступности для населения Российской Федерации актуальной информации о событиях в стране и мире, а также развитие социально значимых проектов в медиасреде, в том числе в печатных и электронных средствах массовой информации»¹.

¹ О внесении изменений в раздел I государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства Российской Федерации

В Доктрине информационной безопасности РФ особое внимание уделяется применению иностранными спецслужбами методов информационно-психологического воздействия. Такие операции могут быть направлены на разжигание социального недовольства, подрыв доверия населения к власти, осуществление пропагандистских кампаний, что может привести не только к политическим, но и к социальным и экономическим потрясениям. Подобные действия несут угрозу не только для внутренней стабильности, но и для национального суверенитета, а также территориальной целостности стран, подвергающихся такому воздействию. Это может привести к кризисным явлениям международного масштаба, когда в результате информационных вмешательств нарушается баланс и стабильность в различных уголках мира [9].

Западные медиа, используя разнообразные платформы и методы коммуникации, стремятся оказывать влияние на аудиторию различных стран, включая Россию. В современной медиасреде значительное влияние на формирование ценностных ориентаций оказывает культурный фактор. Как отмечают исследователи, массовая культура через СМИ становится инструментом глобализации и трансляции определенных идеологических установок. Западные медиаресурсы, используя стратегии «мягкой силы», стремятся донести до российской аудитории ценности либеральной демократии, индивидуализма и потребительского образа жизни. [10] Из года в год усиливается деструктивное информационное воздействие на население Российской Федерации, направленное на разложение общественных ценностей, эрозию морально-этических принципов, которые были заложены поколениями. Коварство состоит в том, что подобное воздействие часто маскируется под прогрессивные идеи или развлекательный контент, что затрудняет его распознавание и противодействие. Попытки искажения исторического контекста и пренебрежения к патриотическим чувствам населения направлены на изменение общественного сознания, так как масс-медиа формируют не только информационную, но и нормативную основу общества.

В контексте информационной войны, как указывает М. МакКомбс, повестка дня определяет не только то, о чем люди думают, но и то, как они это делают [11]. Западные СМИ стремятся формировать весьма своеобразные представления об идеалах свободы, демократии и прав человека, противопоставляя их российской действительности. Важно отметить, что воздействие на массовое сознание СМИ достигается через стратегии контент-маркетинга, визуализации данных и таргетированной рекламы. Таким образом, они не только информируют, но и формируют предпочтения и мировоззрение аудитории.

Однако нельзя не отметить, что западные нарративы в российском инфополе нередко встречают сопротивление. Культурно-историческая специфика России, подчеркнутая исследованиями С. Хантингтона (1996), предполагает уникальность российской цивилизации, которая сопротивляется одностороннему влиянию. Таким образом, культурный фактор играет роль барьера, обеспечивающего сохранение национальной идентичности.

от 02.06.2022 № 1016 // Правительство Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/141347/> (дата обращения: 20.07.2024).

Одним из орудий информационного фронта служит контент, распространяемый через популярные и запрещённые в РФ социальные сети, где новостные алгоритмы фаворизируют материалы, вызывающие сильную эмоциональную реакцию [12]. Подобные сюжеты часто включают критические сообщения о действующей власти, социальных проблемах в России, фейки об армии и другие.

Контент, создаваемый пользователями социальных сетей, блог-платформ и прочих онлайн-площадок, часто подвергается манипуляциям и может быть использован для невидимого воздействия на массы [13]. Это достигается за счет алгоритмов показа контента, который усиливает предвзятые мнения и создает эхо-камеры, укрепляющие однобокую точку зрения.

Ключевой инструмент создания подобных материалов – когнитивный фрейминг, который заключается в подаче информации через определённую интерпретационную рамку, формирующую у аудитории желаемое восприятие событий или фактов.

Один из авторов концепции постиндустриального общества Э. Тоффлер писал: «Информационная бомба взрывается в самой гуще людей, осыпая нас шрапнелью образов и в корне меняя и восприятие нашего мира, и наше поведение». [14]

В этой связи государственный аппарат стремится контролировать информационные потоки, чтобы сформировать желаемое общественное мнение и обезопасить информационное пространство. Для этого могут использоваться различные инструменты, такие как законы о дезинформации и экстремизме, чтобы ограничить доступ к запрещенной информации, также проводилась работа по созданию системы блокировок нежелательных сайтов или удалению запрещенной информации из поисковых систем.

Одно из основных направлений взаимодействия государства и СМИ – это контроль информационного пространства со стороны государства. Государство стремится следить за активностью СМИ, чтобы обеспечить соблюдение закона и подавить негативные сообщения или комментарии, которые могут быть опасными для его интересов. Для этого используются различные методы, такие как законодательное регулирование деятельности СМИ, проверки со стороны контролирующих органов и т. д.

Контроль со стороны государства может иметь как положительный, так и отрицательный эффект на работу СМИ. В случае правильного использования он способен укрепить профессиональную ответственность журналистов, предотвратить распространение ложной или враждебной информации, а также обеспечить защиту интересов государства и граждан.

Однако негативными последствиями контроля со стороны государства могут быть ограничение свободы слова, цензура и ограничение доступа к информации. Чрезмерный контроль может привести к потере доверия общества к СМИ и снижению их авторитетности.

Также к негативной стороне вопроса о контроле работы СМИ можно отнести не до конца прозрачную и выверенную нормативно-правовую базу. В частности, Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает строгие требования к обработке персональных данных, что порой

порождает трудности при сборе информации журналистами. С другой стороны, Федеральный закон от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» декларирует свободу сбора информации. Такая ситуация порождает конфликт интересов и несогласованность в действиях, когда для выполнения профессиональных обязанностей сотрудникам СМИ необходимо соблюдать нормы, прямо противоречащие друг другу.

Таким образом, взаимодействие государства и СМИ является сложным, тонко настраиваемым процессом. Четкое, взвешенное балансирование интересов государства и свободы слова является важнейшим фактором для обеспечения развития независимой и безопасной информационной среды в России.

Государственные СМИ играют важную роль в публичном дебате, создавая определенную картину мира или подавляя определенные точки зрения. Они способны повлиять на поведение людей и формирование коллективных убеждений.

Образ России на мировой арене является одним из основных аспектов ГИП. В контексте геостратегического катаморфизма имидж России существенно влияет на ее репутацию и положение на международной арене, поэтому российские СМИ активно привлекаются для создания и поддержки положительного образа страны. Высокое качество представления медиаконтента о России является залогом правильного понимания ее политического курса, экономической стратегии и социального развития. На этом поле особую роль играют «внешние» телеканалы: «РТ», «Спутник» и др., которые являются главными источниками информации о России для зарубежных зрителей.

Также российские медиа активно размещают свои материалы на западных интернет-платформах, таких как YouTube, X и др., что позволяет донести до широкой аудитории информацию, распространяемую государством, в том числе для поддержания положительного имиджа России за рубежом.

Классические СМИ давно и активно используют и собственные интернет-ресурсы, чтобы максимально широко распространять медиаконтент о России. Сайты российских новостных агентств, таких как ТАСС, РИА Новости, Газета.ru и др., предлагают многоязычные версии своих материалов, что делает их доступными для жителей других стран.

Однако необходимо отметить, что образ России в зарубежных СМИ часто имеет негативную окраску. В рамках концепции информационной войны недружественные страны используют свои СМИ для формирования определенного, зачастую нелестного образа нашей страны для достижения своих политических целей. Согласно этой стратегии крупные западные СМИ склонны преподносить события, связанные с Россией, таким образом, чтобы создать неблагоприятное впечатление у своей аудитории. При этом факты часто бывают искажены или умышленно вывернуты с негативной стороны. Чего стоят явно постановочные сцены с ракетными ударами по жилым кварталам городов Украины.

В то же время в недружественных странах российские СМИ и их сотрудники зачастую подвергаются откровенной дискриминации (лишение аккредитации, аннулирование рабочей визы, запрет на вещание и т. п.).

Для успешного противостояния недружественным информационным потокам уместно было бы создать специализированную интернет-платформу, на которой командой специалистов проводилась бы системная работа по разоблачению «фейковых» новостей, заведомо ложной и порочащей информации.

Развитие информационных технологий и медиаресурсов открывает новые горизонты для государств в их стремлении к международному влиянию. Концепция «мягкой силы», разработанная Джозефом Наем, подчеркивает значимость информационной стратегии и культурного воздействия в современном глобальном мире. Суть концепции заключается в том, что государства, стремящиеся к расширению своего влияния на международной арене, должны активно производить и распространять информационные материалы, демонстрирующие их культуру, ценности и достижения, тем самым формируя общественное мнение и повестку дня в свою пользу [15].

Как инструмент «мягкой силы» СМИ выступают в роли мощного рычага влияния на общественное сознание. Сообщения, переданные СМИ, мгновенно достигают миллионов людей, формируя представления и мнения через тщательно подготовленные и отобранные информационные конструкции, создавая необходимые образы и символы [16].

Средства массовой информации, действуя как «строители» реальности, позволяют создавать сложные серии повествований, внутри которых зарождаются и укрепляются определенные концепции и идеи. Эти нарративы несут в себе мощное воздействие, не только затрагивая осознанные убеждения людей, но и глубоко проникая в подсознательные слои восприятия. Как отмечал Джозеф Най, «в современном мире исход политической борьбы определяется не тем, чья армия победит, а тем, чья история победит» [15].

Каждое сообщение, транслируемое через СМИ, вносит свой вклад в мозаику общественных представлений, сплетая воедино целый ряд историй и интерпретаций. Таким образом, СМИ играют основную роль в формировании медиаимиджа государства, создавая и укрепляя образ страны в глазах внутренней и мировой общественности [17].

В целом можно сказать, что СМИ являются ключевым публичной дипломатии России. Они активно работают на создание положительного образа страны за ее пределами, одновременно борясь с негативными тенденциями в зарубежных СМИ. Это позволяет эффективно донести до внешней и внутренней аудитории особенности развития страны, вызывая интерес к ее достижениям и потенциалу.

В современном мире СМИ не только передают факты и новости, но также выполняют функцию проводника ценностей и идеологии государства. В России госаппарат активно использует средства массовой информации для формирования единого национального самосознания и поддержки социально-политического консенсуса. Важный инструмент проведения ГИП – пропаганда традиционных ценностей, культурного и исторического наследия, в том числе через развлекательный, «легкий» контент. Привлекательность российского образа жизни, духовности, служения Отечеству, милосердия и взаимопомощи должна пропагандироваться

не столько «сухими» информационно-аналитическими передачами, сколько мультфильмами, сериалами и сказками.

Направленность СМИ на проведение определенной идеологии проявляется в различных аспектах. Во-первых, это выбор тематики публикаций. СМИ активно освещают достижения государства, подчеркивают его роль на международной арене и критикуют противников России. Таким образом формируется положительное представление о стране.

Во-вторых, СМИ используются для укрепления единства нации и формирования общественного мнения. Они акцентируют внимание на значимости патриотизма и верности своей стране. Как правило, средства массовой информации передают одобрительную оценку таких ценностей, как семья, духовность и сохранение традиций.

СМИ также являются платформой для освещения проводимой государственной политики и программ правительства. Например, сообщения о проделанной работе по модернизации экономики или социальных программах активно распространяются через СМИ с целью создания положительного имиджа власти.

В целях оптимизации сотрудничества государства и СМИ следует большее внимание уделять «малым», региональным СМИ, в частности, доступ к эксклюзивной информации, дополнительные субсидии и гранты. Также необходимо усилить механизмы «мягкого воздействия» со стороны государства на непосредственных создателей аудио-визуального и печатного контента. Проведение круглых столов, конференций, встреч с представителями власти режиссеров, авторов, операторов и т. д. усилит чувство вовлеченности, сопричастности с «великими делами». Обмен опытом, профессиональная дискуссия, синергия госаппарата с «бойцами информационного фронта» повысят творческий потенциал и позволят оперативно вырабатывать новые решения для решения задач динамично развивающегося глобального информационного пространства.

СМИ как инструмент информационной политики России могут быть использованы не только как информационные посредники, но и как проводники ценностей и государственной идеологии для укрепления национальной идентичности. Однако важно сохранять баланс между правом на свободу слова и необходимостью держать под контролем сообщение, распространяемое через СМИ. Это позволит обеспечить, с одной стороны, информационный плюрализм и, с другой стороны, поддержание единства общества и защиту национальных интересов.

Ссылки

1. Кучерявый М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 7–14. EDN SYDYLT.

2. Расторгуев С. П. Формула информационной войны. М.: Белые Альвы, 2005. 96 с.

3. Манойло А. Государственная информационная политика в особых условиях. М. : МИФИ, 2003. 388 с.

4. Samuels M. G. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You by Eli Pariser // *InterActions: UCLA Journal of Education and Information Studies*. 2012. Vol. 8, No. 2. DOI 10.5070/D482011835
5. McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media 2 // *The Agenda Setting Journal*. 2017. Vol. 1, No. 2. P. 105–116. DOI 10.1075/asj.1.2.02mcc.
6. Рябов А. А. ТАСС и международная медиагруппа «Russia Today» в системе государственной информационной политики Российской Федерации // *Вестник Поволжского института управления*. 2023. № 23. С. 93–103. DOI 10.22394/1682-2358-2023-2-93-103.
7. Чайковский Д. В. Проблема управления в контексте общества информации и коммуникации // *Известия Томского политехнического университета*. 2010. № 6. С. 100–104. EDN MTJOLT.
8. Бард А., Зодерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. Стокгольмская школа экономики. СПб., 2005. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/187000/fc505fdd44b9ac8876ee8ac1ba911a09/_as/\[Aleksandr_Bard,_YAn_Zoderkvist\]_Netokratiya_Nov\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/187000/fc505fdd44b9ac8876ee8ac1ba911a09/_as/[Aleksandr_Bard,_YAn_Zoderkvist]_Netokratiya_Nov(libcats.org).pdf) (дата обращения: 12.07.2024).
9. Мещеряков И. В. Роль СМИ в государственной информационной политике по обеспечению национальной безопасности // *Наука Красноярья*. 2016. № 6. С. 70–82. DOI 10.12731/2070-7568-2016-6-70-82.
10. Nye J. S. *Soft Power and American Foreign Policy* // *Political Science Quarterly*. 2004. Vol. 119. P. 255–270. DOI 10.2307/20202345.
11. McCombs M. A Look at Agenda-setting: past, present and future // *Journalism Studies*. 2005. Vol. 6, No. 4. P. 543–557. DOI 10.1080/14616700500250438.
12. Hermida A. *Twittering the news: The emergence of ambient journalism* // *Journalism Practice*. 2010. Vol. 4, No. 3. P. 297–308. DOI 10.1080/17512781003640703.
13. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // *Business Horizons*. 2010. Vol. 53, No. 1. P. 59–68. DOI 10.1016/j.bushor.2009.09.003.
14. Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 1999. 784 с.
15. Nye J. S. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 240 p.
16. Панова Е. П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО(У) МИД России, 2012. 16 с.
17. Попов С. Ю. СМИ как инструмент информационной политики Союзного государства России и Белоруссии // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 3-1. С. 101–105. EDN TQLFNZ.

Grand Strategies of Russia and China: common trends and potential confrontation

M. E. Navdaeva¹

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-288-301

Research article
Full text in Russian

The article focuses on the grand strategies of Russia and China, including both common and specific goals of two states. The current system of international relations is undergoing drastic changes as the status of the United States as a superpower and its global power are eroding. More regional poles of power appear, including Russia and China. Through the implementation of their grand strategies, they seek for their place in a changing world order. Both share the desire to form a more just, multipolar world order based on the supremacy of international law and norms, as well as advocate strengthening the role of the United Nations as the basis and guarantee of following the principles of international relations. Both countries oppose hegemony and the imposition of the norms of the “collective West” on other participants of the world order, interference in internal affairs and undermining the national security. At the same time, it is obvious that Russia and China also have differences in their geopolitical aspirations. China today is increasingly obtaining the features of a superpower, and some researchers believe that she may become one in the future. That is why there is a need to take into account the potential risks of China’s rising for Russian grand strategy and place in the world system in general. As a result, the article concludes that although the current Russian-Chinese relations are beneficial and provide broad support for both countries, it is necessary to analyse potential conflicts when building relations with a rising China.

Keywords: Grand strategy; world order; hegemony; superpower; Russian-Chinese relations; turn to the East; great rejuvenation of the Chinese nation

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Navdaeva, Maria E. | E-mail: navdayka6848@list.ru
Postgraduate

For citation: Navdaeva M. E. Grand Strategies of Russia and China: common trends and potential confrontation // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 288-301. (in Russ.)

Большие стратегии России и Китая: общие векторы и потенциальные конфронтации

М. Е. Навдаева¹

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-288-301
УДК 327

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья предоставляет анализ больших стратегий России и Китая, включающий общие направления и частные цели. Отмечается, что настоящая система международных отношений характеризуется изменением статуса Соединенных Штатов Америки и размыванием их мощи как сверхдержавы, возникновением все большего количества региональных полюсов силы, в том числе России и КНР. Посредством реализации своих больших стратегий они стремятся занять место в условиях меняющегося мира. И Россия, и Китай разделяют стремление к формированию более справедливого многополярного мирового порядка, основанного на верховенстве международных норм и права, отстаивают укрепление роли Организации Объединенных Наций как основы и гаранта соблюдения принципов межгосударственных отношений. Обе страны выступают против гегемонии и навязывания норм коллективного Запада другим участникам международной системы, вмешательства во внутренние дела и подрыва национальной безопасности государств. В то же время, очевидно, что стороны имеют и различия в своих геополитических устремлениях. Так, например, Китай сегодня все более приобретает черты сверхдержавы и, по мнению некоторых исследователей, может ей стать в будущем. Это заставляет задуматься о потенциальных рисках для России, ее большой стратегии и месте в мировой системе в принципе. В результате делается вывод, что, хотя текущее состояние российско-китайских отношений является выгодным для обеих сторон и оказывает им широкую поддержку, необходимо осознавать вероятные конфликтные точки при построении отношений с возвышающимся Китаем.

Ключевые слова: Большая стратегия; мировой порядок; гегемония; сверхдержава; российско-китайские отношения; поворот на Восток; великое возрождение китайской нации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Навдаева, Мария Евгеньевна

E-mail: navdayka6848@list.ru

Аспирант, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук

Для цитирования: Навдаева М. Е. Большие стратегии России и Китая: общие векторы и потенциальные конфронтации // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 288-301.

Введение

На протяжении уже многих лет в политическом и академическом дискурсах России звучат слова о происходящих в современной мировой системе изменениях. Наблюдается трансформация системы международных отношений, сложившейся после Второй мировой войны с ее нормами и правилами игры. Распад биполярного устрой-

© ЯРГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ства мира и последовавшее за ним доминирование США сегодня сменяются растущим числом региональных держав, желающих принимать более активное участие в глобальных делах и реализующих собственные «большие стратегии», что зачастую вызывает серьезное недовольство и сопротивление со стороны западных стран, преимущественно Соединенных Штатов [1]. В числе этих полюсов находятся и Россия, и КНР, стремящиеся идти собственным путем и продвигать свое видение мира, которое реализуют через большие стратегии. Эти стратегии обладают как общими векторами и целями, так и расхождениями, которые важно осознавать в условиях текущих геополитических трансформаций.

Понятие «большая стратегия» начало складываться в начале XX века и в разные периоды подразумевало под собой неодинаковое содержание. Как отмечает Л. Фридрихс, концепция была разработана Дж. Корбеттом в Великобритании, а затем развивалась в трудах Фуллера и Лиделя Харта после Первой мировой войны и относилась к невоенным аспектам ведения войны [2]. В России изучение понятия «стратегия» в этом смысле проводили еще видные военные начала XX века: В. Я. Новицкий, А. Е. Вандам, а затем А. Снесарев и А. Свечин [3].

Д. Дрезнер, Р. Кребс, Р. Швеллер определяют большую стратегию как своеобразную внешнеполитическую «дорожную карту, объясняющую, как соотнести средства и цели», основывающуюся на «очень точном понимании картины глобального распределения силы» и опирающуюся на «нарратив безопасности, в рамках которого определяются главные действующие лица мировой политики и говорится о том, что эти субъекты делали и должны делать, а также изображается глобальный фон, на котором события будут происходить» [4]. В данном исследовании термин «большая стратегия» используется в смысле долгосрочной внешнеполитической стратегии государства по реализации видения своего места в мировой системе.

Изучение большой стратегии Китая часто подразумевает его внешнеполитические стратегии, как, например, «мирное возвышение» и «мирное развитие», «великое возрождение китайской нации», «китайская мечта» и т. д. Так, например, А. В. Бояркина рассматривает большую стратегию КНР именно в этом смысле [5]. Многие исследователи солидарны во мнении, что современная китайская большая стратегия направлена на повышение роли и статуса Китая в мире и расширение участия в глобальном управлении. Этой тематике посвящено значительное количество трудов [6; 7; 8; 9]. Однако не существует консенсуса по поводу того, какое место Китай планирует занять и займет в новой мировой системе. А. Лукин, например, считает, что КНР не стремится к превращению в мирового гегемона [8], а И. Зуенко указывает, что Китай в целом больше не сможет наращивать свою силу по ряду причин, и нынешняя эра – время максимально возможного усиления КНР [10]. С. Г. Лузянин полагает, что Китай все более приобретает черты сверхдержавы [7], в чем его поддерживает Д. В. Гордиенко [11]. У. Б. Кудаяров пишет, что КНР и США вступят в борьбу за мировое господство [12].

Вопрос большой стратегии России более сложен, поскольку Российская Федерация не обладает такой ярко выраженной и сформированной большой стратегией, как Китай сегодня или Соединенные Штаты в предыдущие периоды. Как указывает Т. Бордачев, внешнеполитические решения России основываются не на грандиозных и амбициозных целях, а на оценке ситуации в мире и попытке противостоять возникающим угрозам [13]. Основные положения видения Россией мирового порядка и своей роли в нем представлены в ее доктринальных документах: Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности – как фундаментальных стратегических ориентирах внешней политики, отражающих, как пишет В. К. Белозёров, собственный проект общественно-политического

устройства страны и мира в целом [14]. Как таковых исследований большой стратегии РФ крайне мало. Основная часть научных работ на эту тему сосредоточена на внешнеполитических стратегиях и геополитике. Кроме того, сегодня набирают обороты исследования формирования «Большой Евразии» как геополитического проекта, противостоящего гегемонизму западной системы международных отношений, где Россия может сыграть значительную роль [15]. С этой темой близко пересекаются исследования сопряжения проектов России и Китая – Евразийского экономического союза и Нового шелкового пути [16].

Для России как одного из развивающихся полюсов международной системы сегодня особенно важно понимать происходящие в мировом порядке трансформации и реализуемые другими акторами большие стратегии. Особенно это актуально по отношению к большой стратегии Китая. Во-первых, он является ближайшим соседом России; во-вторых, в условиях деградации российско-западных отношений его роль во внешней политике РФ неуклонно растет, что влечет за собой риски чрезмерной зависимости России от КНР. В-третьих, поскольку сегодня Китай – это не просто развивающееся государство, а восходящая великая держава, потенциально претендующая на статус сверхдержавы, для российского политического истеблишмента важно знать, какие цели Китай преследует на мировой арене, как он видит мир, себя и другие страны в нем и, соответственно, какое место принадлежит России. В связи с этим выдвигается основная цель данного исследования – провести сравнительный анализ больших стратегий России и Китая и выделить в них общее и различное, что позволит выявить как общие векторы в понимании Россией и Китаем будущего мироустройства, так и вероятные конфликтные точки, которые Россия должна принимать во внимание при построении отношений с Китаем в меняющемся миропорядке.

Большие стратегии России и Китая: общее видение будущего миропорядка

Общие векторы в геополитических стратегиях России и Китая обусловлены в первую очередь отношениями между странами, которые сегодня, по некоторым оценкам, считаются самыми крепкими в истории [17]. Основные принципы двусторонних отношений закреплены в подписанном в 2001 г. и пролонгированном двадцатью годами позже «Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», который уже на тот момент указывал на стремление к «утверждению нового справедливого и рационального международного порядка, основанного на строгом соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права» [18], а также отражал общее видение Россией и Китаем будущего мироустройства:

1. Уважать суверенитет и территориальную целостность, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела, поддерживать равенство и взаимную выгоду, мирное сосуществование;
2. Не применять силу или угрозу силой, не использовать инструменты давления, решать разногласия исключительно ненасильственными средствами в соответствии с Уставом ООН и другими нормами международного права;
3. Не применять первыми друг против друга ядерное оружие, а также взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты;
4. Уважать выбор пути политического, экономического, социального и культурного развития;
5. Укреплять доверие в военной области, основываться на принципе разумной достаточности вооружений и вооруженных сил;
6. Не участвовать в союзах или блоках и не заключать договоров с третьими государствами, не использовать свою территорию третьими государствами в ущерб суверенитету, безопасности и целостности другой стороны;

7. Укреплять центральную роль ООН как наиболее авторитетной и универсальной организации в решении глобальных проблем.

Кроме того, в последние годы общие требования к миропорядку были обозначены в трех совместных заявлениях: «о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» от 2022 г. [19], «об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» 2023 г. [20], «об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» 2024 г. [21].

В первом документе стороны продемонстрировали общие позиции по широчайшему кругу международных проблем, таких как понятие демократии; приоритеты мира и развития в отношениях между государствами; международной безопасности и глобального управления, невозможность подрыва национальной безопасности других государств (в том числе Китай поддержал Россию в ее призыве к формированию долгосрочных юридически обязательных гарантий безопасности в Европе); критика военно-политических союзов и их продвижения к границам других стран (включая осуждение западных военных блоков Quad и AUKUS); необходимость сдерживания развития ядерного оружия и поддержание договоров о его нераспространении, а также критика выхода США из некоторых договоров по вооружениям. Кроме того, Россия и КНР вновь заявили о необходимости создания многополярного мирового порядка, в основе которого лежат принципы ООН, и выступили против попытки фальсификации итогов Второй мировой войны, а также поддержали роль развития незападных международных организаций, таких как БРИКС, ШОС, АТЭС и др., в качестве важных платформ по решению и предотвращению глобальных и региональных проблем [19].

Второй документ был опубликован почти ровно через год после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине, а значит, не может не отражать опыт произошедших событий. В заявлении прослеживаются чаяния двух сторон о необходимости кардинальных изменений мироустройства, в котором пока все еще широко распространены «проявления гегемонизма, унилатерализма, протекционизма» «коллективного Запада», его попытки подменять общепризнанные принципы и нормы международного права «порядком, основанным на правилах» [20]. Стороны особо подчеркивают необходимость выбора собственного пути развития, невозможность навязывания другим странам своих ценностей, включая использование понятия «демократия» как средства давления. Все эти постулаты были закреплены и в новом совместном заявлении 2024 г. [21].

Общее видение мира подкрепляется сегодня и качеством российско-китайских отношений (особенно после начала СВО на Украине, за которой последовала еще большая материально-духовная изоляция России от Европы, вынудившая реализовывать так называемый «поворот на Восток», который повысил статус и роль КНР во внешней политике России), поддержкой друг друга по острым национальным проблемам. Так, например, Россия полностью поддерживает КНР в вопросе невозможности допущения независимости Тайваня [19], а Китай, в свою очередь, не поддержал резолюцию против СВО России в совете Безопасности ООН в 2022 году. Также в октябре 2023 года Россия и Китай вместе выступили против резолюции США по поводу решения израильско-палестинского конфликта, а Китай поддержал предложенную Россией резолюцию [22].

Важнейшей геополитической инициативой России и КНР является создание «Большой Евразии» – сопряжение Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс, один путь», соглашение о котором было подписано в мае 2015 г. [23]. Главными предпосылками создания такого партнерства стали permanently ухудшающиеся отношения России с Западом, из которых стало понятно, что Запад не желает принимать Россию в качестве равного партнера, а только младшего (З. Бжезинский в своем труде «Россия в Современном мире» писал, что Америка «никогда не намеревалась делить власть на земле с Россией» и поддерживать некое «зрелое стратегическое партнерство» [24]), в связи с чем в последние годы РФ активно осуществляла «поворот на Восток». Кроме того, для России как в геополитическом смысле, так и с точки зрения национальной безопасности важно сохранить ключевые позиции на постсоветском пространстве, «быть лидером и центром притяжения всей Евразии» [15], не позволяя западным странам вмешиваться во внешне- и внутривосточные дела региона. КНР тоже может получить значительную выгоду от партнерства, как экономическую, так и дипломатическую в связи с усилением противостояния с США [16].

Также в контексте совместных глобальных стратегических проектов стоит упомянуть сопряжение Северного морского пути России и Морского шелкового пути КНР, что обусловлено вектором на развитие Арктики в КНР и потребностью развития Севморпути и северных регионов для РФ. Арктический регион обладает высокой стратегической значимостью для обеих сторон. Для России, например, проекты по освоению Северного морского пути могут стимулировать социально-экономическое развитие прибрежных областей, строительство портов и другой инфраструктуры. Для КНР это возможность развития альтернативных транспортных путей в обход традиционных, проходящих через нестабильный Малаккский пролив. Кроме того, арктическая стратегия также является одним из основных направлений внешней политики КНР по наращиванию присутствия в мире и участия в глобальном управлении.

Широкая поддержка друг друга на мировой арене, тесные связи и партнерство, включая увеличивающееся военное сотрудничество (в том числе на море), привели к тому, что в последние годы все чаще стали звучать идеи о возможности и необходимости создания военно-политического союза между Россией и Китаем, как среди российских исследователей, так и среди китайских [25]. Одной из главных причин этих дискуссий является непрекращающаяся турбулентность обстановки в мире, в особенности давление на Китай и Россию со стороны США. Как отмечает И. Денисов, экономическая поддержка, постепенный отказ от доллара во взаимных расчетах, солидарное голосование в Совбезе ООН и синхронизация международной информационной повестки создает ощущение, что, «антизападный российско-китайский фронт уже создан» [26].

На официальном уровне Россия и КНР неоднократно заявляли о том, что построение военного объединения невозможно, что указывалось, например, в совместном заявлении «о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» [19]: «российско-китайские межгосударственные отношения нового типа превосходят военно-политические союзы времен “холодной войны”», а в совместном заявлении от 2023 г. стороны подчеркивают, что их отношения не носят блокового и конфронтационного характера и не направлены против третьих стран [20]. Как справедливо подчеркивает И. Денисов, этот вопрос не такой простой, и у обеих сторон есть лимиты для военного сближения, начиная от нежелания повторять негативный опыт советско-китайских отношений и различий в методах

ведения внешнеполитической деятельности и до опасений России попасть в зависимость от КНР [26].

Таким образом, схожее видение необходимых преобразований международной системы, общие позиции по многим мировым вопросам, тесное сотрудничество и крепкие связи действительно играют важную роль в российско-китайских отношениях, предоставляя обеим странам значительную поддержку. Соответственно, выгоду получают обе стороны. Для России действительно важно иметь такого партнера, как Китай, особенно в условиях усиления конфронтационных точек в отношениях с Западом, в том числе расширения НАТО (стоит принять во внимание вступление в НАТО Финляндии и Швеции). Китай также выигрывает от политического партнерства с РФ, поскольку ему тоже противостоят многие страны, как региональные соседи, так и США (например, усугубление отношений с США в последние годы, попытки США сдерживать развитие Китая, разворот США в АТР для сдерживания КНР).

В то же время необходимо реалистично оценивать отношения России и Китая, абстрагируясь от нарочито прокитайского дискурса, которому порой слепо следуют некоторые политики и аналитики. Высоко оценивая выгоду от партнерства с КНР, необходимо вместе с тем объективно рассматривать, к чему реально стремятся Россия и Китай в новом устройстве мира, в связи с чем возникает необходимость рассмотреть не только общее, но и частное в их больших стратегиях.

Большая стратегия Китая: глобальные устремления и риски для России

Важно учитывать, что позиционирование Китаем себя в мир-системе в значительной степени основывается на его прошлом, включая, согласно политическому дискурсу, его «великие исторические достижения» [27], а также так называемые «сто лет унижения» - период примерно с середины XIX до середины XX веков, когда Китай находился в упадке в связи с вторжением западных колониальных держав, навязавших ему неравноправные договоры и превративших его в полуколонию. Именно эти два факта определяют внешнеполитическую стратегию КНР и стремление к «великому возрождению китайской нации». Следовательно, справедливость порядка для Китая подразумевается не только в равноправии всех государств, но и во многом в возвращении Китаю некогда былого величия, отнятого западными колониалистами.

Китайские высшие правящие круги обычно открыто не заявляют о своих намерениях превращения в единоличного мирового лидера, наоборот, подчеркивая, что Китай поддерживает многополярность и противостоит идее монополии одной державы и навязывания ее правил и ценностей остальным участникам [28]. Для этого активно используются различные идеологемы, как, например, «мирное возвышение» или «мирное развитие», направленные на некоторое смягчение возрастающего веса КНР. Кроме того, власти КНР часто заявляют, что государство преследует только мирные цели на мировой арене, придерживается отношений общей выгоды, а не игры с нулевой суммой [29], чем хочет продемонстрировать отсутствие стремления к гегемонии и сделать свою большую стратегию более привлекательной для других стран (что, например, предлагается через инициативу «Сообщество единой судьбы человечества»).

Однако Китай заявляет и о необходимости реформирования существующего мирового порядка и выражает обеспокоенность по поводу происходящих в мире событий, в связи с чем предлагает различные глобальные инициативы. Отмечается, что современная западная система международных отношений обладает многими недостатками, поскольку не успевает за кардинальными изменениями, произошед-

шими за семьдесят лет после Второй мировой войны; требуются иные подходы, в том числе конструирование новых механизмов и методов глобального управления [28]. В связи с этим КНР также выступает за установление «более справедливого мирового порядка», основанного на верховенстве международного права во главе с Организацией Объединенных Наций и приоритетом обеспечения глобальной стратегической стабильности [28].

За последние несколько лет Китаем было предложено несколько важных концепций, отражающих видение страной будущего мирового устройства. В сентябре 2021 года на Генеральной Ассамблее ООН была выдвинута «Инициатива глобального развития», которая подчеркивает необходимость реализации целей по устойчивому развитию ООН. В ее рамках на платформе организации была создана «группа друзей инициативы глобального развития», к которой присоединилось более 50 стран; созданы «Фонд глобального развития и сотрудничества Юг-Юг» и «Центр продвижения глобального развития», увеличены инвестиции в Фонд мира и развития КНР-ООН и т. д. [30].

В марте 2023 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул «Глобальную цивилизационную инициативу», направленную на уважение разнообразия цивилизаций в мире, их равенство, диалог между собой и терпимость; на совместную защиту общих ценностей человечества, таких как мир, развитие, справедливость [31]. В ней предлагается усилить культурное сотрудничество между странами и создать «диалог цивилизаций», вместе содействуя развитию общечеловеческой цивилизации [31]. Также в 2023 году КНР опубликовала документ «Инициатива глобальной безопасности», где продемонстрировала ключевые положения своего видения безопасности мира: стремление к всеобщей всеобъемлющей безопасности, территориальная целостность и уважение суверенитета всех стран, следование принципам ООН, невозможность обеспечения безопасности одних стран за счет других, мирное разрешение конфликтов [32]. Эти инициативы, наряду с некоторыми другими, как, например, «сообщество единой судьбы человечества», «экологическая цивилизация», не только отображают видение Китаем мира, но и демонстрируют развитие в КНР дискурсивной силы и подхода «великой ответственной державы», направленных на увеличение политического статуса КНР на мировой арене.

Российская Федерация положительно относится к предлагаемым КНР инициативам, что закреплено в Совместном заявлении 2023 года. Кроме того, как указывает В. Е. Петровский, инициатива глобальной безопасности в значительной степени перекликается с подходом России по безопасности в Евро-Атлантике и на Украине [33].

Китай пытается занять одно из ведущих мест в системе международных отношений. Причем, как указывает К. Е. Кожухова, проведя анализ внешнеполитического образа Китая в его законодательных документах, «глобальные устремления Китая демонстрируются практически в каждом доктринальном документе» [34]. Действительно, сегодня стратегические интересы КНР даже больше не ограничиваются Азиатско-Тихоокеанским регионом, распространяясь на все континенты, что подтверждается, например, китайской экономической инициативой «Один пояс, один путь». Китай уже является мировым экономическим лидером (если учитывать ВВП по паритету покупательной способности) и, соответственно, оказывает серьезное влияние на мировые торговые потоки.

Кроме того, в 2012 г. был объявлен курс на построение великой морской державы – стратегическая цель, которая реализовывалась последнее десятилетие. Сейчас КНР активно примеряет на себя роль великого морского государства, интересы Ки-

тая распространяются не только на прибрежные моря, но и на Индо-Пацифику, Атлантику [35], Северный Ледовитый океан и Арктику [36], при этом активно развивается флот, занимающий уже второе место после США по водоизмещению.

Мнения о том, какое место в итоге займет КНР в будущем мировой системе, пока расходятся, хотя многие полагают, что Китай верно движется к статусу сверхдержавы. В. Портяков, например, считает, что де-факто КНР уже занимает второе место в мире по совокупной мощи и, возможно, опередит США в ближайшей перспективе [9]. С. Г. Лузянин отмечает, что КНР приобретает черты сверхдержавы, но при этом в ближайшем будущем по ряду социально-экономических показателей вряд ли обгонит США [7]. Это мнение разделяет Г. М. Дерлугьян: Китай пока значительно отстает в технологическом, культурном и потребительском аспектах, чтобы считаться сверхдержавой [37]. Другие полагают, что КНР сравняется с Соединенными Штатами в своей мощи и начнется новое биполярное противостояние [38]. А. Лукин заявляет, что Поднебесная не претендует на роль мирового гегемона вместо Соединенных Штатов, но «настаивает на более серьезной роли, соответствующей его вкладу в мировую историю и культуру и нынешней мощи» [8]. Существует также точка зрения, что КНР сегодня находится в точке своего максимального развития и вряд ли станет сильнее [10].

Автор данного исследования, однако, полагает, что Китай действительно обладает некоторыми лимитами в смысле становления в качестве сверхдержавы, например, в технологическом аспекте, несмотря на активную технологическую политику, в социально-экономических индикаторах, таких как ВВП на душу населения. Так, например, лидерство в инновационно-технологическом развитии является неотъемлемым компонентом сверхдержавности, что было на практике доказано Соединенными Штатами Америки. Согласно статистике ЮНЕСКО, в 2020 г. США входили в десятку стран с наивысшим уровнем расходов на НИОКР, что составило 3,46 % ВВП страны в 2021 г., при этом этот показатель вырос с 2,85 % в 2016 г. [39]. Также США занимают второе место в рейтинге стран по глобальному индексу инноваций (Global Innovation Index 2022) [40]. Доля НИОКР в ВВП Китая составила 2,43 % в 2021 г., увеличившись с 2,1 % в 2016 г., а по индексу инноваций КНР занимает 11-е место [40]. Как указывает П. М. Мозиас, количество сфер, в которых Китай обладает собственными инновационными разработками мирового уровня, достаточно мало, и КНР пока еще в значительной степени опирается на импорт технологий [41]. Что же касается ВВП на душу населения, для сравнения, в 2023 г. этот показатель у США составил 81632 долл. США (шестое место в мировом рейтинге) [42], а у КНР – 12621 долл. США [43]. К этому прибавляется также международное давление со стороны враждебно или скептически настроенных к возвышению КНР стран как в АТР, так и в мире в целом, особенно США.

Китай, однако, пока еще сохраняет высокие темпы роста экономики (5,95 % в 2019 г., 8,45 % в 2021 г., 5,24 % в 2023 г.), несмотря на падения роста ВВП в 2020 и 2022 гг. до 2,24 % и 2,99 %, соответственно [44]. Экономическое развитие вместе с активным военно-морским строительством дает КНР высокие шансы на становление если не сверхдержавы, то одной из великих мощных держав, бросающих вызов западному доминированию. Таким образом, хотя споры о том, станет ли КНР сверхдержавой, еще идут, глобальные устремления Китая становятся все более и более явными, что вызывает необходимость более глубокого понимания, как будут складываться отношения России и Китая в меняющемся миропорядке.

Если большие стратегии Китая и Соединенных Штатов более-менее понятны, то большая стратегия России демонстрируется не так четко, возможно, пото-

му, что РФ не обладает такими глобальными устремлениями, как Китай и Америка, а также не располагает такими широкими экономическими, политическими и военными ресурсами. Российская Федерация на международной арене сегодня стремится в первую очередь к обеспечению безопасности и недопущению «экзистенциальных угроз» [45] в своих стратегически важных зонах – на постсоветском пространстве, в том числе на украинском направлении [46]. Главное требование заключается в формировании более справедливого мирового устройства, основанного на равенстве государств и их праве выбирать собственные пути развития, на отсутствии монополии на мировую власть, на невмешательстве во внутренние дела, неделимости безопасности в глобальном и региональном аспектах, взаимовыгодном сотрудничестве на основе баланса интересов, а также ответственном лидерстве ведущих государств [46]. В то же время Россия придает большое значение удержанию позиций в качестве лидирующей державы в Евразии. Соответственно, главной задачей большой стратегии России является развитие ее роли как одной из великих держав в многополярной мировой системе.

Однако намерения РФ могут омрачаться некоторыми факторами [47], помимо ограниченности ресурсов. Во-первых, даже проект Большой Евразии пока сталкивается с проблемами в реализации. Во-вторых, «кризис идентичности» России, связанный с до сих пор не сформированным четким осознанием, является ли Россия все-таки европейским или азиатским государством, также приводит к неопределенности в статусе России в миропорядке.

Наконец, в условиях разорванности связей с западными странами «поворот на Восток» по большей мере циклится на отношениях с КНР, а не на создании полноценной восточной стратегии. Это приводит к рассуждению о потенциальных вызовах возвышения Китая в международной системе для России. Речь при этом не идет о том, что Китай намерен захватывать российские территории, это кажется маловероятным, а о том, что диспропорции между развитием двух стран постоянно увеличиваются и отношения становятся все более асимметричными. Сегодня доля России в общем внешнеторговом обороте КНР занимает лишь 3 % [48]. Некоторые полагают, что существуют риски потенциальной зависимости России от Китая в будущем миропорядке [26], особенно насчет превращения России в его сырьевую площадку. Кроме того, разрыв в экономической и военной мощи может привести к снижению российского влияния на постсоветском пространстве и мире в целом [8] и вытеснению РФ с центральноазиатских рынков [49].

Также ставится вопрос о том, как будет позиционироваться Россия при дальнейшем возвышении КНР как потенциальной сверхдержавы. Будет ли КНР взаимодействовать с Россией на равных или примет ее в качестве младшего партнера [26], что вряд ли подойдет для России, которая в своих внешнеполитических доктринах не раз заявляла о стремлении к многополярному порядку, где все страны равны. Более того, у России уже есть опыт взаимодействия в качестве такого младшего партнера – в отношениях с Европой и США, и этот опыт в результате оказался не слишком позитивным. Наконец, существуют и некоторые конфликтные точки в отношениях России и КНР, которые пока сглаживаются в условиях процветающих отношений, но могут выявиться в случае форс-мажора. Например, ситуация в Арктике, которая в последние годы стала еще одним регионом стратегической значимости для Китая, стремящегося к расширению доступа к международному управлению регионом и участию в таком управлении. Арктические страны, включая Россию, обладают опреде-

ленными правами на свободное судоходство и деятельность в регионе и скептически относятся к идее его интернационализации [50].

Таким образом, с одной стороны, то, что Россия не претендует на роль мирового гегемона, является положительным моментом, поскольку в этом смысле большие стратегии России и Китая напрямую не конфликтуют между собой. С другой стороны, необходимо анализировать, как будут складываться отношения с Китаем в будущем, когда он будет все больше приближаться к статусу сверхдержавы. В условиях реализации концепции «поворот на Восток» необходимо больше уделять внимания развитию отношений и с другими странами, кроме Китая, сохраняя независимость в отношениях с последним. В связи с этим необходимо развивать партнерство в рамках БРИКС, ШОС, региональных форумов, таких как АТЭС. Кроме того, России нужно укреплять свои позиции в евразийских организациях на постсоветском пространстве, таких как, например, ОДКБ и ЕАЭС, но в то же время соблюдая баланс и равноправность во взаимоотношениях с другими акторами, чтобы они не увидели в этом стремления к строительству нового СССР.

* * *

Сегодня Россия и Китай пытаются найти свое место в трансформирующейся системе международных отношений. Они выступают оплотом региональных держав, отстаивающих свои национальные интересы и требования безопасности, а также противоборствующих геополитической монополии Запада. В условиях международного давления крепкие российско-китайские отношения и общие устремления играют важнейшую роль в обеспечении стабильного развития обеих стран, предоставляя широкую поддержку. Это особенно важно в рамках усугубления отношений и России, и КНР с США и другими западными странами, стремящимися сдерживать стратегии Китая в АТР и России на постсоветском пространстве.

Хотя КНР и РФ преследуют общие цели создания справедливой и безопасной многополюсной структуры, они также обладают и собственными целями. Например, Китай во многих сферах сегодня превращается в мирового лидера, потенциальную сверхдержаву, направляет усилия на расширение своего доступа к глобальному управлению и активно наращивает совокупную мощь. Россия не стремится к глобальному превосходству, но старается сохранить центральное положение в Евразии, особенно на постсоветском пространстве. Необходимо четко осознать, что декларируемая в совместных заявлениях приверженность схожим векторам развития далеко не означает, что РФ и КНР имеют полный консенсус по всем мировым вопросам. В «повороте на Восток», который в последние годы разрабатывает Россия, в особенности после начала СВО, зачастую происходит перекосяк в сторону взаимоотношений с КНР, поэтому концепцию логичнее было бы назвать «поворотом на Китай», хотя на так называемом «Востоке» еще множество других государств, которые также являются мощными региональными центрами, например, Индия, Пакистан и т. д.

Китай же сегодня является самым приоритетным партнером Москвы как в экономическом, так и в геополитическом смысле, и в плане внешнеполитической поддержки для России это имеет большое значение. Однако необходимо оценивать риски, которые РФ может потенциально получить при усилении КНР и ее позиции на мировой арене. Важно анализировать, как изменится позиция России в Евразии и не потеряет ли она там своей роли; как будет строиться партнерство между Пекином и Москвой – на равных условиях или иерархически – и не грозит ли России получение статуса «младшего партнера», как это случилось при выстраивании отношений с Европой и Соединенными Штатами.

Ссылки

1. Ruggie J. G. American Exceptionalism and the U.S. Role in the World, Power and Superpower: Global Leadership and Exceptionalism in the 21st Century. New York: The Century Foundation Press, 2007. 440 p.
2. Freedman L. Grand Strategy: The History of a Concept // The Oxford Handbook of Grand Strategy. 2021. P. 25–40. URL: <https://academic.oup.com/edited-volume/35431> (дата обращения: 12.03.2024).
3. Belozеров V. K. Strategy as a Political Phenomenon and Concept // RUDN Journal of Political Science. 2023. Vol. 25, № 2. P. 368–376.
4. Дрезнер Д., Кребс Р., Швеллер Р. Конец большой стратегии // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 4. С. 83–95. EDN TACJFR..
5. Бояркина А. В. Большие стратегии внешней политики КНР: от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7, № 1. С. 69–78.
6. Ларин В. Л. Глобальный Китай: возрождение срединной империи или борьба за выживание? // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 4. С. 47–67.
7. Лузянин С. Г. "Возвышение" Китая как фактор мировой политики // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 5. С. 17. EDN SXHLYV..
8. Лукин А. Китай – экзистенциальная угроза для США // HSE Daily. 16.11.2021. URL: <https://daily.hse.ru/post/aleksandr-lukin-kitay-ekzistentsialnaya-ugroza-dlya-ssha> (дата обращения: 12.03.2024).
9. Портяков В. Возвышение Китая: что дальше? // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12, № 3. С. 132–141. EDN SIVYCL.
10. Зуенко И. Есть ли у Китая внешнеполитическая идеология? // Валдай. 09.03.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/est-li-u-kitaya-vneshnepoliticheskaya-ideologiya/> (дата обращения: 12.03.2024).
11. Гордиенко Д. В. Система международных отношений в XXI веке: взгляды китайского руководства // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26, № 26. С. 97–112.
12. Кудаяров У. Б. Большая стратегия Китая // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15. № 6. С. 206–217. DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-206-217.
13. Bordachev T. V. The Bear's New Strategy // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 3. P. 144–149. DOI 10.31278/1810-6374-2021-19-3-144-149.
14. Белозёров В. К. Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2. С. 20–35. DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_20.
15. Лукин А. В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46–59. DOI 10.17976/jpps/2020.05.04.
16. Бордачев Т. В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 5. С. 194–205.
17. Чжао Лун. Российско-китайское арктическое сотрудничество: вызовы и пути развития // Институт международных исследований КНР. 2018. URL: https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/qkml/2018n/202007/t20200714_1923.html (дата обращения: 28.01.2024) (на кит. яз.).
18. Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation. 2021. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjdt_665385/2649_665393/200107/t20010724_679026.html (дата обращения: 28.01.2024).

19. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Президент России. 04.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 28.01.2024).

20. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. 21.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 28.01.2024).

21. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами // Президент России. 16.05.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 17.07.2024).

22. Совбез ООН не смог принять ни одну из предложенных США и Россией резолюций по Ближнему Востоку // ООН. 25.10.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1446187> (дата обращения: 12.03.2024).

23. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 28.01.2024).

24. Бжезинский З., Киссинджер Г. Россия в американской геополитике. До и после 2014 года. М.: Родина, 2023. 240 с.

25. Хань Ш. Взгляды китайских и российских экспертов по вопросу создания военного союза между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 111–122.

26. Денисов И. В обход Украины: почему сближение России и Китая имеет свои пределы // Forbes. 05.02.2022. URL: <https://www.forbes.ru/society/454677-v-obhod-ukrainy-rosemu-sblizhenie-rossii-i-kitaa-imeet-svoi-predely> (дата обращения: 12.03.2024).

27. Реализация великого возрождения китайской нации вступило в необратимый исторический процесс // Государственный комитет по развитию и реформам КНР. 01.03.2023. URL : https://www.ndrc.gov.cn/wsdwhfz/202303/t20230301_1350468.html (дата обращения: 28.01.2024) (на кит. яз.).

28. Вэй Лин. Новые веяния и развитие видения Китая Мирового порядка // Народный форум. 04.2022. URL: http://paper.people.com.cn/rmlt/html/2022-04/01/content_25917779.htm (дата обращения: 28.01.2024) (на кит. яз.).

29. Qin Gang. How China Sees the World // National Interest. 26.12.2022. URL: <https://nationalinterest.org/feature/how-china-sees-world-206058> (дата обращения: 12.03.2024).

30. Три важных события за три дня, председатель Си Цзиньпин подчеркнул развитие // Агентство по международному сотрудничеству в развитии КНР. 15.08.2022. URL: http://www.cidca.gov.cn/2022-08/15/c_1211676349.htm (дата обращения: 17.07.2024) (на кит. яз.).

31. Инициатива по глобальной цивилизации // Дипломатия Китая в новую эпоху. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-08/04/content_97741364.shtml (дата обращения: 17.07.2024) (на кит. яз.).

32. Инициатива глобальной безопасности (полный документ) // Сайт правительства КНР. 21.02.2023. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (дата обращения: 17.07.2024) (на кит. яз.).

33. Петровский В. Е. «Инициатива в области глобальной безопасности» глазами китайских политологов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Т. 28. № 28. С. 11–19. DOI 10.48647/ICCA.2023.36.14.002.

34. Кожухова К. Е. Репрезентация внешнеполитического образа страны в доктринальных документах Китайской Народной Республики (на примере Белых книг) // *Власть*. 2023. Т. 31, № 4. С. 185–196.
35. . Некоторые мысли о стратегии Китая в Атлантическом океане / Лю Дахай, Лянь Чэнь-чао, Лю Фанмин, Ван Чуньцзюань, Цзи Жуйсюэ, Ли Сяосюань // *Освоение и развитие океана*. 2016. № 33. С. 3–7 (на кит. яз.).
36. Белая книга «Арктическая политика Китая» // Сайт правительства КНР. 26.01.2018. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm. (дата обращения: 28.01.2024) (на кит. яз.).
37. Дерлугьян Г. М. Международные отношения в динамике макроистории // *Международная аналитика*. 2020. № 11. С. 135–146. DOI 10.46272/2587-8476-2020-11-2-135-146.
38. Katz M. N. Great Powers in the Twenty-first Century // Center for International Relations and Sustainable Development. 2018. № 10. URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2018-issue-no-10/great-powers-in-the-twenty-first-century> (дата обращения: 28.01.2024).
39. Science, technology and innovation: 9.5.1 Research and development expenditure as a proportion of GDP // The UNESCO Institute for Statistics (UIS). URL: <https://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3684> (дата обращения: 17.07.2024) (на кит. яз.).
40. Global Innovation Index 2022. What is the future of innovation-driven growth? 15th Edition. World Intellectual Property Organization, 2022. 264 p. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (дата обращения: 17.07.2024).
41. Мозиас П. М. Механизмы научно-технологических инноваций в экономике Китая // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. 2021. № 3. С. 123–159. DOI 10.31249/RVA/2021.03.11.
42. The 20 countries with the largest gross domestic product (GDP) per capita in 2023 (in U.S. dollars) // Statista. 04.07.2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/270180/countries-with-the-largest-gross-domestic-product-gdp-per-capita/> (дата обращения: 17.07.2024).
43. China GDP per Capita // CEIC. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/gdp-per-capita#:~:text=What%20was%20China's%20GDP%20per,12%2C674.900%20USD%20in%20Dec%202022> (дата обращения: 17.07.2024).
44. Growth rate of real gross domestic product (GDP) in China from 2013 to 2023 with forecasts until 2029 // Statista. 30.05.2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/263616/gross-domestic-product-gdp-growth-rate-in-china/> (дата обращения: 17.07.2024).
45. Roberts G. «Now or Never»: The Immediate Origins of Putin's Preventative War on Ukraine // *Journal of Military and Strategic Studies*. 2022. Vol. 22. № 2. P. 3–27. URL: <https://jmss.org/article/view/76584/56335> (дата обращения: 28.01.2024).
46. Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 28.01.2024).
47. Ниведита К. Индийская дилемма России. Почему буксует «Большая стратегия» Москвы в регионе // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 2. С. 152–165. DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-2-152-165.
48. China statistical yearbook // National Bureau of Statistics of China. 2023. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm> (дата обращения: 12.03.2024).
49. Черникова Л. П. Российско-китайские отношения: история и современность // *Проблемы востоковедения*. 2015. № 2. С. 42–47.
50. Загорский А. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 2. С. 63–71.

Technological sovereignty is a priority of the transport policy of the Russian Federation in the context of external sanctions

V. A. Terentyev¹

¹Academy of Basic Training of the Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-302-313

Research article
Full text in Russian

The technological sovereignty of our country in the face of external sanctions is impossible without a purposeful state policy in its main areas, including transport. The article considers the objectives of transport policy to achieve technological sovereignty in the transport complex in the modern geopolitical situation. The author analyzed the main documents that define the state strategy for ensuring technological sovereignty. Currently, government agencies are very effectively solving these tasks together with state corporations, in particular, together with Russian Railways. Today, the holding implements innovative partnerships, concludes international agreements on cooperation in the field of transport construction with friendly countries and is a leader in the number of certificates of state registration of software and other innovative products received. In the course of the analysis of the innovative activity of JSC «Russian Railways», the possibilities of state corporations for solving the tasks of ensuring the technological sovereignty of Russia are revealed. To do this, it is necessary to actively develop science, create the necessary institutional conditions, as well as provide state support in the field of financing priority areas and projects, forming forms of economic participation of the state in the work of transport companies on the basis of equal partnership. The author comes to the conclusion that the basis of the innovation strategy JSC «Russian Railways» today is a comprehensive program for the development of the holding and an information technology development program. The holding's experience as a state corporation shows that such business associations are largely capable and ready to solve the main tasks of ensuring the technological sovereignty of the country.

Keywords: Transport complex of the Russian Federation; transport policy; technological sovereignty; sanctions; state corporations; Russian Railways

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Terentyev, Vitaly A. | E-mail: abp-rut@yandex.ru
Cand. Sc. degree seeking applicant

For citation: Terentyev V. A. Technological sovereignty is a priority of the transport policy of the Russian Federation in the context of external sanctions // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 302-313. (in Russ.)

Технологический суверенитет как направление транспортной политики Российской Федерации в условиях внешних санкций

В. А. Терентьев¹

¹Академия базовой подготовки Российского университета транспорта, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-302-313
УДК 338.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Технологический суверенитет нашей страны в условиях внешних санкций невозможен без целенаправленной государственной политики на основных ее направлениях, включая транспортную. В статье рассмотрены цели и задачи транспортной политики по достижению технологического суверенитета в транспортном комплексе в современной геополитической ситуации, проанализированы основные документы, в которых определена государственная стратегия обеспечения технологического суверенитета. В настоящее время государственные органы весьма эффективно решают данные задачи совместно с государственными корпорациями, в частности совместно с ОАО «РЖД». На сегодняшний день холдинг реализует инновационные партнерства, заключает международные договоры о сотрудничестве в сфере транспортного строительства с дружественными странами и является лидером по количеству полученных свидетельств о государственной регистрации программного обеспечения и других инновационных продуктов. В ходе анализа инновационной деятельности ОАО «РЖД» раскрываются возможности государственных корпораций для решения задач обеспечения технологического суверенитета России. Для этого необходимо активно развивать науку, сформировать необходимые институциональные условия, а также обеспечить поддержку государства в области финансирования приоритетных направлений и проектов, сформировав формы хозяйственного участия государства в работе транспортных компаний на основе равноправного партнерства. Показано, что основой инновационной стратегии ОАО «РЖД» сегодня является комплексная программа развития холдинга и программа развития информационных технологий ОАО «РЖД». Опыт холдинга как государственной корпорации показывает, что такие хозяйственные объединения во многом способны и готовы решать основные задачи обеспечения технологического суверенитета страны.

Ключевые слова: Транспортный комплекс РФ; транспортная политика; технологический суверенитет; санкции; государственные корпорации; РЖД

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Терентьев, Виталий Андреевич | E-mail: abp-rut@yandex.ru
Соискатель

Для цитирования: Терентьев В. А. Технологический суверенитет как направление транспортной политики Российской Федерации в условиях внешних санкций // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 302-313.

Сегодня Россия оказалась перед лицом многочисленных санкций, с помощью которых западные страны пытаются изолировать нашу страну от мировой экономики. В ответ на эти угрозы российское руководство взяло стратегический курс на достижение технологического суверенитета.

Президент Российской Федерации В. В. Путин назвал достижение технологического суверенитета страны ключевым элементом политической независимости. В связи с этим выполнение этой задачи является для российских властей одним из самых важных моментов на сегодняшний день. «Российским ученым за короткий срок необходимо обеспечить технологический суверенитет страны» [1], – заявил глава государства. По его словам, «в ближайшем будущем России предстоит создать критически важные разработки: на новый уровень необходимо вывести разработки в микроэлектронике, IT-промышленности, транспорте, в создании лекарств и новых материалов, в других важнейших для страны направлениях» [Там же]. В ходе своего выступления на Петербургском международном экономическом форуме, который прошел в июне 2023 года, президент Российской Федерации отметил, что суть понятия «технологический суверенитет» заключается в способности страны полностью располагать ключевыми технологиями для обеспечения своих потребностей по жизненно важным направлениям деятельности. В. В. Путин подчеркнул, что при этом Россия не намерена отказываться от выгодного научно-технического сотрудничества с дружественными странами и разрушать сложившиеся кооперационные связи и технологические партнерства. Он отметил, что в число российских партнеров входят страны Евразийского экономического союза, БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Правительством Российской Федерации принят ряд документов, в которых определена государственная стратегия обеспечения технологического суверенитета, один из них – Концепция технологического развития страны до 2030 года. Согласно этому документу, технологический суверенитет заключается в наличии в стране «критических сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества»¹.

В настоящее время в России на основе указа Президента Российской Федерации № 899 от 7 июля 2011 г. действует Перечень критических технологий, включающий в себя технологии и программное обеспечение распределенных и высокопроизводительных вычислительных систем, технологии мониторинга и прогнозирования состояния окружающей среды, предотвращения и ликвидации ее загрязнения, технологии поиска, разведки, разработки месторождений полезных ископаемых и их добычи, технологии создания энергосберегающих систем транспортировки, распределения и использования энергии, технологии энергоэффективного производства и преобразования энергии на органическом топливе. К базовым критическим технологиям транспортного комплекса Российской Федерации относятся тех-

¹ Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в РФ и перечня критических технологий РФ». С изменениями и дополнениями от 16 декабря 2015 г. // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/55171684/> (дата обращения: 10.03.2024).

нологии создания высокоскоростных транспортных средств и интеллектуальных систем управления новыми видами транспорта, технологии создания ракетно-космической и транспортной техники нового поколения².

Таким образом, в контексте перехода в нашей стране от модели открытой экономики сырьевого типа к ограничению открытой экономики суверенного типа, который заметно ускорился после введения в 2022 году масштабных западных санкций, задачи достижения технологического суверенитета следует рассматривать в качестве актуальных и системообразующих. Они привлекают внимание не только политиков, но и ученых, которые ведут исследования логического суверенитета на стыке политических и экономических наук, опираясь на принципы системного подхода, методы факторного анализа и логического моделирования.

Объектом исследования данной статьи является политика государства на железнодорожном транспорте в современном обществе. Целью статьи является теоретико-политологическое исследование научно-технологической политики российского государства на железнодорожном транспорте, анализ ее современного состояния в условиях санкций.

При характеристике степени изученности технологического суверенитета следует отметить, что при анализе процесса его достижения в неполной мере учитываются все стадии функционирующей техносферы, например, эксплуатация технических систем. В целом предметное поле изучения данной научной проблемы в настоящее время пребывает в стадии формирования и определения своих границ. Обобщая подходы к пониманию сущности технологического суверенитета, его можно определить как достижение государством ряда показателей, необходимых для его эффективного функционирования.

При определении сущности технологического суверенитета ряд исследователей придерживается его интерпретации как способности государства сформировать эффективную систему взаимодействия науки, технологий и производства, обеспечив повышение восприимчивости экономики и общества к новым технологиям, создав условия для развития наукоемкого предпринимательства, а также возможности располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности. Можно привести и другие определения понятия «технологический суверенитет». Например, В. К. Фальцман понимает под технологическим суверенитетом «способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией надлежащего качества пусть даже частично за счет ее импортных поставок, но при обязательном условии возмещения импортных затрат за счет поступлений от реализации собственного экспорта» [2]. А. А. Афанасьев рассматривает технологический суверенитет как «достигнутый уровень реальной независимости страны в области науки, техники и технологий, чем обеспечивается беспрепятственная реализация национальных интересов в техносфере с учётом существующих и перспективных угроз» [3].

² Концепция технологического развития до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 года № 1315-р. // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050?index=1> (дата обращения: 10.03.2024).

В настоящее время достижение технологического суверенитета осложняется рядом вызовов и угроз, которые требуют тщательной проработки и поиска путей ответа на них. Так, в частности, вызовы в технической базе транспортного комплекса, с которыми отрасль столкнулась из-за введения западных санкций в первой половине 2022 года, активно обсуждались на стратегической сессии Правительства Российской Федерации по транспорту. Например, в железнодорожной отрасли на выпускаемых локомотивах оказалось около 2 тыс. импортных деталей, среди которых не только зарубежные узлы и агрегаты, но и подшипники для тягового электродвигателя, а также иностранные коленвалы, которые устанавливаются на российские дизели.

Из новых серий высокой долей технологической зависимости обладал пассажирский электровоз ЭП20, имевший более 30 % импортных комплектующих. От закупки этой модели ОАО «РЖД» в 2022 году вынуждено было отказаться. ЗЭС5С – инновационный локомотив с асинхронным приводом – также имел большую долю импортных комплектующих. Не лучшим образом обстоит дело с тепловозом ЗТЭ25К2м. Силовая установка, блок управления, множество деталей и узлов поставлялись американской фирмой General Electric. Система управления двигателя, ходовая часть серии «Ермак» также обеспечивалась поставками от стран, объявивших санкции. Наиболее обеспеченными отечественными комплектующими или поставками от стран, отказавшихся от санкционной войны с Россией, оказались электровозы новой серии, к которой относятся электровозы ЗЭС6 и где требуется замена только отечественных элементов системы управления и подшипников.

Самое сложное положение в первой половине 2022 г. сложилось на автомобильном транспорте. По оценкам Минпромторга, продажа и производство автомобилей в РФ в 2022 году должны были сократиться примерно в половину. Для улучшения ситуации предполагалось наладить выпуск электрокаров в связи с относительной простотой их производства. Также с учётом проблем с отдельными комплектующими началось производство упрощенных версий моделей легковых автомобилей до начала выпуска отечественных недостающих узлов.

Для решения неординарных задач транспортной политики, к которым относится обеспечение технологического суверенитета, необходимо активно развивать науку, произвести планирование технологического развития страны, сформировать необходимые институциональные условия, а также заручиться поддержкой государства в области финансирования приоритетных направлений и проектов, сформировав формы хозяйственного участия государства в работе транспортных компаний.

Необходимо отметить, что государственные органы весьма эффективно решают данные задачи совместно с государственными корпорациями, в частности совместно с ОАО «РЖД». Процесс реализации инновационных проектов на основе государственно-частного партнерства, который существует в данной компании, не только помогает организовать процесс планирования, но и способствует скоординированной работе всех отечественных производственных, научных и учебных организаций отрасли, а также делает возможным оказание влияния на формиро-

вание транспортной политики государства. В свою очередь, успешная реализация этих проектов и их институционализация помогут достичь технологического суверенитета на отечественном железнодорожном транспорте.

На новый качественный уровень инновационная стратегия ОАО «РЖД» поднялась с принятием в 2011 году Стратегии инновационного развития до 2015 года. В 2011 году на реализацию стратегии было выделено около 0,5 % от доходов компании, благодаря чему удалось завершить разработку опытного образца пассажирского электровоза ЭП20. Новый электровоз значительно улучшил технические характеристики локомотивов, работавших на отечественных железных дорогах, увеличив в несколько раз межремонтные пробеги. В 2012 году производство пассажирских электровозов ЭП20 было освоено «Трансмашхолдингом», который к концу 2017 года поставил РЖД более 60 локомотивов этой серии. В 2011 году в РЖД также был создан опытный образец грузового электровоза ЭЭС10. 60 % экспертных решений, которые применялись при его разработке, уже использовались ранее. Его выпуск был налажен компанией «Уральские локомотивы». Всего на железных дорогах страны сейчас эксплуатируется более 300 локомотивов этой серии.

В 2015 году затраты РЖД на осуществление Стратегии инновационного развития увеличились на 18 % в сравнении с 2014 годом и составили 1,3 млрд рублей. В течение этого года в инфраструктурном комплексе РЖД велось внедрение ряда инноваций, в том числе аппаратно-программный комплекс «Эльбрус». Его применение на направлении Кузбасс-Северо-Запад привело к возрастанию скорости доставки грузов на 13 %. В 2015 году инновационная деятельность РЖД включала разработку отечественного оборудования и материалов, которая позволяла сократить закупку импортной продукции.

Главным средством инновационной стратегии РЖД на период до 2020 года являлась комплексная программа КПИР-2020, реализация которой была направлена на повышение конкурентных позиций холдинга на мировом рынке транспортных услуг.

В 2017 году на реализацию КПИР-2020 было выделено 942,5 млн рублей. Среди инновационных проектов, над которыми велась работа, можно выделить разработку технологий беспилотного вождения локомотивов на Московской железной дороге, а также системы дистанционного управления локомотивом на основе видеоконтроля на Октябрьской железной дороге. На сортировочных станциях Северо-Кавказской железной дороги был внедрен пост автоматизированного приема и диагностики подвижного состава.

Объем финансирования КПИР-2020 составил 986,4 млн. рублей, значительная часть из которых была направлена на реализацию комплексного проекта «Цифровая железная дорога». Среди проведенных работ, во-первых, внедрение единой корпоративной автоматизированной системы управления локомотивным хозяйством, во-вторых, тестирование беспилотного вождения локомотива на полигоне станции Лужская Октябрьской железной дороги.

В 2021 году на реализацию КПИР-2020 в РЖД было направлено 166 млрд рублей. Работы велись над 142 проектами, включая развитие квантовых коммуникаций, переход к безбумажной технологии планирования ремонтных работ.

Результатом внедрения в 2021 году в ОАО «РЖД» информационных технологий стало то, что 90 % грузоотправителей начали заключать сделки с компанией через электронную торговую площадку «Грузовые перевозки», а 69 % пассажиров дальнего следования приобрели электронные билеты. Благодаря применению в Главном вычислительном центре ОАО «РЖД» 1,5 тысяч программных роботов, в 3–5 раз удалось сократить время обработки запросов пользователей.

Сегодня воплощением инновационной стратегии ОАО «РЖД» до 2025 года являются комплексная программа инновационного развития холдинга «РЖД» и программа развития информационных технологий ОАО «РЖД».

В 2022 году объем финансирования КПИР-2025 увеличился на 23 млрд рублей и составил 189 млрд рублей. Дополнительные средства были получены за счёт привлечения к реализации инновационных проектов ОАО «РЖД» специалистов Красноярского края, Самарской и Нижегородской областей.

Планомерно осуществлялась патентная работа, в результате которой правовую охрану получили 388 изобретений, полезных моделей, товарных знаков и программ для ЭВМ, из них 9 – за рубежом. В целом к концу 2022 года патентный портфель ОАО «РЖД» составил более четырех тысяч результатов интеллектуальной деятельности.

Управление процессом реализации программ инновационного развития осуществляет Центр инновационного развития РЖД – филиал компании, который создан в 2009 году. В его задачи входит разработка стратегических планов инновационного развития ОАО «РЖД», мониторинг реализации стратегических и программных документов компании в области инновационного развития, взаимодействие с начинающими компаниями, занимающимися выработкой инновационных решений в интересах ОАО «РЖД».

Для успешного обеспечения технологического суверенитета требуется интеграция всех имеющихся в стране ресурсов. Сложность заключается в том, что эти ресурсы зачастую разобщены по ведомственному, пространственному и иным факторам. Для эффективного решения этой задачи компания ОАО «РЖД» создает различные ассоциации с привлечением, в том числе, негосударственных организаций. В ОАО «РЖД» применяется индивидуальный подход к выстраиванию взаимоотношений на основе классификации партнеров по их компетенциям и направлениям деятельности. Поиск стратегических партнеров в области инновационного развития холдинга, ранжирование их по компетенциям и специфике деятельности находятся в центре внимания ОАО «РЖД». В холдинге разработана и внедрена система, получившая название «Матрица партнерских соглашений», позволяющая систематизировать партнерские программы, обеспечивать управление ими, добиваясь формирования циклов, обеспечивающих и расширение спектра проектов с учетом уровня готовности партнеров к производству и технологическим инновационным решениям в зависимости от ситуации на рынке с точки

зрения финансовых, консультационных механизмов поддержки. Все это позволяет производить инновационную и высокотехнологичную продукцию, реализовывать в т. ч. программы импортозамещения в интересах ОАО «РЖД».

На сегодняшний день РЖД реализует инновационные партнерства с ведущими компаниями, научными центрами, банками страны. В осуществлении Плана научно-технического развития компании «РЖД», который содержит порядка 400 различных исследовательских и конструкторских работ, участвуют свыше 60 научно-исследовательских организаций, включая крупнейшие вузы страны.

Сегодня активно ведется сотрудничество ОАО «РЖД» с Российской академией наук (РАН). Институты РАН по заказу ОАО «РЖД» регулярно проводят научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в железнодорожной отрасли. Анализ технического уровня развития ОАО «РЖД», который был проведен учеными РАН, лег в основу разработки новых программ инновационного развития компании.

В 2018 году в рамках официального соглашения, заключенного между ОАО «РЖД» и РАН, было предусмотрено сотрудничество всех подразделений и дочерних компаний ОАО «РЖД» во всех сферах производственной деятельности. Так, по данным ОАО «РЖД», «в ходе взаимодействия с компанией «Иннопрактика» в 2020 году было реализовано 33 мероприятия на общую сумму 79,7 млн руб., с учетом переходящих работ на 2021–2022 гг. стоимость начатых в 2020 году проектов составила 188,2 млн. руб.» [4]. Среди этих мероприятий можно отметить проведенное компанией «Иннопрактика» при участии фонда «ЦСР «Северо-Запад»» исследование «Форсайт научно-технологического развития холдинга «РЖД» до 2025 года». В результате исследования, в котором приняло участие больше двух сотен экспертов, были определены основные направления научно-технологического развития компании. Также был подготовлен специальный доклад, материалы которого обсуждались на стратегических сессиях с руководством РЖД.

В 2020 г. зарегистрирована некоммерческая организация Ассоциация «Транспортная наука». Учредителями Ассоциации выступили дочерние зависимые организации ОАО «РЖД» – организации научного отраслевого комплекса: АО «ВНИИЖТ», АО «НИИАС», АО «ВНИКТИ» [Там же].

В конце 2020 года между ОАО «РЖД» и Фондом «Сколково» было заключено партнерское соглашение, в соответствии с которым подконтрольному обществу АО «Инжиниринговый центр железнодорожного транспорта» была предоставлена возможность «осуществлять исследовательскую деятельность и коммерциализировать ее результаты на территории Фонда «Сколково», а также получать налоговые и таможенные льготы в течение 10 лет» [Там же].

В июне 2023 г. ОАО «Российские железные дороги» подписало соглашение о сотрудничестве в области информационных технологий с такими крупными партнерами, как Банк ВТБ и IT-холдинг Т1, для совместной разработки и дальнейшего использования программных продуктов, а также создания цифровых сервисов на основе российских технологий в сфере пассажиро- и грузоперевозок. Также в процессе партнерства будут разработаны программные продукты в области

импортозамещения и цифровизации. В будущем планируется создание платформы для облачных вычислений и разработки программно-аппаратных комплексов для обработки больших объемов данных.

Антироссийские санкции, инициированные США, серьезно подорвали научно-техническое сотрудничество ОАО «РЖД» с западноевропейскими партнерами в лице компаний «Siemens» (Германия), Alstom (Франция), в рамках которого велась разработка пассажирского локомотива с асинхронным тяговым приводом, моторвагонного подвижного состава нового поколения и других образцов железнодорожной техники.

В этих условиях возрастает значение научно-технического сотрудничества РЖД с компанией «Китайские железные дороги». Важным событием стало подписание в 2016 году соглашения о всестороннем стратегическом сотрудничестве между президентом российской и генеральным директором китайской компаний. В рамках данного соглашения предусматривается целый ряд масштабных проектов, одним из которых станет строительство евразийского высокоскоростного транспортного коридор Москва – Пекин. В дальнейшем планируется также расширить международные транспортные коридоры, соединяющие страны, и произвести обновление их инфраструктуры, что позволит увеличить скорость движения поездов на данных участках и грузопотоки. Также в соглашении важное внимание уделяется обеспечению безопасности перевозок и укреплению сотрудничества между странами в сфере подготовки кадров для железнодорожной отрасли.

РЖД активно участвует в построении системы технологического трансфера, необходимой для достижения технологического суверенитета железнодорожной отрасли нашей страны. Важнейшим ее элементом выступает корпоративный акселератор ОАО «РЖД», созданный на площадке профильного Всероссийского научно-исследовательского института железнодорожного транспорта (АО «ВНИИЖТ») в 2019 году. Его основными задачами являются налаживание прямой связи внутри холдинга и организация экспертной поддержки институтов научного отраслевого комплекса, что способствует ускорению процедур принятия решения о запуске пилотных проектов.

Созданию транспортного акселератора РЖД способствовало успешное проведение корпоративных акселерационных программ, начиная с 2019 года. «За четыре года удалось привлечь более 2,5 тыс. предложений, отобрать 218 из них, а затем отработать с бизнес-заказчиками внутри РЖД 84 инновационных решения и провести 21 пилотный проект, четыре из которых уже тиражируются на все подразделения компании», [5] – отмечают на сайте компании.

Например, сервис OVISION распознает лицо пассажира, что позволяет быстро произвести оплату и осуществить посадку пассажира за считанные минуты без лишних бумажных формальностей. Также благодаря данной технологии пассажиры могут быстро произвести оплату в вагонах-быстро поездов «Сапсан», не прибегая к наличным и картам, а сотрудники могут совершать вход в административные

здания компании по биометрическим данным. Партнеры по внедрению сервиса OVISION – ОАО «РЖД», ПАО «ВТБ», «СКБ-Банк», АО «Синара» и другие компании.

Проблемы рекуперации электроэнергии для различных режимов работы электропоездов в качестве пилотного проекта были решены на Дальневосточной железной дороге. Использованы суперконденсатор и литиевая аккумуляторная батарея TITAN Power Solution. Результаты позволяют расширить применение на железнодорожной сети в 2023 году, что и было реализовано в десяти проектах.

С 2023 года программы корпоративного акселератора ОАО «РЖД» проводятся на регулярной основе. Отбор проектов начался во второй половине 2023 года. К работе транспортного акселератора РЖД было привлечено десять компаний-партнеров и три вуза, были отобраны более 500 стартап-проектов для первичного рассмотрения и сформированы приоритеты для поиска новых проектов в дальнейшем.

РЖД не только создает инновационные партнерства и вовлекает в них частные компании, но также организует собственные исследования и разработки. В дальнейшем это станет основой для формирования отраслевой технологической структуры, отвечающей задачам независимого развития. При этом РЖД опирается на потенциал ВНИИЖТа, являющегося дочерней компанией ОАО «РЖД», и Экспериментального кольца в Щербинке. В положении об Экспериментальном кольце как филиале РЖД, которое было утверждено в мае 2008 г., говорится о его участии в проведении опытно-конструкторских работ и комплексных испытаний подвижного состава, верхнего строения пути, искусственных сооружений и земляного полотна.

Генеральный директор АО «ВНИИЖТ» в своем обращении по случаю 105-летнего юбилея компании подвел итоги деятельности и оценил вклад фирмы в обеспечение технологической независимости железнодорожной отрасли страны: «ВНИИЖТ принимает активное участие в 15 крупных комплексных проектах технологического и цифрового развития ОАО «РЖД», значительная часть которых осуществляется в кооперации с коллегами из научно-отраслевого комплекса: из НИИАСа, ИЭРТа, ВНИКТИ, ИЦ ЖТ. В числе этих проектов – организация высокоскоростного движения, создание подвижного состава и инфраструктуры с увеличенным ресурсом, систем диагностики пути и подвижного состава на основе нейросетей и больших данных, новые продукты в сфере логистических услуг на стыке с другими видами транспорта [6]. Реализация этих проектов составляет выполнение более 30 % всех работ по плану Научно-технического развития ОАО «РЖД». Также С. Виноградов отмечает, что «ВНИИЖТ усиливает свои компетенции в области испытательной деятельности как в рамках научных работ, так и в области сертификации» [Там же].

В составе ВНИИЖТа ведет работу Центр экспертизы, который производит взаимодействие с Минпромторгом в части обмена данными о комплектующих, оборудовании зарубежного производства, импортозависимых технических средствах, не имеющих аналогов на российском рынке. Согласно докладу М. Павлова, который является начальником центра Проектно-конструкторского бюро АО «ВНИИЖТ», по состоянию на 2022 год «было проанализировано 1237 наименований им-

портной продукции. Из них 1094 не имеют российских аналогов, в том числе 1064 используются для обеспечения бесперебойной работы критически важной инфраструктуры и техсредств» [7].

Центр экспертизы и координации проектов импортозамещения ВНИИЖТа ведет разработку автоматизированной системы АИС «Импортозамещение», которая будет содержать различные сведения об импортосодержащей продукции, а также о наличии отечественных аналогов.

Компания «РЖД» активно разрабатывает программное обеспечение и является лидером по количеству полученных свидетельств о государственной регистрации программного обеспечения. Федеральная служба по интеллектуальной собственности в марте 2023 г. опубликовала отчет «Роспатент в цифрах и фактах» по итогам 2022 года, в котором отмечается, что ОАО «РЖД» зарегистрировало 297 программ для ЭВМ, благодаря чему холдинг вошел в ТОП-3 отечественных компаний.

По итогам 2022 года ОАО «РЖД» является правообладателем 2975 программ для ЭВМ, которые используются для составления графиков движения, диспетчерского управления, планирования поездной работы, управления парком подвижного состава и т. д. Они составляют 68,5 % объема портфеля интеллектуальной собственности компании. С марта 2022 года ТИТАН ОАО «РЖД» перестала закупать зарубежное программное обеспечение для разработки и внедрения собственных систем.

В заключение следует отметить, что подход к изучению проблем обеспечения технологического суверенитета отечественного транспортного комплекса заключается в том, что его показателями являются импортозамещение, наличие прорывных технологий, подготовка передовых научно-технических кадров, недопущение технического застоя, а также безопасность производства и эксплуатации техники.

Автором сделан вывод о том, что для достижения этих показателей в рамках отраслевой научно-технологической политики требуется модернизация механизма, предполагающая развитие форм непосредственного участия государства в деятельности транспортных предприятий. Последнее не предполагает создание исключительно государственных предприятий и замену ими частного сектора.

Проанализированный в статье опыт государственных корпораций (в частности ОАО «РЖД») показывает, что они сегодня во многом готовы решать задачи обеспечения технологического суверенитета транспортного комплекса нашей страны, а также являются одним из основных институтов развития высокотехнологичной промышленности. Главной сложностью остается то, что, являясь эксплуатационной компанией, РЖД не может взять на себя все риски и затраты, связанные с инновационными прорывами. Данная проблема, по мнению авторов, может быть решена с помощью создания государственного фонда, пополняемого за счет налогов на прибыль отраслевых компаний. Это станет основой финансирования программы опережающего развития и поможет в решении проблем обеспечения технологического суверенитета отечественного транспортного комплекса.

Ссылки

1. Путин призвал обеспечить технологический суверенитет России // Лента.ру. 09.02.2023. URL: https://lenta.ru/news/2023/02/09/putin_/ (дата обращения: 10.03.2024).
2. Фальцман В. К. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. 2018. № 3. С. 83–91. DOI 10.15211/soveurope320188391.
3. Афанасьев А. А. Промышленная политика России по достижению технологического суверенитета: теоретико-методологические основы и практические аспекты. М.: Первое экономическое издательство, 2023. 204 с.
4. Реализация партнерских соглашений // Официальный портал ОАО РЖД. 12.04.2021. URL: <https://company.rzd.ru/gu/10003> (дата обращения: 10.03.2024).
5. При поддержке GenerationS запущен Транспортный акселератор // Официальный портал ОАО РЖД. 04.09.2023. URL: <https://company.rzd.ru/gu/9401/page/78314?id=211543&ysclid=lt5kynp9bf920425690> (дата обращения: 10.03.2024).
6. Виноградов С. Ориентир на комплексные проекты // Гудок. 18.04.2023. № 67 (27647). URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1632725&archive=2023.04.18> (дата обращения: 10.03.2024).
7. В августе 2022 года планируется запустить в опытную эксплуатацию автоматизированную систему по импортозамещению в РЖД // РЖД-Партнер. 20.05.2022. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/v-avguste-2022-goda-planiruyetsya-zapustit-v-opytnuyu-ekspluatatsiyu-avtomatizirovannuyu-sistemu-po-i/> (дата обращения: 10.03.2024).
8. Раева О. В., Дегтярева В. В. Повышение уровня локализации производств в России и его влияние на цифровую трансформацию железнодорожной отрасли // Современные методы и технологии реализации цифровых инноваций в бизнесе: Материалы I Межвузовской научно-практической конференции. М., 2023. С. 285–288.
9. Кудрявцев В. А. Возможности ускоренного внедрения инноваций в инфраструктуру ОАО «РЖД» // Современные методы и технологии реализации цифровых инноваций в бизнесе: Материалы I Межвузовской научно-практической конференции. М., 2023. С. 184–188.
10. Протасова А. Д., Коркина С. В., Чепурченко И. В. Информатизация технологических процессов железнодорожного транспорта и проблема технологического суверенитета // Современные методы и технологии реализации цифровых инноваций в бизнесе: Материалы I Межвузовской научно-практической конференции. М., 2023. С. 29–32.

Digitalization as a factor of labor market dynamics

I. E. Zolin¹, M. K. Kobylatskiy¹

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-314-325

Research article
Full text in Russian

Dedicated to studying the impact of digitalization on the labor market and employment. The existing approaches to the essence of the concept of digitalization are considered, the ongoing changes in the labor market are analyzed, options for classifying the new composition of professions are presented depending on their exposure to digitalization, and an analysis of modern requirements for the social and technical skills of employees due to the active use of new technological tools is carried out. Statistical data on the dynamics of the prevalence of digital skills is presented, the influence of digital technologies on professional requirements and personal qualities of potential employees is revealed. Attention is paid to new forms of employment, such as the gig economy and working with distributed teams, showing their advantages and disadvantages, as well as the challenges they pose to society. It is shown that in modern conditions the requirements for the employee's adaptive ability, the presence of a certain flexibility of thinking and behavior, and a deep understanding of the consequences of his activities are increasing. It is concluded that workers' skills in using digital technologies are becoming one of the determining factors in the labor market and affect a person's status in work. Modern society needs a worker with a broad scientific and technical outlook and a desire to acquire new knowledge. The key trends in the digitalization process in the near future are highlighted, and recommendations are offered to employees for adapting to new changes in the labor market.

Keywords: Digitization; profession; labor market; gig economy; social-labor relations; emotional intelligence; employment; digital skills

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zolin, Igor E. | E-mail: iz.iz2016@yandex.ru
D. Sc. (Sociology)

Kobylatskiy, Maxim K. | E-mail: mkkobylatskiy@yandex.ru
Postgraduate

For citation: Zolin I. E., Kobylatskiy M. K. Digitalization as a factor of labor market dynamics // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 314-325. (in Russ.)

Цифровизация как фактор динамики рынка труда

И. Е. Золин¹ М. К. Кобыляцкий¹

¹Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-314-325
УДК 316.422

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена исследованию влияния цифровизации на рынок труда и сферу занятости. Рассмотрены имеющиеся подходы к сущности понятия цифровизации, проанализированы происходящие на рынке труда изменения, представлены варианты классификации нового состава профессий в зависимости от их подверженности цифровизации, проведен анализ современных требований к социальным и техническим навыкам сотрудников вследствие активного использования новых технологических средств. Представлены статистические данные динамики распространённости цифровых навыков, выявлено влияние цифровых технологий на профессиональные требования и личностные качества потенциальных работников. Уделено внимание новым формам занятости, таким как гиг-экономика и работа с распределенными командами, показаны их достоинства и недостатки, а также вызовы, которые они ставят перед обществом. Показано, что в современных условиях повышаются требования к адапционной способности работника, наличию у него определенной гибкости мышления и поведения, глубокого понимания последствий его деятельности. Сделан вывод, что навыки использования работниками цифровых технологий становятся одним из определяющих факторов на рынке труда и влияют на статус человека в трудовой деятельности. Современному обществу необходим работник с широким научно-техническим кругозором, стремлением к приобретению новых знаний. Выделены ключевые тенденции процесса цифровизации в ближайшей перспективе, предложены рекомендации работникам для адаптации к новым изменениям на рынке труда.

Ключевые слова: цифровизация; профессия; рынок труда; гиг-экономика; социально-трудовые отношения; эмоциональный интеллект; занятость; цифровые навыки

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Золин, Игорь Евгеньевич	E-mail: iz.iz2016@yandex.ru Доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры экономики и обеспечения экономической безопасности Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС.
Кобыляцкий, Максим Константинович	E-mail: mkkobylyatskiy@yandex.ru Аспирант

Для цитирования: Золин И. Е., Кобыляцкий М. К. Цифровизация как фактор динамики рынка труда // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 314-325.

Введение

Цифровизация становится все более значимым феноменом, охватывающим все сферы жизни общества. Данная проблематика является чрезвычайно актуальной, поскольку изменения, обусловленные цифровизацией, существенно влияют на трудовую мобильность, формирование новых профессий и специальностей, организацию труда, заработную плату. Интеграция цифровых технологий в повседневные аспекты общественной жизни оказывает глубокое воздействие на способы взаимодействия между людьми, а также на структуру и динамику современных трудовых процессов.

Происходит значительное расширение возможностей для удаленной работы, повышается гибкость рабочих мест, возрастает важность виртуальной координации совместной работы сотрудников. Новая модель труда и занятости получила название «Работа 4.0» [1]. Она характеризуется прежде всего высоким уровнем использования цифровых технологий, прозрачностью, высокой мобильностью и гибкостью. Помимо этого, меняется профиль работника, появляются особые требования к цифровым навыкам и возможности адаптации к новым программам и технологическим инструментам. Такие изменения несут за собой вызовы не только для работников и работодателей, но и для сферы образования, правовой системы [2]. По этой причине актуализируются исследования процесса цифровизации.

Методы

Методологической основой исследования служит учение о человеке как совокупности всех общественных отношений, как главной производительной силе общества. Основными методами исследования являются логический, диалектический, вторичного анализа данных, позволяющие раскрыть законы развития человеческого общества путем сведения всех общественных отношений к первичным и основным – к производственным отношениям, а последних – к определенному уровню развития производительных сил. Это создает прочную основу системного анализа социально-экономических явлений как естественного исторического процесса.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблеме цифровизации, возникновению новых профессий и форм социально-трудовых отношений. Особое внимание авторов статьи привлекли идеи сторонников теории гибкого рынка труда, институционально-социологической школы, концепции эффективной занятости.

Цель работы – проанализировать влияние цифровизации на рынок труда и выявить качественные изменения требований к навыкам и характеристикам работников.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать имеющиеся подходы к сущности понятия цифровизации.
2. Провести анализ научных концепций, описывающих структурные изменения на современном рынке труда.
3. Проанализировать статистические данные для характеристики распространенности цифровых навыков работников.
4. Обосновать рекомендации работникам по адаптации к новым изменениям на современном рынке труда.

Результаты

Процесс цифровизации затрагивает множество различных областей, сфер и видов деятельности, поэтому общепризнанного определения данного понятия

в настоящее время не существует. В основном ученые дают трактовку цифровизации через призму их собственного опыта, а также через ту область, которая более близка к объекту исследования авторов.

Родоначальник термина «цифровая экономика» Н. Негропonte определил цифровизацию как перевод в информационную форму всего многообразия материального мира [3]. На наш взгляд, данное определение является корректным по своей сути, но слишком широким и абстрактным, что зачастую делает его использование нецелесообразным в качестве основной интерпретации понятия.

В современных определениях цифровизации можно выделить основной аспект рассмотрения данного феномена. Например, известная американская консалтинговая компания Gartner в словаре терминов, посвященных IT-тематике, под цифровизацией понимает трансформацию аналогового бизнес-процесса в цифровой без внедрения существенных изменений в структуру бизнес-процесса [4].

Понятия, тесно граничащие с термином «цифровизация», можно встретить и в правовых актах, что подчеркивает значимость данного феномена. Так, в Указе Президента РФ «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» цифровая экономика определяется как хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов информации, которые в сравнении с традиционными формами хозяйствования позволяют повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг¹.

Все авторы определений по-своему правы, но ни одно из определений нельзя использовать при анализе других сфер общественной жизни или объектов, отличных от тех, что исследуют сами авторы. Очевидно, что влияние внедрения цифровых технологий можно встретить во множестве сфер общественной жизни, соответственно, данный фактор должен быть отражен и в самом понятии исследуемого объекта.

Существуют работы, которые проводят более детальный анализ различных трактовок и определений термина «цифровизация». Одной из таких работ является статья М. Н. Кондратьевой и А. В. Комахиной. Рассматриваются различные дефиниции, а также анализируются результаты опроса консалтинговой компании KDMA, который был направлен на изучение восприятия термина «цифровая трансформация» [5]. На основе проведенного анализа приводится авторское определение цифровизации как процесса перехода на цифровые технологии, распространяющегося на все сферы жизни общества. Так, по мнению авторов, цифровизация позволяет повысить эффективность коммуникаций, передачи и поиска информации, а также бизнес-процессов. При этом использование цифровых технологий создает новые возможности для осуществления деятельности, которая могла быть недоступна ранее в силу различных причин, зачастую освобождает человека от рутинного и физически тяжелого труда. В целом представленное определение имеет ряд достоинств. Во-первых, оно отражает полноту и масштаб изменений, связанных с феноменом цифровизации. Во-вторых, определение не выделяет какую-то одну область знаний или сферу общественной жизни, а следовательно, сохраняет нейтральную позицию, что дает возможность использовать данное определение при изучении цифровизации в разных сферах, в том числе трудовой.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. сайт: [2017]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.04.2023).

Говоря об этом, следует, кроме разного рода экономических соображений, иметь в виду и непосредственно социальный смысл цифровизации. Ведь освобождение человека от рутинного и физически тяжелого труда означает, как говорят, гуманизацию производства. Она отвечает самой сущности социального государства, когда забота о человеке, о создании благоприятных условий для его всестороннего развития возведена в ранг государственной политики и закреплена в Конституции страны.

Разумеется, труд рабочего, обслуживающего цифровую установку или управляющего современным технологическим процессом, отличается от труда рабочего прошлых десятилетий. Все большая часть энергии рабочего затрачивается не в мускульной, а в психической, умственной форме. Деятельность работника все больше сводится к контролю над ходом процесса производства.

Другой, не менее важный социальный аспект цифровизации связан с проблемой возрастания потребности в рабочей силе в свете неблагоприятных демографических прогнозов на ближайшие годы. Экономия число занятых в производстве, цифровизация выступает фактором большой общественной значимости.

Наконец, широкое применение цифровых технологий предъявляет принципиально новые требования и к самим работникам. От них требуется более высокая квалификация, соответственно, более высокий образовательный уровень и, что особенно важно, более высокие личностные качества. Цифровизация решительным образом способствует стиранию грани между умственным и физическим трудом, к чему закономерно устремлено общество в своей исторической перспективе.

Процесс цифровизации оказал значительное воздействие на структуру занятости практически во всех отраслях, включая автоматизацию рутинных задач, создание новых форм организации труда, повышение спроса на новые квалифицированные кадры с особыми цифровыми навыками. При этом скорость интеграции цифровых технологий носит интенсивный, стремительный характер. По данным отчета Всемирного экономического форума «Будущее рабочих мест», к 2025 г. более 50 % рабочих мест будет автоматизировано с помощью специального программного обеспечения и применения труда роботов [6]. Для сравнения – в 2018 г. лишь 29 % бизнес-процессов подверглись автоматизации. В аналогичном исследовании под названием «Навыки, необходимые гражданам в будущем мире труда» аналитики из известной международной консалтинговой компании McKinsey в итоге приходят к схожим результатам [7]. Выводы двух независимых компаний помогают представить динамику рынка труда в условиях цифровизации на ближайшие годы.

Цифровизация преобразует привычный спектр профессий, создавая необходимость в принципиально новых компетенциях и навыках. Наглядной демонстрацией качественных изменений структуры занятости является исследование ученых из Оксфордского университета Карла Фрея и Майкла Осборна, представленное в труде «Будущее занятости: насколько рабочие места подвержены компьютеризации?» [8]. Они спрогнозировали, что не только большинство рутинных операций будут переданы программам и роботам, но и определенная доля профессий, которые считаются более творческими, тоже подвергнутся значительным изменениям. Исследователи распределили 702 профессии по степени их восприимчивости к внедрению инноваций. Из результатов исследования можно сделать вывод, что наиболее подвержены влиянию цифровизации те профессии, функционал которых является монотонным и рутинным. К таким видам деятельности относятся, например, телефонные продажи, оформление документации, страховая оценка.

Справедливо и обратное утверждение. Наименее подвержены влиянию цифровизации профессии, которые связаны с принятием решений, и что более значимо, – с принятием ответственности за решения. К таким профессиям относятся менеджеры высшего звена, директора и другие должности с высокой долей личной ответственности и с необходимостью принятия решений. Другим фактором, который не позволяет быстро «заменить» человеческий труд на цифровой, является наличие эмоционального интеллекта [9]. Так, например, менеджер по продажам при очной работе с клиентами должен считывать их эмоции для отработки возражений и сомнений, в отличие от телефонных продаж, которые зачастую организованы «по скрипту». Или, например, такая профессия, как социальный работник, где для успешного выполнения обязанностей требуется высокий уровень эмоционального интеллекта, но помимо этого, деятельность представителей данной профессии направлена преимущественно на пожилые и маломобильные слои населения, что тоже делает «оцифровку» этой профессии затруднительной [10].

Процесс цифровизации не только автоматизирует рутинные процессы и преобразует существующие профессии, но и способствует созданию абсолютно новых. Можно выделить три категории профессий. Профессии, которые наиболее подвержены влиянию цифровизации, легко замещаются цифровыми продуктами и существуют на грани исчезновения – это профессии-ретаеры. Профессии, которые адаптируются под новые условия и остаются востребованными исключительно в контексте цифровизации, – это профессии-реновейтеры. И последняя категория – это профессии-эмерджеры. К ним относятся те профессии, которые были созданы благодаря развитию цифровизации и направлены преимущественно на управление технологиями и информационными потоками. Отдельно можно выделить группу профессий, которая граничит с группой профессий-ретаеров. К этой группе относятся те специальности, для которых уже существует решение по автоматизации, но взаимодействие людей в процессе получения товара или услуги также создает отдельную ценность для потребителя. Например, услуги турагентов заменены различного рода приложениями для туризма, с помощью которых можно удаленно спланировать весь маршрут, найти и забронировать жилье. Но наличие специалиста, который поможет сделать выбор и предоставит необходимую информацию, является преимуществом, которое имеет ценность для потребителя.

Данная классификация профессий, на наш взгляд, имеет ряд достоинств. Во-первых, она позволяет провести анализ влияния цифровизации на всю группу целиком, а затем экстраполировать полученные выводы на профессии, которые входят в нее. Во-вторых, классификация демонстрирует влияние цифровизации на структуру рынка труда и позволяет спрогнозировать востребованность той или иной профессии через определенный промежуток времени в зависимости от того, в какой группе находится анализируемая профессия. Но при этом у данной классификации есть недостатки, связанные с тем, что не все профессии можно отнести к конкретной категории. Так, например, профессии, которые охарактеризовали Карл Фрей и Майкл Осборн как наиболее подверженные влиянию цифровизации, очевидно, можно отнести к категории профессий-ретаеров. Однако те профессии, которые с их точки зрения менее всего подвержены влиянию цифровизации, нельзя однозначно отнести к какой-либо категории. Например, профессия психолога не относится к категории профессий-ретаеров, так как данная профессия не будет подвержена влиянию цифровизации в ближайшее время. При этом ее нельзя отнести к категории профессий-реновейтеров, так как профессия психолога не была видоизменена в ходе процесса

цифровизации. Помимо этого, появление специальности психолога не было обусловлено интенсивным развитием технологий, поэтому ее нельзя отнести и к категории профессий-эмерджеров. Для представления полного спектра профессий необходимо выделить еще одну группу, в которую необходимо включить те специальности, которые не могут быть оцифрованы в силу отдельных факторов, а именно из-за высокого уровня ответственности за принятие решений, значимости эмоционального интеллекта.

Цифровизация послужила отправной точкой для создания новых форм рыночных отношений. Одна из них получила название гиг-экономика [11]. Это улучшенная форма аутсорсинга. Гиг-экономика – это всеобщее распространение новых видов частичной занятости и краткосрочных контрактов вместо долгосрочных трудовых отношений с работодателем на основе штатного трудоустройства [12]. Данная модель взаимодействия основана на парадигме раздельного использования квалифицированных человеческих ресурсов разными компаниями в любой точке мира с помощью цифровых технологий. Прежде всего гиг-экономика привлекательна финансовыми выгодами для обеих взаимодействующих сторон. Затраты работодателей на персонал перестают быть постоянными и варьируются в зависимости от динамики проекта. Работодатель не предоставляет удаленному сотруднику никаких дополнительных благ, кроме самой оплаты выполненной работы. Издержки на помещение и оборудование сводятся к минимуму. Сотрудник, в свою очередь, имеет возможность самостоятельно распоряжаться своим рабочим временем, местом работы, количеством проектов и, соответственно, размером вознаграждения [13].

Формой занятости, которая стала доступна благодаря внедрению цифровых технологий, является работа с распределенными командами. Данный вид взаимодействия сотрудник-работодатель является более традиционным, так как сотрудники компании в этом случае работают на компанию на постоянной основе. При этом деятельность сотрудников осуществляется удаленно. Использование цифровых видов коммуникации является единственным возможным способом общения с коллегами внутри компании. Сотрудники обычно распределены на различные проекты, где каждый выполняет свою роль. Так компания создает эффективные обособленные саморегулирующиеся структуры, которые работают над отдельным проектом. Этот способ организации деятельности получил широкое распространение в IT-сфере, а также в некоторых видах консалтинга. Помимо очевидных плюсов, связанных с сокращением финансовых издержек, для компаний открывается значительный выбор кадровых ресурсов, так как для работодателя не имеет значения местонахождение потенциального кандидата.

При этом имеющиеся исследования социальных аспектов удаленной работы убедительно показывают ее крайне противоречивое воздействие на общество. Суть проблемы заключается в том, что обеспечиваемые с ее помощью выгоды порой теряют свою притягательную силу, поскольку одновременно усиливаются тенденции дегуманизации общественной и индивидуальной жизни, разрушается атмосфера творческого общения с коллегами, человек замыкается исключительно на своей деятельности и отчуждается от коллектива. Некоторые из работающих в удаленном формате заявляют, что они очень быстро утомляются и всерьез подумывают о смене профессиональной деятельности, чтобы вновь вернуться к традиционным методам работы [14]. Кроме того, такие формы взаимодействия между работником и работодателем зачастую не могут быть подведены под существующее нормативно-правовое поле.

Вследствие этого работники лишаются определенных средств социальной защиты, что требует от государства новых форм регулирования и социальной поддержки.

Помимо структурных изменений в составе профессий, процесс цифровизации принес значительные изменения в требования к квалификации сотрудников, к их цифровым навыкам. Полагаем необходимым выделить четыре группы навыков, которые претерпевают изменения: поведенческие, технические, или цифровые, социальные и профессиональные. В рамках цифровизации возрастает роль эмоционального интеллекта, человечности, умения договариваться и работать в команде, а также возможности быстро принимать нестандартные решения. Эти навыки и до цифровой эпохи входили в группы социальных и поведенческих навыков и ценились работодателями, но в новых условиях они становятся необходимыми, так как являются конкурентным преимуществом любого сотрудника.

Группы профессиональных и технических навыков претерпели гораздо большие изменения. В начале внедрения цифровых технологий в бизнес-процессы базовые навыки работы с компьютером и программным обеспечением были желательны (при условии, что данные навыки не обусловлены профессией). Теперь при повсеместном развитии компьютерных технологий базовых навыков становится недостаточно. В компаниях внедряются комплексные ERP-системы, которые включают в себя такие функции, как управление документооборотом, закупками, поставками, управление качеством и многое другое. Для полноценного выполнения должностных обязанностей сотруднику в компании необходимо овладеть комплексной специализированной системой.

Как показывают допандемийные опросы работодателей, в пределах обозримой перспективы почти половина не планировала использовать технологии искусственного интеллекта в работе компаний, являющиеся, по мнению отдельных авторов, ядром цифровизации. Во-первых, по причине отсутствия потребности в данных технологиях (37 %). Во-вторых, из-за отсутствия знаний о данных технологиях (11 %). В-третьих, из-за риска крупных финансовых вложений (8 %) [15].

Согласно исследованиям McKinsey&Company, в 2017 году Россия значительно отставала от развитых стран по уровню цифровизации компаний [16].

В настоящее время ситуация изменилась. Проводя исследование рынка труда, аналитики Авито Работы выяснили, что в сравнении с 2022 годом в 2023 году работодатели почти в 8 раз чаще указывали в вакансиях навык владения искусственным интеллектом [17].

Сегодня распространение и внедрение цифровых инструментов требует не только определенных навыков от пользователей этих инструментов, но и развитой цифровой инфраструктуры, к которой относится компьютерное, серверное оборудование, а также высокопроизводительные программные продукты.

В связи с этим в условиях все возрастающей потребности в системе «цифрового сервиса» одной из острых проблем для рынка труда является нехватка кадров с профессиональными техническими навыками, в частности, IT-специалистов, квалифицированных инженеров. На этапе ускорения темпов роста производительности труда, цифровизации производства их ведущая роль неоспорима. К сожалению, в настоящее время дефицит инженерных кадров, например, является существенным препятствием для достижения технологической независимости России [18].

В эпоху цифровизации инженерные специальности рождаются и отмирают, изменяются их значимость и пропорции, и в среднем сокращается цикл жизни каждой, но количество их непрерывно увеличивается в зависимости от потребностей современ-

менного общества. Согласно статистическим данным, в 2022 году почти четверть всех имеющихся на рынке труда вакансий была обращена на специалистов в области инженерного дела [19]. Среди наиболее перспективных инженерных профессий: инженер-робототехник, промпт-инженер, инженер по цифровым двойникам.

Другим необходимым навыком работника цифровой эпохи является быстрая обучаемость и возможность адаптации к цифровым технологиям [20]. Сотрудники компании теперь должны не только обладать цифровой грамотностью, но и уметь быстро ориентироваться в программном обеспечении, которое им было незнакомо, так как интеграция новых технологий в компаниях обычно имеет стремительный характер. Помимо более совершенных навыков компьютерной грамотности, тенденции последних лет подразумевают способность мыслить креативно и выполнять задачи сверх заданного функционала. В цифровую эпоху при грамотном внедрении компьютерных систем базовый функционал сотрудника становится интегрирован в цифровую среду, которая призвана сделать существующий бизнес-процесс более эффективным и менее затратным по времени. Действия сотрудников теперь требуют меньше трудозатрат, а следовательно, появляются возможности для решения более масштабных и значимых проблем, чем выполнение рутинных задач.

Чтобы оценить распространенность цифровых навыков среди населения, приведем ряд статистических данных [21] (см. рис. 1).

Рисунок 1. Распространенность цифровых навыков среди российского населения за 2018 и 2021 гг. (в долях от числа респондентов).

При анализе графика можно заметить, что значительно возросла доля населения, использующая электронную почту и мессенджеры как каналы коммуникации, которые также являются одними из основных в корпоративной среде. Помимо этого, замечен небольшой рост числа пользователей, которые используют инструменты копирования и вставки в документе (одна из базовых функций при работе

с любым типом программного обеспечения). Наблюдается и небольшой рост пользователей, которые сталкивались с подключением новых устройств, настройкой программного обеспечения и созданием электронных презентаций.

Помимо анализа фактических изменений структуры рынка труда, навыков и необходимых компетенций, цифровизацию можно рассмотреть через призму отношения общества к ней. Результаты исследования ВЦИОМ (Всероссийский центр исследования общественного мнения) показывают, что люди пожилого возраста менее согласны с тем, что развитие робототехники в будущем может заменить человека во многих сферах в сравнении с молодым поколением. Полагаем, что данная тенденция связана с тем, что молодое поколение чаще сталкивается с новыми технологиями и более осведомлено об уровне их развития в целом. По результатам исследования можно сделать вывод, что мужчины на 15 % больше, чем женщины, согласны с тем, что труд роботов может заменить человеческий во многих сферах деятельности. Данная разница, вероятно, обусловлена тем, что именно мужчины чаще всего занимают позиции, где требуется монотонный физический труд, что является первоочередной целью автоматизации. Помимо этого, согласно полученным результатам, роботы заменят человеческий труд в первую очередь в наиболее опасных для человека отраслях (освоение космоса, промышленное производство), а также там, где важна точность, которая для человека недостижима (медицинская диагностика и манипуляции) [22].

Все вышеперечисленные факторы, а именно структурные изменения в составе профессий, изменения навыков сотрудников и требований работодателей, отношение общества к автоматизации и роботизации отраслей, являются предпосылками для масштабных изменений на рынке труда. В целом рынок труда в настоящее время подвержен особому состоянию под названием «ломкость» [23]. Разделяя данную точку зрения, мы считаем, что ломкость рынка труда как системы в настоящее время обусловлена прежде всего преобразованиями, связанными с активным внедрением цифровых технологий. При этом последствия цифровизации, очевидно, носят неоднозначный характер. Так, для представителей профессий-ретаеров внедрение цифровых инструментов, наиболее вероятно, обусловит необходимость в переквалификации. С другой стороны, очевидно, что представители профессий-эмерджеров существуют исключительно в контексте цифровизации и благодаря ей, поэтому для них внедрение цифровых технологий является фактором с позитивной оценкой. Представители профессий-реновейтеров в отличие от профессий-ретаеров имеют возможность для достаточно быстрой адаптации к цифровым изменениям.

Заключение

Подводя итоги влияния цифровизации на рынок труда, можно сделать следующие выводы. Во-первых, инновационный характер современного развития актуализирует проблему ликвидации разрыва между новейшими достижениями цифровизации и квалификацией кадров. Во-вторых, цифровизация создала значительную угрозу для большинства профессий, которые имели рутинный, монотонный характер. Однако те профессии, которые требуют творческих навыков, а также высокого уровня эмоционального интеллекта, будут востребованы на рынке труда. В-третьих, значительно возросла роль цифровых и технических навыков работников, а высокий уровень цифровой грамотности и возможности адаптации к новому программному обеспечению в настоящее время является необходимым условием востребованности специалиста на рынке труда.

Если рассматривать отношение общества к развитию цифровых технологий, то его можно охарактеризовать как положительное, даже несмотря на то, что роботизация потенциально заменит человеческий труд во многих сферах деятельности человека. При этом большинство людей уверены, что роботизация в первую очередь коснется сфер, деятельность в которых представляет опасность для жизни человека.

В складывающихся условиях для работодателей целесообразно рассмотреть текущие производственные процессы с точки зрения возможного перевода части персонала на удаленный формат работы в целях снижения издержек на содержании рабочих мест без потери их эффективности. При этом следует уделить особое внимание программам, позволяющим сотрудникам быстро адаптироваться к новым технологиям и корпоративным ресурсам, для повышения мотивации, сплоченности и повышения чувства социальной принадлежности к коллективу. Работникам, в свою очередь, необходимо обратить внимание на навыки цифровой грамотности и использования программного обеспечения, которое наиболее распространено среди работодателей в данной отрасли. Если же профессия сотрудника входит в группу профессий-ретаеторов, оптимальным шагом будет освоение той технологии, которая пришла на замену существующей профессии.

Таким образом, имея своим результатом рост производственного, технического, научного и творческого потенциала человека, цифровизация вместе с тем не может не сопровождаться на определенном этапе негативными последствиями для трудовой сферы, обусловленными прежде всего ухудшением материального положения части работников, повышенным риском устойчивой массовой безработицы. При этом в числе безработных в состоянии оказаться достаточно квалифицированные рабочие массовых профессий с высоким образовательным уровнем. В связи с этим риски масштабной безработицы в России, не реализовавшиеся до сих пор, потенциально сохраняют вполне реальную угрозу.

В новых условиях в числе основных приоритетов цифровизации должно стать эффективное кадровое обеспечение экономики, непрерывное обучение и постоянное развитие цифровых навыков работников. Вот почему вопросы подготовки современных кадров в условиях цифровизации правомерно рассматривать в органическом единстве с деятельностью и перспективами развития системы профессионального образования в стране. Именно здесь кадровый вопрос смыкается с социальной задачей повышения эффективности и значимости цифрового труда. Это требует от государства комбинировать и применять более эффективно различные факторы производства (естественные ресурсы, цифровые технологии, квалификацию рабочей силы и т. д.). Подобный подход определяется необходимостью максимальной ориентации проводимой в этой сфере политики на человека, его трудовые потребности и интересы, значимость которых существенно повышается в связи с поставленной задачей резкого усиления эффективности общественного производства посредством социальных программ перспективного экономического развития. Это обуславливает поиск новых форм более эффективного управления со стороны общества формированием, распределением и использованием трудового потенциала. Решение данной задачи – дело будущих наших исследований.

Ссылки

1. Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия Социология. 2017. Т. 10. № 4. С. 376–396.

2. Предпочтительные формы учебной работы студентов-медиков в эпоху цифровизации / И. Е. Золин, А. А. Иудин, Д. И. Иудин, А. И. Иудин // *Цифровая социология*. 2023. Т. 6. № 2. С. 58–69.
3. Negroponte N. *Being Digital*. New York: Alfred A. Knopf, 1995. 243 p.
4. Gartner. Glossary // Gartner. [2020]. URL: <https://www.gartner.com/en/glossary> (дата обращения: 08.04.2023).
5. Кондратьева М. Н., Комахина А. В. Цифровизация: исследование основных терминов // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2022. № 3. С. 134–139.
6. Future of Jobs Report // World Economic Forum. [2022]. URL: https://www.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf. (дата обращения: 15.04.2023).
7. Defining skills citizens will need in the future world of work / M. Dondi, J. Klier, F. Panier, J. Schubert // McKinsey Institute. [2021]. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/public-sector/our-insights/defining-the-skills-citizens-will-need-in-the-future-world-of-work> (дата обращения: 15.05.2023).
8. Frey C., Osborne M. The future of employment: how susceptible are jobs to the computerization? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. No. 114. P. 254–280. DOI 10.1016/j.techfore.2016.08.019.
9. Юровицкий С. Я. Эмоциональный интеллект и конфликтологическая компетентность в условиях цифровизации // *Вестник университета*. 2021. № 6. С. 177–182.
10. Покровская Н. Н. Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. Т. 11, № 3. С. 100–110.
11. Крауч К. Победит ли гиг-экономика? М.: НИУ ВШЭ, 2020. 144 с.
12. Липидус Л. В. *Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: монография*. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2018. 381 с.
13. Романец И. И., Вербовский Г. Д. Гиг-экономика как новая форма рыночных отношений // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2021. № 1. С. 186–192. DOI 10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.029.
14. Золин И. Е. Социологический анализ рынка труда современной России. Н. Новгород: НИСОЦ, 2019. 188 с.
15. Искусственный интеллект и бизнес: есть контакт? // ВЦИОМ. [2019]. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10068> (дата обращения: 10.08.2023).
16. Малышкин Н. Г., Халимон Е. А. Анализ уровня развития цифровой экономики России // *Вестник университета*. 2018. № 8. С. 79–86.
17. Авито Работа: компании стали почти в 8 раз чаще указывать в требованиях навыки работы с ИИ. // Авито. [2023]. URL: https://www.avito.ru/company/press/avito_rabota_navyk_vladeniya_ii (дата обращения: 09.02.2024).
18. Патрушев призвал регионы активнее работать над импортнезависимостью экономики // ТАСС. [2023]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19910911> (дата обращения: 06.02.2024).
19. Озерова О. К., Шкалева Е. В., Шугаль Н. Б. Потребность в инженерах растет // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. [2023]. URL: <https://issek.hse.ru/news/875130529.html?ysclid=lr4favnhgm593091537> (дата обращения: 27.12.2023).
20. Шиняева О. В., Полетаева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 68–85.
21. *Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник* / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневецкий и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 120 с.
22. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Технологии будущего. Аналитический обзор // ВЦИОМ. [2023]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (дата обращения: 02.07.2023).
23. Сизова И. Л., Григорьева И. А. Ломкость труда и занятости в современном мире // *Социологический журнал*. 2019. Т. 25. № 1. С. 48–71. DOI 10.19181/socjour.2018.25.1.6279.

The attitude to the transition to Russian software in higher education

M. V. Kleymenov¹

¹Ural State University of Economy, Ekaterinburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-326-335

Research article
Full text in Russian

In modern Russia, a process of import substitution of software is taking place. This process is slow and gradual. Previously, researchers believed that the main problem was the technological backwardness of domestic IT-products and/or the incompatibility of Russian programs with foreign analogues. Now the first place among the problems of «migration» to Russian software is subjective perception among Russians. Based on the results of a sociological study conducted at the beginning of 2024, it was found that even in higher education, teachers, staff and students spoke generally low about the merits of domestic computer programs. The knowledge component of the surveyed respondents regarding domestic software turned out to be at an extremely low level: we can say that a relative minority is literate in Russian computer programs. The surveyed university teachers and students rated the advantages of Russian «software» low. The author notes the insufficient involvement of university teachers and students in the implementation of the transition to domestic software. As a recommendation, the author can advise creating a program to improve computer literacy among different ages of the population in order to help spread a positive image of Russian programs.

Keywords: higher education; Russian software; professors; students; import substitution; technological sovereignty

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kleymenov, Mikhail V. | E-mail: k-mihaell@mail.ru
Cand. Sc. (Sociology)

For citation: Kleymenov M. V. The attitude to the transition to Russian software in higher education // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 326-335. (in Russ.)

Отношение к переходу на российское программное обеспечение в высшем образовании

М. В. Клейменов¹

¹Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-326-335
УДК 316.023.5

Научная статья
Полный текст на русском языке

В современной России происходит процесс импортозамещения программного обеспечения. Данный процесс идет медленно и поэтапно. Ранее исследователи полагали, что главной проблемой является технологическая отсталость отечественных ИТ-продуктов и/или несовместимость российских программ с зарубежными аналогами. Сейчас на первые места среди проблем «миграции» на российское программное обеспечение выходит субъективное восприятие среди россиян. По результатам проведенного в начале 2024 г. социологического исследования было выяснено, что даже в среде высшего образования преподаватели, сотрудники и обучающиеся высказались в основном низко о достоинствах отечественных компьютерных программ. Знаниевый компонент опрошенных респондентов в отношении отечественного программного обеспечения оказался на крайне низком уровне: мы можем сказать, что относительное меньшинство является грамотным в российских компьютерных программах. Опрошенные преподаватели и студенты университета низко оценили преимущества российского программного обеспечения. Автор отмечает недостаточную вовлеченность преподавателей и студентов вуза в реализацию перехода на отечественное программное обеспечение. В качестве рекомендации автор может посоветовать создать программу повышения компьютерной грамотности среди разных возрастов населения, чтобы способствовать распространению позитивного образа российских программ.

Ключевые слова: Высшее образование; российское программное обеспечение; преподаватели; студенты; импортозамещение; технологический суверенитет

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клейменов, Михаил Вячеславович | E-mail: k-mihaell@mail.ru
Кандидат социологических наук, доцент кафедры
экономической теории и прикладной социологии

Для цитирования: Клейменов М. В. Отношение к переходу на российское программное обеспечение в высшем образовании // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 326-335.

В настоящее время в нашей стране происходит постепенный процесс замены иностранного ПО (*здесь и далее сокр. программное обеспечение*) на отечественное. Данный процесс входит в строгое понятие технологического суверенитета, который в последнее время пропагандируется больше, чем импортозамещение, в некоторых аспектах больше напоминающее импортоперемещение. К тому же, важен факт субъективного отношения россиян при миграции с иностранных программ на отечественные с учетом низкого уровня компьютерной грамотности, если принимать

© ЯРГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

во внимание значительное господство иностранного софта с момента распада СССР. В качестве исследовательской гипотезы мы определили возможность сопротивления студентов и преподавателей внедрению новых IT-продуктов в высшем образовании.

Под компьютерной грамотностью А. А. Комарова [1] понимает совокупность нескольких компонентов (знаниевый, умения и навыки работы с информацией и применение информационных технологий в профессиональной деятельности). Современная личность должна быть готова к постоянному непрерывному повышению компьютерной грамотности. А это требует зачастую большого уровня возможностей и мотивации к поисковой деятельности, высокой потребности в поиске новых технологий, необходимости в саморазвитии и саморефлексии. Можно дополнить структуру компьютерной грамотности компонентом готовности к вызовам, когда необходимо срочно по определенным причинам перейти от одних программ к другим. Для овладения новыми компьютерными программами в каждой возрастной когорте необходимо прилагать усилия, как, например, происходит организация повышения компьютерной грамотности среди пенсионеров.

В современной России происходят процессы, связанные с политикой импортозамещения, когда институт государства целенаправленно создает предпосылки для возникновения отечественных продуктов и производств, более конкурентоспособных на внутреннем рынке, чем импортные товары [2].

Конечно в первую очередь идет импортозамещение машин и техники («железа», как говорят в повседневности), но при этом не стоит забывать, что программное обеспечение («софт») не менее важно, поскольку без него техника не будет функционировать или потенциальный противник сможет отключить эту технику одним нажатием клавиши [3].

Пожалуй, наибольших результатов в импортозамещении в нашей стране добился сельскохозяйственный сектор. Тяжелая промышленность и фармацевтика остаются самыми зависимыми от ввозимых зарубежных товаров или сырья секторами экономики [4; 5].

При этом российские бренды пока все равно испытывают давление со стороны владельцев площадок сетевого ритейла, поскольку существует недоверие качеству отечественных брендов [6].

В современном мире на первую позицию выходит технологический суверенитет, когда страна может быть спокойна за безопасность в цифровом пространстве и развитии новых IT-технологий [7]. Сейчас увеличиваются возможности наращивания человеческого капитала как показателя мощи суверенитета. Сама независимость в принятии решений и законов еще не говорит о полном суверенитете того или иного государства. Необходимо развивать конкурентоспособность национальной экономики. Экономика тесно переплетается с политикой в данном ключе [8].

Для повышения экономического развития современные страны улучшают так называемую коллаборативную демократию (доступ различных социальных слоев к информации посредством современных цифровых технологий) и введение культурных инноваций [9].

Современный аспект зависимости даже можно характеризовать цифровой колонизацией, или технологической гегемонией коллективного Запада. К преодолению цифровой зависимости в данное время стремятся такие страны, как Индия и часть стран арабского мира. Современный Китай достиг большего результата в борьбе с технологической зависимостью [10].

Переход на отечественное программное обеспечение вызывает ряд проблем, связанных как с техническими основаниями, так и с психологическими [11]. В современной образовательной среде уже долгое время стоит вопрос замещения программного обеспечения зарубежного происхождения отечественными продуктами [12]. Фактически переход на отечественное ПО в современной образовательной среде является вынужденной мерой, поскольку существует давление рестрикций/санкций иностранных государств, откуда шел импорт, и преобладает желание руководства многих организаций провести быструю и часто бескровную миграцию с импортного на отечественное ПО.

Увеличение доли организаций, работающих на отечественном ПО, влечет за собой усиление позиций российского правительства и укрепление геополитического потенциала страны [13]. В условиях гибридного противостояния нашей страны и коллективного Запада встает острая необходимость в создании неподконтрольного зарубежным компаниям «софта», обеспечение национальной безопасности. В современном мире построение и продвижение IT-продуктов укладывается в грамотную и мощную стратегию управления населением, начиная от того, что им смотреть и как производить контент.

Конечно, встает вопрос об эффективности российского программного обеспечения по сравнению с зарубежным, и здесь мы видим неутешительные результаты, что наши программы уступают по самым важным критериям (быстрота загрузки, совместимость) западным информационным технологиям. Не всегда программное обеспечение совместимо, а сейчас в нашей стране все равно остается много зарубежных программ [14]. Крайне малое количество специалистов занято разработкой программ свободного кода, не стоит забывать, что многие западные компании зарабатывают баснословные богатства на «софте».

Но не стоит забывать, что при постепенном развитии российских программ мы сможем достичь немалых результатов, и уже сейчас существуют россияне, работающие вполне эффективно, используя отечественные разработки [15].

Также стоит подчеркнуть, что ещё в период президентства Д. А. Медведева в нашей стране обсуждался вопрос перехода на свободное программное обеспечение [16], но данный вопрос вызвал бурные обсуждения даже в средних общеобразовательных школах, поскольку школьные программы были нацелены на обучение не с помощью устройств, а фактически с помощью одной операционной системы от Microsoft (США).

Некоторые исследователи считали, что закрытие иностранного ПО для российских организаций невозможно, но в условиях гибридного противостояния наличие такой возможности «закрыть» говорит исключительно о силе и могуществе одного актора и слабости другого [17].

Российские исследователи пытаются разработать проекты по постепенному обучению российским IT-продуктам, поскольку несколько десятилетий была фактическая физическая и идеологическая монополия зарубежного ПО [18]. И она фактически присутствует и в данное время.

Для распространения информации важна работа как сильных, так слабых связей [19]. Любое экономическое действие хранит в себе социальное обоснование, поэтому сети постоянных и непостоянных контактов крайне важны при распространении информации о той же работе российского ПО, поскольку и студенты, и преподаватели заинтересованы сейчас в распространении такой информации, если учитывать постепенный транзит с иностранного программного обеспечения на отечественное.

Методология исследования

В начале 2024 г. лаборатория кафедры экономической теории и прикладной социологии и преподаватели бизнес-информатики Уральского государственного экономического университета провели социологическое исследование на тему «Внедрение IT-инноваций в вузе в условиях достижения технологического суверенитета». Был использован метод анкетного опроса в онлайн-формате, ссылка на анкету размещалась на специальных университетских ресурсах для обеспечения заполнения формы студентами, преподавателями и сотрудниками. В анкете использовались только оценочные вопросы по 5-балльной шкале, где 1 балл – минимальное значение, а 5 баллов – максимальное. Методика исследования была разработана преподавателями кафедры бизнес-информатики Уральского государственного экономического университета (под руководством С. В. Бегичевой, к.э.н.).

Всего было опрошено 211 чел. По основному статусу: 46,4 % – студенты, аспиранты; 35,5 % – преподаватели; 14,7 % – сотрудники административного и учебно-вспомогательного сектора; 3,3 % – заведующие кафедрами, руководители институтов и департаментов. Среди опрошенных было много молодых людей: 56 % в возрасте 18–35 лет; 21,8 % – 36–49 лет; 16,1 % – 50–64 года; 5,7 % – 65 лет и старше. По полу: 65 % – женщины, 35 % – мужчины.

75,4 % опрошенных не связаны с кафедрами и департаментами, занимающимися IT-сферой и математикой, остальные 24,6 % непосредственно связанным с IT-сферой и математикой.

Результаты исследования

В ходе социологического исследования нами было выявлено, что респонденты крайне низко оценили собственные знания о российском программном обеспечении (1,66–2,07 балла в среднем, см. табл. 1, Блок 1). Практически треть участников опроса затруднилась дать ответ на вопросы, оценивающие знаниевый компонент.

Респонденты крайне низко проинформированы о работе отечественного программного обеспечения, что может влиять на дальнейшее принятие новых IT-продуктов в среде высшего образования.

Участники нашего социологического опроса негативно оценили собственную инновационность (2,27–2,62 балла в среднем, см. табл. 1, Блок 2). Процент затруднившихся ответить не превышал 17,1 %. Под инновационностью мы понимаем склонность людей обновлять собственные устройства по мере появления новых программ. Также, увидев отрицательные оценки, мы поняли, что информанты более консервативны в вопросе использования ПО.

По исследованию Е. В. Попова, современные россияне обладают крайне низким уровнем цифровой грамотности (43 %), что ставит Россию на последнее место по умению критически подходить к информации и пользованию современными цифровыми технологиями. Крайне слабо развиты способы обеспечения защиты цифровой жизни россиян, но при этом 61 % опрошенных россиян каждый день выходит в интернет. Е. В. Попов указывает на низкий уровень цифровизации российских домохозяйств в сравнении с европейскими (в особенности с Нидерландами и странами северной Европы) [20].

Участники нашего опроса немногим ниже «троечки» оценили возможности работать с российским программным обеспечением (2,73–2,98 балла в среднем, см. табл. 1, Блок 3). Также был крайне мал процент затруднившихся ответить.

Оценки высказываний¹, средние баллы и %, БЛОКИ 1–3

№	Высказывания ²	Средний балл	Процент затруднившихся ответить
Блок 1. Оценка знаний о российском ПО			
1	Я знаю, какими российскими программными продуктами можно заменить иностранное программное обеспечение, используемое в учебном процессе сейчас	2,07	25,6
2	Я хорошо осведомлен о плюсах и минусах российского программного обеспечения – аналога зарубежного программного обеспечения, используемого в учебном процессе сейчас	2,22	21,8
3	Я могу рассказать другим о возможностях российского программного обеспечения – аналога используемого иностранного программного обеспечения, используемого в учебном процессе сейчас	1,66	32,7
Блок 2. Оценка личной инновационности			
1	Обычно я начинаю использовать инновационные технологии раньше всех	2,38	11,4
2	Я склонен обновлять устройства по мере появления новых технологий и выхода новых моделей	2,62	10,4
3	Я склонен информировать окружающих об устройствах, созданных с использованием инновационных технологий	2,27	17,1
Блок 3. Оценка возможности работы с российским ПО			
1	Я думаю, что мне будет легче обучиться и начать использовать незнакомое ранее программное обеспечение, чем другим	2,73	10,9
2	Я думаю, что смогу овладеть навыками работы с российским программным обеспечением за относительно короткое время	2,98	8,1
3	Я уверен в своих навыках работы с программным обеспечением и думаю, что у меня не возникнет сложностей при работе с российским программным обеспечением	2,92	8,1

В вопросе потенциального использования российского программного обеспечения или обучения работе с ним мы получили «удовлетворительные оценки», поскольку, возможно, люди предполагают некоторую схожесть иностранных и отечественных программ, верят в то, что отечественное ПО будет во многом имитировать зарубежные первоисточники.

Респонденты нашего исследования оценили на «троечку» вовлеченность в потенциальное использование российского ПО, и 8,5 % опрошенных затруднились дать ответ (см. табл. 2, Блок 4). Также участники проведенного социологического исследования относительно открыты к использованию российских программ.

¹ Для оценки по представленным ниже вопросам используется 5-балльная шкала, где 1 – минимальное значение, а 5 – максимальное, также респондент мог выбрать 0 – затрудняюсь ответить, не знаю

² Методика разработана преподавателями кафедры бизнес-информатики Уральского государственного экономического университета (под руководством С. В. Бегичевой, к.э.н.)

Оценки высказываний³, средние баллы и %, БЛОКИ 4–6

№	Высказывания ⁴	Средний балл	Процент затруднившихся ответить
Блок 4. Оценка вовлеченности			
1	Я открыт к использованию российского программного обеспечения – аналога зарубежного программного обеспечения, используемого в учебном процессе сейчас	3,04	8,5
Блок 5. Оценка преимуществ российского ПО			
1	Российское программное обеспечение, вероятно, имеет более широкие возможности, чем иностранное программное обеспечение, используемое в учебном процессе сейчас	1,65	29,4
2	Использование российского программного обеспечения будет более комфортным, чем использование иностранного программного обеспечения, используемого в учебном процессе сейчас	1,71	28,4
3	Российское программное обеспечение более надежно по сравнению с иностранным программным обеспечением, используемым в учебном процессе сейчас	1,91	26,5
4	Обучение навыкам работы с российским программным обеспечением более актуально, чем обучение работе с иностранным программным обеспечением, используемым в учебном процессе сейчас	2,49	19,0
5	Я думаю, что российское программное обеспечение создано с использованием инновационных технологий	2,45	18,0
Блок 6. Оценка технологической инновационности российского ПО			
1	Российское программное обеспечение является инновационным	2,05	25,6
2	Российские программные продукты оригинальны, креативны и новы	1,94	23,2
3	Российские программные продукты заметно отличаются в лучшую сторону от иностранного программного обеспечения, используемого в учебном процессе сейчас	1,79	27,5

Опрошенные поставили неудовлетворительные оценки (1,65–2,49 балла в среднем, см. табл. 2., Блок 5) преимуществам, которые существуют у российского ПО. Чуть менее трети участников опроса затруднились ответить на поставленные вопросы. Из-за низкого знания компонента в отношении российского ПО респонденты крайне низко оценили преимущества отечественного «софта» в отношении зарубежных аналогов. Также следует учитывать немалое количество отказавшихся ответить на вопросы (почти треть опрошенных).

Информанты в нашем исследовании крайне негативно оценили технологическую инновационность российского ПО (1,79–2,05 балла в среднем, см. табл. 2, Блок

³ Для оценки по представленным ниже вопросам используется 5-балльная шкала, где 1 – минимальное значение, а 5 – максимальное, также респондент мог выбрать 0 – затрудняюсь ответить, не знаю

⁴ Методика разработана преподавателями кафедры бизнес-информатики Уральского государственного экономического университета (под руководством С. В. Бегичевой, к.э.н.)

б). Каждый четвертый респондент затруднился дать ответ. Поскольку опрошенные не верят в успешность отечественного ПО, то крайне низко оценили инновационность и оригинальность отечественного «софта».

К отношению о необходимости перехода на российское ПО существует четкое разграничение: активно выступающих за переход не так много – 2,36 балла в среднем (см. табл. 3, Блок 7). При этом респонденты поставили «удовлетворительно» в целом к миграции на отечественный софт. Процент затруднившихся ответить не превысил 18,5. Мы не нашли позитивного отношения студентов и преподавателей вуза при миграции с иностранного ПО на отечественное. Люди боятся всего неизвестного или того, что могут, предположительно, говорить о российском ПО конструирующие организации.

Таблица 3

Оценки высказываний⁵, средние баллы и %, БЛОКИ 7–9

№	Высказывания ⁶	Средний балл	Процент затруднившихся ответить
Блок 7. Оценка отношения к необходимости перехода на российское ПО			
1	Я позитивно отношусь к использованию российского программного обеспечения	3,03	8,1
2	У меня не вызывает затруднений работа с российским программным обеспечением	2,73	13,7
3	Я активно выступаю за использование российского программного обеспечения в учебном процессе	2,36	18,5
Блок 8. Оценка личного принятия российского софта			
1	Я готов к использованию российского программного обеспечения в учебном процессе	2,86	12,8
2	Если возникнет необходимость, я буду использовать российское программное обеспечение в учебном процессе	3,57	6,6
3	Я продолжу использовать российское программное обеспечение в будущем	2,74	15,2
Блок 9. Оценка принятия российского софта окружением			
1	Российское программное обеспечение должно более активно использоваться в нашем обществе	2,97	11,4
2	Российское программное обеспечение должны использовать в работе организаций различных сфер деятельности	3,13	9,0
3	Нам необходимо постепенно наращивать использование российского программного обеспечения	3,29	8,5

Участники опроса поставили «троечки» личному принятию отечественного ПО (2,74–3,57 балла в среднем, см. табл. 3, Блок 8). 15,2 % затруднились ответить. Преподаватели и студенты вуза готовы перейти на российское программное обеспечение при необходимости, например, при полном запрете использования иностранных программ.

⁵ Для оценки по представленным ниже вопросам используется 5-балльная шкала, где 1 – минимальное значение, а 5 – максимальное, также респондент мог выбрать 0 – затрудняюсь ответить, не знаю

⁶ Методика разработана преподавателями кафедры бизнес-информатики Уральского государственного экономического университета (под руководством С. В. Бегичевой, к.э.н.)

Респонденты в нашем исследовании также поставили «удовлетворительно» принятию отечественного ПО своим непосредственным окружением (2,97–3,29 балла в среднем, см. табл. 3, Блок 9). 11,4 % затруднились ответить. Как преподаватели, так и учащиеся не полностью уверены в возможности использования российского ПО окружением, на работе, в учебном классе и т. д. Студенты и педагоги высшего образования активно обмениваются друг с другом опасениями насчет решения о миграции с иностранного «софта» на отечественный.

Заключение

Говоря о технологическом суверенитете, стоит помнить, что период целых десятилетий фактической зависимости российского государства от импортного программного обеспечения привел к тому, что даже субъективное отношение преподавателей и студентов экономического вуза можно характеризовать скорее негативным, поскольку им придется в краткие сроки «перестраиваться», переходить из привычного формата в непривычный. И здесь мы можем смело сравнить данное отрицательное отношение с обучением любому программному обеспечению любого поколения людей, поскольку существуют программы повышения цифровой грамотности среди пенсионеров, но для людей молодого/зрелого/предпенсионного возраста таких спланированных акций нет. Конечно, миграция с иностранного программного обеспечения на российское необходима в целях наращивания безопасности нашей страны в киберпространстве в условиях усиленного гибридного противостояния. Даже для постепенного перехода на отечественное ПО в нашей стране придется приложить немало усилий по работе с населением, чтобы «сломить» сопротивление устоявшихся привычек россиян. Среди преподавателей, сотрудников и студентов экономического вуза не сформировались установки, необходимые для перехода от иностранного к российскому ПО.

В условиях недоверия как со стороны научно-педагогических работников, так и со стороны студентов к российскому продукту в сфере программного обеспечения одновременно встает острая и системная необходимость в миграции с иностранных компьютерных программ на отечественные. Среди направлений грядущей работы с учётом полученных результатов проведенного исследования первым по важности будет учет интересов непосредственных потребителей. Задачи технологического суверенитета и технологической безопасности ИТ-продукта должны быть четко донесены до российского потребителя. Вторым направлением будет популяризация отечественных цифровых продуктов в системе высшего образования. Здесь необходимо будет использовать современные маркетинговые технологии для продвижения российского программного обеспечения. Также уместным будет внедрение новых образовательных программ повышения компьютерной грамотности для всех возрастных когорт. Третьим направлением работы должна стать здоровая конкуренция между российскими продуктами и программами иностранного происхождения, которая позволит потребителям непосредственно сравнивать преимущества и ограничения того или иного программного обеспечения. При этом со стороны институтов государства и образования должен быть установлен умеренный протекционный механизм для отечественного продукта. Таким образом, грамотная и слаженная политика продвижения и поддержки российских компьютерных программ позволит постепенно начать выход на путь технологического суверенитета.

Ссылки

1. Комарова А. А. Уточнение формулировки понятия компьютерная грамотность исходя из современных реалий // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 4. С. 142–146.
2. Ершов П. А. Импортозамещение и политика импортозамещения: теоретический подход к определению понятий // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 2. С. 147–157.
3. Import Substitution As Incentive Growth Factor Of Domestic Production / O. V. Arkhipkin, S. A. Golik, A. Pisklyak, I. Pakhomov // Regional Programs of Import Substitution: Материалы VI научно-практической конференции / Редколлегия: О. В. Архипкин [и др.]. Иркутск, 2022. С. 26–30.
4. Джавадова О. М., Гасанкадиева С. М. Импортозамещение как эффективный инструмент развития экономики России // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2023. № 5. С. 31–39.
5. Фадеева Е. В. Доступность лекарственных препаратов в условиях медикаментозного эмбарго: по материалам исследований // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 77–85.
6. Федотов А. Н. Влияние политики импортозамещения на деятельность отечественного сетевого ритейла: новые реалии // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14, № 1. С. 117–129.
7. Roumate F. Ethics On AI And Technological Sovereignty // Communications. Media. Design. 2021. Vol. 6, No. 4. С. 139–151.
8. Глухова А. В. Суверенитет versus конкурентоспособность: трудный выбор государства // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 83–92.
9. Дементьев В. Е. Коммуникативная концепция общественного договора и формирование курса развития экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 4. С. 57–70.
10. Дементьев В. Е. Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. 2023. Т. 21. № 1. С. 6–18.
11. Семенов Е. Ю. Проблемы переходы на российское программное обеспечение в деятельности службы ГИБДД // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2020. № 1. С. 381–384.
12. Бурняшов Б. А. Импортозамещение программного обеспечения учебного процесса российских вузов // Информатика и образование. 2022. Т. 37, № 1. С. 27–36.
13. Руденко Н. И., Бекреев А. Д. Российское программное обеспечение: дискурсивное конструирование технологической политики в дискурсе официальных лиц // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21. С. 203–223.
14. Проблемы и перспективы импортозамещения программного обеспечения в РФ / Ю. Ю. Громов, П. Ю. Пушкин, П. И. Карасев, А. Г. Иванов // Информация и безопасность. 2022. Т. 25, № 1. С. 37–44.
15. Смирнов Ю. В. Сопоставительный анализ зарубежного и российского программного обеспечения, используемого в библиотечной сфере // Научные и технические библиотеки. 2023. № 12. С. 97–115.
16. Резвушкин С. В. Особенности российского рынка образовательного программного обеспечения и предпосылки внедрения свободного программного обеспечения в школах // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 9. С. 175–182.
17. Pashchenko D. S. Russian Local Trends In Software Development And Implementation // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 29–35.
18. Григорьев В. К., Бирюкова А. А., Овчинников М. А. Инфраструктурная поддержка импортозамещения программного обеспечения // Открытое образование. 2018. Т. 22, № 3. С. 52–60.
19. Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. P. 481–510.
20. Попов Е. В. Особенности измерения цифровой грамотности в России // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 51–61. DOI 10.31857/S013216250028532-8.

The problems of university messages in communication with applicants

A. I. Rykhtik¹

¹Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-336-353

Research article
Full text in Russian

The types of university communications and the interest of applicants in them are investigated. It is based on the analysis of the Internet survey conducted by the author in the summer of 2023 for applicants to Nizhny Novgorod universities. The interdependence between the style of message texts and their attractiveness to applicants is considered; a hierarchy, according to the target audience, of the university's message signs is proposed. The author has designed the process of receiving a message from an applicant from a university and explain the specifics of these communication processes due to the influence of increased competitiveness of universities for the attention of applicants and the intergenerational gap between university staff and future students, which provides a basis for studying the values of representatives of generation Z. Characteristics of representatives of the younger generation are given, the understanding of «clip thinking» and its influence will be revealed for the receipt and processing of information from the university in the Internet space. Depending on the types of messages that are of interest to future students, the author proposes a typologization of applicants. The multidimensional scaling method used by the author will allow us to identify 4 types of applicants who pay attention to different types of messages from the university, which leads them to different degrees of readiness for admission and the choice of their future profession.

Keywords: communication; applicants; university; career guidance; generation Z; clip thinking

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rykhtik, Anastasia I. | E-mail: s.w.anastasia.95@gmail.com

For citation: Rykhtik A. I. The problems of university messages in communication with applicants // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 336-353. (in Russ.)

Характеристики сообщений вузов в коммуникации с абитуриентами

А. И. Рыхтик¹

¹Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-336-353
УДК 316.4.066

Научная статья
Полный текст на русском языке

Исследуются типы сообщений вузов и заинтересованность в них абитуриентов. Базируется на анализе проведённого автором летом 2023 г. интернет-анкетирования поступающих в нижегородские вузы. Рассмотрена взаимозависимость между стилем текстов сообщений и их привлекательностью для абитуриентов; предложена иерархия, по мнению целевой аудитории, признаков сообщений вуза. Автором спроектирован процесс получения сообщения абитуриентом от вуза и объяснена специфика данных коммуникационных процессов из-за влияния повышенной конкурентности вузов за внимание абитуриентов и межпоколенческого разрыва между сотрудниками вузов и будущими студентами, что дает основу для изучения ценностей представителей поколения Z. Даны характеристики представителей молодого поколения, раскрыто понимание «клипового мышления» и его влияние на поступление и обработку информации от вуза в интернет-пространстве. В зависимости от типов сообщений, которые интересны будущим студентам, автором предложена типологизация абитуриентов. Метод многомерного шкалирования, использованный автором, позволит выделить 4 типа абитуриентов, которые обращают своё внимание на различные типы сообщений от вуза, что приводит их к разной степени готовности к поступлению и выбору своей будущей профессии.

Ключевые слова: коммуникация; абитуриенты; вуз; профориентация; поколение Z; клиповое мышление

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рыхтик, Анастасия Игоревна

E-mail: s.w.anastasia.95@gmail.com

Заместитель руководителя центра профориентации и маркетинга в образовательной деятельности

Для цитирования: Рыхтик А. И. Характеристики сообщений вузов в коммуникации с абитуриентами // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 336-353.

Введение

Спецификой института высшего образования является разностороннее и непрерывное общение с разными целевыми аудиториями (абитуриенты, студенты, выпускники, партнеры вуза и т. д.) по коммуникационным каналам вуза. Если брать линейную модель коммуникации Г. Лассуэлла [1], можно представить масштабность и проблематичность протекания процессов коммуникации в институте высшего об-

разования. Сотрудники вузов в качестве «коммуникаторов» одновременно передают десятки сотен сообщений по всем каналам коммуникации, которые есть у вузов, разным получателям сообщения. Сообщения вуза будут изменяться в зависимости от выбранного канала коммуникации (например, формальный стиль текстов представлен на сайтах вузов, неформальный – в социальных сетях вуза) и от целевой аудитории, на которые эти сообщения рассчитаны. Встает вопрос о правильно подобранной тональности сообщений для разных целевых аудиторий вуза. Сообщение вуза должно быть замечено и правильно воспринимаемо на цифровых и офлайн-платформах вуза, от него зависит успех всего процесса коммуникации между вузом и получателем сообщения.

Сложностью в подборе, написании, трансляции сообщения для абитуриентов является очевидный межпоколенческий разрыв сотрудников вуза и будущих студентов. Как и всем представителям молодого поколения, абитуриентам присуща эмоциональность и индивидуализм в общении, их ценности и жизненные установки еще не сформированы и подвержены хаотичному течению. Кроме этого, наши абитуриенты являются представителями поколения Z, у которого есть свои отличительные черты, создающие дополнительные трудности в понимании сообщений, передаваемых вузом. Это поколение, родившееся в период 2001–2010 гг., не знающее и не понимающее мир без интернета и социальных сетей, что влияет на их коммуникативные способности в реальном мире и размывает границы между онлайн- и офлайн-площадками для коммуникации. Например, для самовыражения, которое является важной ценностью для поколения Z, многие представители этого поколения предпочитают социальные сети, что переводит их в мир онлайн-коммуникации, а для обсуждения бытовых задач в семье или учебных вопросов в школе – в реальный мир [2].

Тем не менее ни один вопрос у современного школьника не может решаться только на одной площадке или с помощью одного источника информации. Почти всегда это синтез онлайн- и офлайн-инструментов. Выбор вуза и профессии тоже может обсуждаться на обеих площадках: цифровой и офлайн. Это обуславливается и наличием большого выбора каналов коммуникации и площадок проведения мероприятий у вузов, и нередко факторами удаленности абитуриентов от выбранного ими вуза. Еще один важный показатель, из которого складывается успех сообщения для абитуриентов, – важность и интерес повестки сообщения.

Вузам приходится подстраиваться под определённую площадку размещения/трансляции сообщения, под уместность в выборе типа сообщения и под особенности поколенческого поведения современных абитуриентов; транслировать такие сообщения, которые будут заметны и интересны абитуриентам, не исчезнут в потоке огромного количества информации о поступлении в условиях повышенной конкурентности между высшими и средними профессиональными учебными заведениями.

Целью исследования является изучение видов содержания и привлекательности сообщений вуза, адресованных абитуриентам. Какими признаками должна обладать информация и сообщения вузов, по мнению абитуриентов, и что будет иерархически важнее для этого поколения: открытость информации или её визуальная составляющая. Автором предлагается типологизация абитуриентов в зависимости от выбираемого ими типа информации и делается предположение, что успех ком-

муникации между сотрудниками вуза и будущими студентами возможен только при правильно подобранном стиле написания сообщения, актуальности этого сообщения для абитуриента и его полезности при поступлении в вуз.

Методы

С целью изучения коммуникационного процесса между университетом и абитуриентами летом 2023 года проведено интернет-анкетирование поступающих в нижегородские вузы. Опрошены абитуриенты классического университета – Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского – и специализированного вуза – Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета. Выборка составила 446 человек: ННГУ – 331 чел. и ННГАСУ – 115 чел.

Социально-демографические характеристики респондентов распределились следующим образом: пол респондентов (26 % – юноши, 74 % – девушки). Средний возраст респондентов – 18 лет, что говорит об увеличении возраста поступающих в сравнении с абитуриентами 2006 г. [3] и 2015 г. [4], где основной группой абитуриентов нижегородских вузов являются 17-летние. При этом значительно сократилось количество поступающих в вуз в возрасте 16 лет и в три раза увеличилось количество абитуриентов, откладывающих свое поступление до возраста 19 лет и старше (таблица 1).

Таблица 1

Возраст абитуриентов, %

Возраст	2006 [3] (N=598)	2015 [4] (N=588)	2023 (N=446)
16	15	9	<5
17	63	68	31
18	9	17	48
19 и старше	13	6	19
Итого:	100	100	100

Согласно данным, приведенным в таблице 2, 2,91 % поступающих в нижегородские вузы – это выпускники учреждений среднего общего образования, остальные – выпускники колледжа и техникумов (9 %). Среди выпускников среднего общего образования 51 % закончили среднюю школу без специализации и 40 % – лицей/гимназию или специализированный класс/школу. Установка на получение высшего образования всё ещё явно преобладает именно у выпускников школ, тем не менее, по сравнению с 1995 г. [5] и 2015 г. [4], увеличилась доля поступающих в вузы из колледжей и техникумов.

Уровень образования абитуриентов, %

Уровень образования	1995 [5] (N=909)	2006 [3] (N=598)	2015 [4] (N=588)	2023 (N=446)
Средняя школа без специализации	53	41	48	51
Специализированная школа (класс)	27	28	24	17
Лицей, гимназия	16	19	26	23
Колледж, техникум	4	10	<5	9
Итого:	100	100	100	100

Значительно уменьшилось количество абитуриентов, поступающих из г. Нижнего Новгорода (таблица 3), что может объясняться выбором выпускников нижегородских школ и техникумов поступать в более крупные города, такие как Москва и Санкт-Петербург. Пропорционально этому явлению увеличивается приток абитуриентов из городов/сёл другой области (не областных центров), чему способствует существующая система ЕГЭ.

Место жительства абитуриентов, %

Место жительства	1995 [5] (N=909)	2006 [3] (N=598)	2015 [4] (N=588)	2023 (N=446)
Нижний Новгород	56	48	54	39
Город/село в Нижегородской обл.	38	37	29	27
Другой областной или краевой центр	<5	<5	<5	6
Город/село в другой обл.	5	13	14	28
Итого:	100	100	100	100

Большинство абитуриентов оценили доход семьи как средний (62 % – денег достаточно для покупки еды, одежды и товаров длительного пользования, но недостаточно для покупки машины, квартиры). 23 % процента ответили, что денег хватает только на еду и одежду, а 17 % могут себе позволить всё, что захотят.

Блоки вопросов в анкете касались опыта абитуриентов в коммуникации с вузом и включали:

- выбираемые абитуриентами каналы коммуникации;
- действия вузов и лидеров мнений абитуриентов, влияющих на выбор вуза;
- типы коммуникации с вузом;

- типы мероприятий вуза, в которых принимают участие абитуриенты;
- проблемы и барьеры в коммуникации, с которыми столкнулись абитуриенты;
- типы сообщений вуза;
- характеристика сообщений вуза и признаки, которыми должны обладать сообщения вуза, по мнению абитуриентов.

Проанализируем последние два блока вопросов, касающиеся типов сообщений вуза и заинтересованности в этих сообщениях абитуриентов. Проведём многомерное шкалирование для категоризации абитуриентов по типам информации и сообщениям вуза, которые им показались интересными.

Результаты

Общие результаты исследования: реакция абитуриентов на виды и признаки сообщений вуза

Организация коммуникативной стратегии университета предполагает работу не с одной целевой аудиторией, а одновременную и разнонаправленную работу со всеми группами получателей сообщения от вуза. Формируя свою коммуникативную стратегию, вузы должны учитывать, что сообщение должно быть прочитано и получено именно той аудиторией, которой это сообщение было направлено. Если с профориентационными мероприятиями очного формата (днями открытых дверей, каникулярными школами, конкурсами для абитуриентов) вопрос о «верном» получателе сообщения не стоит, то в потоке онлайн-сообщений от вуза можно использовать специальные «маркеры», которые определяют, что это сообщение предназначено абитуриентам, а не студентам или преподавателям вуза.

Эти «маркеры» помогают ориентироваться школьникам в интернет-пространстве, сигнализируя о том, что это сообщение для них. Маркеры для сообщений касаются в основном направлений профориентационной деятельности вузов и включают такие выражения, как «подготовка к поступлению», «подбор образовательных программ», «выбор направлений обучения», «получи подробную информацию о профессиях».

Использование таких «маркеров» связано с «клиповым» мышлением у современного поколения школьников в ситуации преимущественного пребывания в интернете с перегрузом поступающей информации из разных интернет-каналов, с фрагментарным, поверхностным изучением информации и недостаточным анализом деталей сообщения [6].

Действия, которые абитуриент ранее мог совершить в реальности (например, приехать и пообщаться с приёмной комиссией и преподавателями вуза), копируются и переносятся в интернет-пространство. Стало популярным общение в интернете с сотрудниками вуза и проведение онлайн-лекций, интервью/эфиров с преподавателями, онлайн-дней открытых дверей. Перенос этих действий в онлайн создает гиперреальность, что, по Ж. Бодрийяру, конструирует новое понимание действительности и меняет смысл профориентационных действий вуза, важную роль играют сообщения и символы о событиях вуза, красочность визуала и оформления сайта и социальных сетей вуза [7]. Подмена действительности происходит даже на уровне гиперреальности, где из-за «клипового» мышления из текста выхватываются от-

дельные отрывки и фразы, иногда яркие визуальные элементы, которые формируют у читателей образ, далекий от реальности.

В онлайн-анкетировании респондентам было предложено ответить на вопросы о заинтересованности в получении разных типов сообщений от вуза. Составлены типы сообщений разной тематики и с ярко выраженными «маркерами» в сообщениях. Анализируя тематику сообщений вузов в интернет-пространстве и опираясь на опыт в классификации сообщений предыдущих исследователей [8], мы использовали следующие темы для сообщений:

- развлекательные, где предлагается вовлечь абитуриентов совершить какое-то действие: принять участие в конкурсе, посмотреть мотивирующее видео;
- научно-популярные: прочитать интервью с преподавателем, прослушать лекцию;
- организационные: описывается алгоритм поступления в вуз или представлен подбор программы на сайте.

В развлекательных и научно-популярных сообщениях обозначен «маркер» профессии, которой посвящен конкурс для абитуриентов или лекция от преподавателя вуза. Например, одно из сообщений для оценки заинтересованности респондентов звучало так: «Сегодня мы расскажем, чем занимается биолог, какие исследования он проводит и почему быть биологом – это круто». Была выдвинута гипотеза, что обозначение профессии в сообщении заинтересует именно тех абитуриентов, которые поступают на эту специальность или направление подготовки. Неважно, по какой тематике (развлекательной или научно-популярной) оно составлено или какими другими характеристиками обладает это сообщение. Результаты заинтересованности этим сообщением представлены в таблице 4.

Таблица 4

Реакция заинтересованности абитуриентов сообщением с упоминанием профессии «биолог», %

Факультет/институт/направление	Неинтересно	И да, и нет	Интересно
ННГАСУ_Экология	25	0	75
Институт биологии и биомедицины	6	9	85
Химический факультет	17	21	62
Факультет социальных наук	36	14	50
Радиофизический факультет	71	16	13
Институт информационных технологий, математики и механики	60	17	23
ННГАСУ_Дизайн	58	5	37

К группе респондентов, которым интересно данное сообщение, относятся абитуриенты естественно-научных направлений подготовки и специальностей,

что подтверждает гипотезу об ориентации на ключевые слова и название профессии в сообщении и о «клиповом» мышлении современных абитуриентов. Так, 85 % абитуриентов, поступающих в Институт биологии и биомедицины ННГУ, ответили, что им интересно данное сообщение. Значительное количество абитуриентов ННГАСУ (75 %), поступающих на Экологию и природопользование, заинтересованы в получении этого сообщения. Абитуриенты, поступающие на Химический факультет, также относятся к лояльной группе получателей этого сообщения. Это связано со смежностью научных сфер и тем фактом, что чаще всего абитуриенты, поступающие на Химический факультет, выбирают биологию и химию в качестве предметов ЕГЭ.

В группу, которая не заинтересовалась этим сообщением, входят творческие направления, математические и физические. 50 % абитуриентов, поступающих на Факультет социальных наук, тем не менее заинтересовались данным сообщением. Это объясняется наличием психологических направлений подготовки и специальностей, базирующихся на данном факультете.

В процессе «клипового» мышления привлечение внимания происходит на уровне слова «биолог», а смысл всего сообщения и действие, которое должен совершить абитуриент, могут ускользать от получателей сообщения. Смысл сообщения был в том, чтобы заинтересовать абитуриентов, которые еще не решили, куда поступать. Но реакция на сообщение оказалась другой – им заинтересовались именно те абитуриенты, которые уже выбрали естественно-научный профиль обучения, среагировав на слово «биолог».

Цифровая социализация школьников учит быстро искать информацию в интернете по ключевым словам, но не дает возможности для развития навыков анализа и осмысления полученной информации в сети из-за перегруженности и одномоментного получения сообщений из разных источников и постоянно обновляющейся «ленты» в социальных сетях. Гипотезу подтверждает исследование, проведенное среди школьников в 2021 г. и показавшее, что при составлении научного доклада школьники в меньшей степени будут полагаться на анализ и прочтение книг по данной тематике, а будут ограничиваться прочтением любых источников в интернете, прямо или косвенно подходящих к тематике выступления [2].

Языковая составляющая сообщения тоже важна, как и его смысл. Сообщение вуза должно обладать теми признаками, которые хотят видеть в нем абитуриенты. Ранжирование наиболее значимых характеристик сообщений вуза, по мнению абитуриентов, представлено в таблице 5.

Наиболее популярные признаки для сообщений вуза – актуальность, доступность для понимания и открытость сообщений для всех желающих. Эти признаки перекликаются с характеристиками современного поколения абитуриентов, где самовыражение и свобода являются важными и главными ценностями поколения Z [2]. Очевидно, что соблюдения этих ценностей они ожидают от вуза, где потом планируют учиться на протяжении 4–6 лет.

Важной характеристикой сообщения, которую нужно подчеркнуть отдельно, – доступность для понимания сообщения. Вузы должны обладать не только лингвистической компетенцией, но и коммуникативной – стремиться соотносить с помощью языка свои представления о мире в той же степени, что и абитуриенты. Только так можно добиться согласия и взаимопонимания в процессе коммуникации [9].

**Иерархия признаков, которыми должны обладать сообщения вуза
(по мнению абитуриентов)**

Информация по поводу поступления должна быть... (не согласен – 1 2 3 4 5 – согласен)	Среднее значение (1÷5)
актуальной	4,88
доступной для понимания	4,86
открытой для всех желающих	4,79
визуально красивой	4,32
информативной, с большим количеством данных	4,16
в виде картинок	3,94
полезной и научно-популярной	3,93
короткой по содержанию	3,83
в видеоформате	3,17
развлекательной	2,9
длинной по содержанию	2,86
на академическом, научном языке	2,81
со смайликами/эмодзи	2,57
на молодёжном сленге	2,56

Четвертой по популярности характеристикой сообщения респонденты называют визуальную составляющую. Это может быть яркая картинка, понятные графики, иные способы оформления социальных сетей и сайта вуза. Данный признак стоит выше, чем информативность, научно-популярный характер сообщения, другие языковые характеристики сообщения (использование сленга, смайликов). Абитуриенты сначала обращают внимание на то, как оформлено сообщение, а потом на его содержание.

Исходя из результатов распределения популярных характеристик сообщения, которых абитуриенты ожидают от вузов, можно спроектировать успешный процесс получения сообщения абитуриентом от вуза:

1. Сообщение приходит вовремя и его можно прочитать (признаки: актуальность, доступность для понимания, открытость сообщения).

2. Абитуриент обращает внимание на оформление сообщения (признак: визуальная составляющая сообщения) и его удовлетворяют визуальные характеристики сообщения.

3. Обработка содержания сообщения, если первые два пункта соблюдены. Здесь значимыми для абитуриента признаками становятся информативность сообщения, наличие большого количества данных; наличие картинок; полезность и научно-популярный характер статьи.

Построенная модель получения сообщения от вуза, а также многоступенчатость его обработки может объясняться двумя обстоятельствами:

– повышенной конкурентностью вузов за внимание абитуриентов как внешней составляющей влияния на процессы коммуникации вузов с абитуриентами.

Вузы нанимают дизайнеров и программистов, чтобы спроектировать современную и визуально красивую площадку для получения информации, а также специалистов по SMM-продвижению сайтов и социальных сетей, чтобы сообщение вуза было красиво оформлено и прочитано вовремя получателем;

– поколенческими характеристиками получателей сообщения: «клиповостью» мышления поколения, фрагментарностью, наглядно-образовым мышлением, низким уровнем первичной обработки информации, отсутствием обработки и анализа текста при его просмотре [7].

Результаты многомерного шкалирования: типологизация абитуриентов

В авторском исследовании, помимо вопросов на оценку характеристик сообщений вуза и заинтересованность в получении разных типов сообщений, был представлен и вопрос, где респонденты выражали степень согласия с тем, что должен или не должен делать вуз при коммуникации с абитуриентами: например, какого стиля общения придерживаться, как передавать сообщение. С помощью метода многомерного шкалирования (Proxscal) была диагностирована структура мер близости между объектами, в качестве которых выступали 32 вопроса (таблица 6), актуализирующие коммуникативные практики «вуз – абитуриент», путем присвоения каждому из параметров конкретного места в двумерной концептуальной модели, где расстояние между точками максимально соответствует требованиям сходства. Результатом этого анализа является представление объектов (вопросов) в этом низкоразмерном пространстве методом наименьших квадратов, что, безусловно, помогает понять полученные результаты (рисунок 1). Коэффициент конгруэнтности Такера составил 0,96, что свидетельствует о надёжности построения соответствующей модели.

На рисунке отражены группы признаков сообщений в двумерном пространстве, где вертикальная ось обозначена исследователем как содержательная составляющая сообщения вуза (научно-популярные или визуально-развлекательные характеристики сообщения). Это те признаки сообщений вуза, которые отвечают за смысл и содержание сообщения. Сообщения вуза, положительно отмеченные содержательной составляющей, ориентированы на полезность, научно-популярный характер, объемность фактов и данных. Это сообщения о лекциях, мастер-классах, беседах с преподавателями, олимпиадах и конференциях для школьников.

Признаками, которые положительно отмечены по критерию влияния содержательной составляющей в сообщении, в нашем исследовании стали:

- информативное сообщение вуза с большим количеством данных о поступлении в вуз, проходных баллах и правилах приема;
- полезное и научно-популярное сообщение вуза (лекции преподавателей университета, курсы по общеобразовательным предметам);
- наличие в сообщении вуза памяток и пошаговых статей по поступлению в вуз. Как пример, сообщение вуза из анкеты, положительно определенное как содержательное: «*Коротко о главном: 10 шагов, как стать студентом нашего вуза. Смотрите нашу памятку и не забудьте подать документы для поступления!*»;
- наличие в сообщении интервью или беседы с преподавателями вуза: «*Сегодня мы расскажем, чем занимается биолог, какие исследования он проводит и почему быть биологом – это круто. Встречайте интервью с профессором и доктором биологических наук...*»;

– наличие информации о конкурсах для абитуриентов: «Привет, абитуриент! Уже стартовал наш конкурс «Археолог будущего. От Индианы Джонса до Лары Крофт». Почувствуй себя в роли студента-историка и раскрой секреты археологии вместе с нами».

Таблица 6

Конечные координаты общего пространства

Оцениваемые параметры	Измерение	
	1	2
Мотивирующее видео	0,533	0,530
Интервью с биологом	0,226	0,805
Конкурс по археологии	0,287	0,668
Курс по математике	0,237	0,499
Памятка о поступлении	-0,589	0,378
Правила приема	-0,171	0,730
Лекция в офлайне	-0,124	0,474
Информация о проходных баллах	-0,492	0,479
Актуальность	-0,865	-0,087
Доступность	-0,856	-0,060
Открытость	-0,844	0,018
Визуально красивое	-0,601	-0,124
Информативность	-0,547	0,122
Полезность	-0,351	0,119
Развлекательное сообщение	0,322	-0,247
Видеоформат	0,162	-0,055
Сообщение в виде картинок	-0,354	-0,203
Короткое сообщение	-0,300	-0,414
Длинное сообщение	0,431	0,068
Смайлики/эмодзи	0,795	0,000
Молодежный сленг	0,823	0,143
Академический язык	0,528	-0,203
Статусность вуза	0,633	0,320
Показать офиц. документы	0,064	-0,452
Активность в соц. сетях	0,671	-0,424
Предпочитаю картинки по поступлению	-0,467	-0,522
Офлайн-общение	-0,032	-0,759
Привлекательный интерфейс	-0,559	-0,323
Посещение профориентационных мероприятий	0,756	-0,211
Новости вуза	-0,062	0,172
Осветить информацию так, чтобы вопросов не оказалось	0,189	-0,760
Индивидуальное приглашение	0,559	-0,681

Абитуриенты в пространстве признаков сообщений

Рисунок 1. Абитуриенты в пространстве признаков сообщений вуза.

По мнению абитуриентов, содержательными сообщениями прежде всего стали текстовые сообщения, анонсирующие какое-либо мероприятие вуза или сообщающие о новостях вуза, информации о поступлении, проходных баллах. Исключение – одно сообщение вуза, содержащее мотивирующее видео от выпускников вуза о выборе профессии: «Кем ты себя видишь после окончания вуза? Инженером, строителем небоскребов, летчиком-космонавтом? Посмотри наше мотивирующее видео от выпускников вуза и пиши свой вариант в комментариях». Это сообщение приглашает абитуриентов начать коммуникацию с вузом и позволяет узнать больше информации о различных профессиях от выпускников вуза, что объясняет причину отнесения его к содержательному сообщению.

В противовес содержательности сообщения – ориентация на визуальную часть сообщений или внешнюю привлекательность не только сообщений, но и оформление каналов коммуникации вуза в интернете. Признаками, отвечающими за визуальную составляющую сообщений, стали:

– наличие в сообщениях картинок: *«Я охотнее посмотрю картинку с пошаговыми инструкциями по поступлению в социальных сетях, чем самостоятельно буду читать документы приёмной комиссии»;*

– наличие разноформатной активности вуза в социальных сетях (размещение видео, поддержка диалога с абитуриентами в интернете): *«Вуз должен заинтересовать меня смешными, вирусными видео про поступление, конкурсами и другой активностью в социальных сетях, чтобы я обратил на них внимание и начал коммуникацию с ними»;*

– привлекательность интерфейса сайта вуза и оформления социальных сетей: *«Для меня важно, чтобы интерфейс сайта и оформление социальных сетей визуально привлекали меня и были современными».*

Сообщения, которые оказались на самых низких (отрицательных) показателях критерия содержательности, подразумевали отказ от получения и прочтения сообщения в интернете: *«Я лучше позвоню в приемную комиссию или приду в вуз, чем буду общаться с ними в интернете».*

Горизонтальная ось отвечает за доступность сообщения для всех желающих или, наоборот, за эксклюзивность сообщения. Это те составляющие сообщения, которые определяют, кто получатель информации от вуза и что нужно сделать, чтобы сообщение от вуза было получено абитуриентами, заинтересованными в данной информации.

К признакам доступности сообщения относятся: открытость информации для всех желающих; доступность для понимания; актуальность сообщения. Доступность и открытость сообщения, с одной стороны, перегружают каналы коммуникации и самих абитуриентов информацией от вузов, что затрудняет фильтрацию этих сообщений абитуриентами и ранжирование сообщений от более приоритетных к менее. С другой стороны, это помогает вузам расширить сферу своего влияния, подключить новую аудиторию для поступления. Для приобретения новой аудитории, а не работы над качеством сообщения больше всего подходят общие, организационные сообщения вуза о поступлении, которые важны абсолютно для всех абитуриентов. Например, информация о проходных баллах: *«Проходные баллы 2023 года появятся только после зачисления абитуриентов на бюджетные места. Во время проведения приёмной кампании самостоятельно отслеживайте конкурсную ситуацию на сайте».*

Эксклюзивность сообщения работает, когда мы уже взаимодействовали с абитуриентом несколько раз, знаем его интересы и предпочтения, можем разговаривать с ним «на одном языке». Именно поэтому признаками эксклюзивности сообщения стали не только активность вуза в социальных сетях, интервью с преподавателями, профильные профессиональные конкурсы и курсы, нацеленные на конкретные группы абитуриентов, но и как высшая степень доверия абитуриентов к вузу – использование различных стилей написания сообщения. В зависимости от предпочтений абитуриентов, это может быть использование молодёжного сленга, смайликов и эмодзи, где вуз предстает абитуриенту в виде хорошего друга или знакомого, помогающего в поступлении. Или использование академического и научного языка в сообщении, чтобы абитуриенты, начинающие делать первые шаги в науке (как участники школьных олимпиад и конференций), «почувствовали» себя в статусе

студента, перед которым открыты новые знания и возможности для продолжения научной деятельности.

Ярким представителем эксклюзивности в сообщении вуза стало создание и рассылка в социальных сетях индивидуальных сообщений-приглашений от вуза на конкретные мероприятия для школьников.

Таким образом, мы предполагаем, что абитуриентов можно типологизировать в зависимости от видов сообщений, которые им интересно получать от вузов. В зависимости от распределения групп признаков сообщений по квадрантам нашего пространства мы можем выделить и проинтерпретировать 4 соответствующих типа абитуриентов, которые в той или иной степени находятся под влиянием содержательной и эксклюзивной частей сообщений вуза.

Первый тип абитуриентов – это абитуриенты-профессионалы. Им интересны содержательные, информативные сообщения от вуза, которые одновременно отражают эксклюзивность в выборе получателя сообщения. Эксклюзивность в сообщении может достигаться несколькими путями: указанием в сообщении конкретной профессии или факультета; рассылкой сообщений по электронной почте или в личных сообщениях (такие абитуриенты уже побывали на общих профориентационных мероприятиях и, скорее всего, оставили там свои контакты). Данный тип абитуриентов познакомился с направлениями подготовки и специальностями, которые есть в вузе, и ему неинтересны обобщенные сообщения, которые подойдут любому абитуриенту, но зато с большим интересом они прочтут сообщения с указанием интересующей его специальности: интервью с преподавателем факультета, конкурсы/игры/олимпиады по выбранной области знаний. Эти абитуриенты выбрали профессию, но недостаточно хорошо еще о ней узнали. Такие абитуриенты будут чаще следить за новостями факультетов и институтов, чем за общеуниверситетскими новостями. Это довольно устойчивый тип абитуриентов, которые выбрали вуз, подобрали себе область знаний, но пока не настолько уверены в выбранной специальности, чтобы пропускать новую информацию о ней и читать только организационные сообщения вуза (по сбору документов и датам подачи документов в вуз). Это абитуриенты, ориентированные на поиск подходящей области знаний и профессии, которые могли ранее участвовать в школьных конференциях и соприкасаться с научной и содержательной составляющей профессии. В меньшей степени их будут интересовать развлекательные сообщения вуза, без конкретного изложения фактов о будущей специальности, поэтому им важен статус вуза: *«Вуз должен поддерживать свой статус, быть серьезным при коммуникации с абитуриентами»*. Абитуриенты этого типа отметили, что в школе учились на четверки, были хорошистами. Их успеваемость косвенно подтверждает серьезное отношение к выбору будущей профессии, «золотую» середину, как в школе, так и в сборе информации о поступлении. Небольшой недостаток знаний о вузе и специальностях может объясняться тем, что данная группа абитуриентов преимущественно проживает в другом областном центре, что не позволяет им часто приезжать в г. Нижний Новгород, хотя заинтересованность в профориентационных мероприятиях у них есть и материальная возможность тоже: абитуриенты данного типа в основном отметили, что не ограничены в средствах и могут позволить себе всё, что захотят.

Второй тип абитуриентов – это «абитуриенты-организаторы». Наиболее завершённый в своем решении тип абитуриентов, которым нужна в свободном доступе

актуальная, открытая информация об организационной, последней части поступления – об особенностях летней приёмной кампании вуза. Это абитуриенты, которые определились с вузом и перечнем специальностей для поступления и отслеживают только ту информацию от вуза, которая касается периода подачи документов летом: какие документы нужны и в какие сроки, какие вступительные испытания могут быть и когда они проходят, когда нужно подавать оригинал документа об образовании и как это можно сделать. И, наконец, как понять, что абитуриент поступил в вуз: какие списки смотреть и где найти приказ о зачислении. Они прошли все стадии получения и обработки сообщений от вуза: от общих мероприятий для школьников и знакомства с вузом до выбора профессии и уверенности в своем решении. Данный тип абитуриентов, судя по ответам респондентов, – девушки, которые учились в школе на отличные оценки, что объясняет их навыки по структурированию информации и доскональному изучению информации о вузе и профессии. Эти навыки помогают им компенсировать фактор удаленности проживания от г. Нижнего Новгорода. Как и первый тип абитуриентов, они проживают в другом областном центре.

Можно также предположить, что внутри этого типа абитуриентов могут встречаться девушки, которые будут прагматично выбирать профессию, ориентируясь на информацию о проходных баллах и на перечень предметов ЕГЭ. Прагматичный выбор специальности по перечню предметов ЕГЭ, а не по заинтересованности в самой профессии может порождать проблему адаптации к обучению в вузе, связанную с неверным выбором профессии и ложным субъективным представлением о ней из-за менее интенсивного изучения информации о специальности на стадии подготовки к поступлению при фокусировании внимания только на организационных сообщениях вуза.

Третий тип абитуриентов – «абитуриенты-визуалы». Это абитуриенты, которые ориентируются только на внешнюю сторону подачи информации о поступлении. Они готовы уделять информации о поступлении от вуза минимальное количество времени, поэтому им важно, чтобы сообщение было короткое, получено вовремя и состоящее преимущественно из картинок. Исходя из этих признаков сообщений, которые им важны, можно сделать вывод, что эта группа абитуриентов не готова, не хочет или не может уделять поступлению много времени. Они хотят читать сообщения вуза, чтобы, наоборот, расслабиться, проникнуться атмосферой вуза, посмотреть менее загруженное информацией сообщение вуза (картинки, визуально красивые видео), а не для вдумчивого изучения информации, сопровождаемого выбором, в какой вуз или на какое направление поступать. Это менее устойчивый тип абитуриентов, которые для себя ничего не решили и решать пока не хотят. Исходя из ответов респондентов, к этому типу абитуриентов относятся девушки, которые учились на тройки в обычной средней общеобразовательной школе Нижегородской области. Респонденты также отвечали, что у них нестабильное материальное положение, денег хватает на еду и одежду, но их недостаточно для покупки других товаров. Это может косвенно указывать на отсутствие возможности рассматривать всерьез поступление в вуз из-за ограниченности в материальных средствах для платного обучения и недостаточных знаний для поступления на бюджетное место.

Абитуриенты этого типа не всегда могут к нему принадлежать, это может быть очень короткий временной, скачкообразный период, когда школьники пытаются

справиться со стрессом поступления и выбора своего будущего, которое подкрепляется нестабильным материальным положением в семье. Единственный способ справиться для них с нервозностью и стрессом в данный период – переключиться на более развлекательные типы сообщений. Абитуриенты, которые остаются в данном типе достаточно долгое время, могут так и не определиться с выбором вуза или с большей вероятностью совершить ошибку в этом выборе из-за «потребления» только развлекательных сообщений, исключая их содержательную часть.

Четвертый тип абитуриентов – «потерянные абитуриенты». Это школьники, которые не могут или не успевают проранжировать поток получаемой информации о поступлении от разных вузов. Они не могут сориентироваться, какие сообщения в рамках одного вуза для них более интересны и приоритетны, а какие менее. Им важно быть везде и сразу: и посетить профориентационные мероприятия вуза, и следить за активностью вуза в социальных сетях. Сообщение вуза, по их мнению, должно быть и развлекательным, и одновременно на академическом, научном языке. Важной характеристикой этой группы является согласие с тезисом: *«Не вижу смысла в том, чтобы задавать вузу вопросы о поступлении. Вуз должен освещать информацию о поступлении так, чтобы вопросов у меня не оказалось»*. Они требуют эксклюзивности в общении, чтобы вуз превосходил их вопросы и понимал их с полуслова, хотя сами не могут самостоятельно выбрать то, что им интересно и важно. Им в большей степени нравится, что им уделили внимание, прислали индивидуальное приглашение на мероприятие вуза, показали официальные документы, чем содержательность беседы. Они приняли решение о поступлении в конкретный вуз во время беседы с представителем вуза, абитуриенты этого типа в первую очередь обращают внимание на то, насколько сотрудники вуза были вежливы и открыты с абитуриентом. Это школьники, проживающие в населенном пункте другой области (не в областном центре), которые обучались в специализированных образовательных учреждениях (гимназиях, лицеях и т. д.), что может подтверждать их запрос на эксклюзивность в общении, но недостаточность информации о нижегородских вузах из-за удаленности от г. Нижнего Новгорода. На вопрос об успеваемости они преимущественно отметили пункт «затрудняюсь ответить», что может лишний раз говорить об их потерянности и о трудностях в оценке своих знаний. Они могут не иметь никаких ориентиров, на какие баллы они сдадут ЕГЭ, что лишает их возможности, в отличие от «абитуриентов-организаторов», просчитать и выбрать профессию, ориентируясь на шансы поступления на бюджет.

Заключение

В процессе выстраивания коммуникации в интернете важно, чтобы получатель сообщения вовремя его увидел и прочитал. Учитывая специфику интернет-пространства, нужно предполагать, что наш получатель сообщения будет пользоваться разными коммуникационными каналами, что перманентно будет вести к информационному «перегрузу» пользователя. В добавок к этой ситуации нужно учитывать повышенную конкурентность между вузами за внимание абитуриента и специфику восприятия информации абитуриентам в интернет-пространстве.

В результате нашего исследования мы зафиксировали поверхностное восприятие сообщений на основе упоминания определенной профессии, что является одним из признаков «клипового» мышления современного поколения школьников. Наи-

более важными признаками для сообщений вуза стали актуальность, доступность для понимания и открытость сообщения для всех желающих, что перекликается с ценностями современной молодёжи. Визуальная составляющая сообщения также стоит выше, чем его информативная часть. Внешняя оболочка сообщения и его оформление влияют на то, будет ли прочитано сообщение. Исходя из иерархии признаков сообщения, важную роль в успешном коммуникационном процессе с абитуриентами будут играть временной (сообщение было отправлено и замечено вовремя) и визуальный показатели.

Вузы должны уметь пользоваться современными каналами коммуникации с абитуриентами, это обеспечит им временной ресурс, который важен для абитуриентов поколения «Z». Присутствие вузов в социальных сетях: телеграме и вконтакте – поможет им быстро и оперативно общаться с поступающими, а современное оформление социальных сетей и сайта вуза создаст верный имидж университету и расположит к себе абитуриентов. Использование графических инструментов и видеоматериалов привлечет больше внимания к тексту сообщения вуза, а адаптированная мобильная версия сайта вуза поможет абитуриентам читать большие блоки информации о вузе с телефона. Важно публиковать информацию о мероприятии заранее (особенно, если большинство поступающих в ваш вуз из других городов) и повторять в равные промежутки времени, чтобы оно периодически появлялось в ленте социальных сетей. Другой способ удержать внимание абитуриентов – закреплять информацию о важном мероприятии в начало страницы вуза в социальных сетях (так это сообщение вовремя увидит большее количество людей). Для сайта вуза лучшее решение рассказать о большом мероприятии для школьников – это опубликовать баннер мероприятия на главной странице сайта вуза, визуальная составляющая сообщения сразу привлечет внимание пользователей сайта.

В процессе выстраивания своей информационной политики нужно понимать, что у абитуриентов разный уровень вовлеченности в процесс коммуникации с вузом. Есть абитуриенты, которые уже побывали на мероприятиях вуза, поняли вектор своего профессионального пути, а есть те, кто еще в поиске вуза и направления, которое бы им подходило. Для того, чтобы избежать информационного «перегруза» у разных типов абитуриентов, необходимо понимать, какая информация будет интересна всем, а кому нужно предложить что-то индивидуальное.

Общую информацию о поступлении, о подаче документов в вуз, о днях открытых дверей можно публиковать для всех абитуриентов во всех доступных им каналах коммуникации, эта информация будет важна для любого абитуриента.

Для информации о мероприятиях определенной профессиональной направленности (естественно-научной, гуманитарной или физико-математической) нужно сделать упор на сайты факультетов/институтов вузов или их страницы в социальных сетях. Если вуз, с согласия абитуриентов, зафиксировал его электронную почту или аккаунт в социальных сетях, то можно сделать рассылки для тех абитуриентов, которые уже интересовались определенным факультетом или направлением вуза.

Для того, чтобы поддержать коммуникацию с абитуриентами в онлайн, нужно создавать вовлеченность в этот процесс с обеих сторон: просить делиться впечатлениями о вузе, своим опытом поступления и выбора профессии, проводить конкурсы с призами для абитуриентов. Не стоит пренебрегать развлекательными сообщениями для абитуриентов, они помогают справиться со стрессом в процессе выбора

вуза и профессии, абитуриенты чувствуют сопричастность с вузом, его открытость и дружелюбие.

Своевременность сообщения, его заметность и адресность – это те установки, которыми нужно руководствоваться при составлении любого сообщения для абитуриентов.

Ссылки

1. Laswell H. D. *The Structure and Function of Communication in Society* // *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers, 1948. P. 37–51.

2. Коммуникативные компетенции поколения Z и выбор формата обучения в контексте цифровизации / И. И. Толстикова, О. А. Игнатьева, К. С. Кондратенко, А. В. Плетнев // *International Journal of Open Information Technologies*. 2022. № 11. С. 60–68.

3. Максимова М. Л. *Абитуриент ННГУ 2006 года: ценностные установки и профессиональные ориентации*. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2008. 51 с.

4. Рябоконт М. В. *Социальные компоненты поведения абитуриентов (на примере классического университета): автореф. дисс. ... канд. социол. наук*. Нижний Новгород: ННГУ, 2017. 20 с.

5. Балабанова Т. Н., Иудин А. А., Стрелков Д. Г. *Нижегородский университет: абитуриент'95*. Нижний Новгород: ННГУ, 1995. 59 с.

6. Терехин А. С. *Влияние информационных технологий на формирование профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи: возможности и риски* // *Социология и право*. 2022. Том 14. № 2. С. 174–182.

7. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции*; [пер. с фр. А. Качалова]. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.

8. Шадрин Л. Ю., Соболева И. А. *Коммуникационные инструменты интернет-маркетинга онлайн-школ: комплексный подход* // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 10. С. 1495–1499.

9. Habermas J. *Communication and the Evolution of Society*. Boston: Beacon Press, 1979. 240 p.

10. Дворянчиков Я. В., Михайлов В. А., Шепелева Е. С. *Особенности коммуникации поколения Z в сфере высшего образования* // *Сборник трудов XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Молодёжь и государство: научно-методологические, социально-педагогические и психологические аспекты развития современного образования. международный и российский опыт»*. Тверь: Тверской государственный университет, 2022. С. 126–130.

Conflict potential of Central Asian immigration (using the example of the Yaroslavl region)

A. V. Shustov¹, V. A. Luzina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-354-373

Research article
Full text in English

The article is devoted to the problem of conflict potential arising as a result of immigration to Russia of the indigenous population of the Central Asian states. Most researchers of labor migration from Central Asian countries to Russia have so far studied the problems of adaptation of migrants and their integration into Russian society. In addition, xenophobia towards migrants by the indigenous population of the Russian Federation is a common research topic, while the radicalization of migrants themselves in Russia and their participation in extremist movements remain poorly studied. The proposed study focuses on the conflict potential created by both temporary, labor, and permanent, long-term migration of the indigenous population of Central Asian countries to Russia. The relevance of the study is related to the sharp aggravation of the problem of Central Asian migration in Russia. Signs of this aggravation appeared even during the COVID-19 epidemic in the form of a sharp increase in the number of conflicts involving migrants, and became especially acute after the terrorist attack in Crocus City Hall. The practical significance of studying the conflict-causing potential of Central Asian immigration is due to the need to timely identify the social risks associated with it and develop measures to neutralize them.

Keywords: migration; immigration; migrants; conflicts; conflict potential; Central Asia; Russia

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shustov, Alexander V. | E-mail: a.v.shustov@yandex.ru
Cand. Sc. (History)

Luzina, Victoria A. | E-mail: vikaluzinacat@gmail.com
Graduate

For citation: Shustov A. V., Luzina V. A. Conflict potential of Central Asian immigration (using the example of the Yaroslavl region) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 354-373. (In Russ.)

Конфликтогенный потенциал среднеазиатский иммиграции (на примере Ярославской области)

А. В. Шустов¹, В. А. Лузина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-354-373
УДК 325

Научная статья
Полный текст на английском языке

Статья посвящена проблеме конфликтогенного потенциала, возникающего в результате иммиграции в Россию коренного населения среднеазиатских государств. Большинство исследователей трудовой миграции из стран Средней Азии в Россию до сих пор изучали проблемы адаптации мигрантов и их интеграции в российское общество. Кроме того, распространенным сюжетом исследований является ксенофобия по отношению к мигрантам со стороны коренного населения РФ, тогда как радикализация самих мигрантов в России, их участие в экстремистских движениях остаются достаточно слабоизученными. Предлагаемое исследование сконцентрировано на конфликтогенном потенциале, который создает как временная, трудовая, так и постоянная, долгосрочная миграция в Россию коренного населения стран Средней Азии. Актуальность исследования связана с резким обострением проблемы среднеазиатской миграции в России. Признаки этого обострения проявились еще в период эпидемии COVID-19 в виде резкого роста числа конфликтов с участием мигрантов и стали особенно острыми после теракта в «Крокус Сити Холле». Практическая значимость изучения конфликтогенного потенциала среднеазиатской иммиграции обусловлена необходимостью своевременного выявления связанных с ним социальных рисков и выработки мер по их нейтрализации.

Ключевые слова: миграция; иммиграция; мигранты; конфликты; конфликтогенный потенциал; Средняя Азия; Россия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шустов, Александр Владимирович | E-mail: a.v.shustov@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии

Лузина, Виктория Андреевна | E-mail: vikaluzinacat@gmail.com
Магистрант

Для цитирования: Шустов А. В., Лузина В. А. Конфликтогенный потенциал среднеазиатский иммиграции (на примере Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 354-373.

Введение

В последние годы иммиграция из азиатских стран СНГ, вызывающая растущую тревогу большей части общества и значительную – властных элит, стала одной из наиболее острых внутри- и внешнеполитических проблем России. Между тем, поскольку крупных конфликтов с участием мигрантов из стран Средней Азии вплоть до начала эпидемии COVID-19 в России не случалось и в совершении терактов до нападения на «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 г. они замечены не были, в рамках

© ЯРГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

конфликтотенной парадигмы эта проблема до сих пор не рассматривалась. Иммиграция из государств Средней Азии в основном изучалась с точки зрения адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Причем это касалось как академических работ, так и эмпирических исследований, в последних из которых миграционные вопросы нередко выступали лишь в качестве сюжета более широкого круга проблем межнациональных отношений.

Проблема конфликтотенности миграции в отечественной социологии впервые была поставлена А. В. Дмитриевым, вначале – на глобальном уровне [1], а затем и на примере России [2]. Определения «конфликтотенности» миграции, ее «конфликтного потенциала» и методов оценки последнего А. В. Дмитриев не приводит, а сам феномен описывался им эмпирически – через факторы, которые способствуют обострению связанных с миграционными процессами социальных противоречий и конфликтов, – правовые, территориальные, этнические, демографические, криминогенные, демографические и др. Применительно к России проблема «конфликтного потенциала» миграции уже на начало «нулевых годов» оценивалась им как крайне серьезная, а сама конфликтотенность миграции во многом связывалась с культурными и этноконфессиональными различиями отпускающих и принимающих обществ [2].

В 2010-е гг. изучение проблемы конфликтотенности миграционных потоков активизировалось в южных регионах России, которые раньше других столкнулись с негативными последствиям массовой миграции. Основным объектом изучения при этом являлись не внешние, а внутренние миграции: в качестве отпускающих обществ выступали российские республики Северного Кавказа, а принимающих – другие регионы Юга России. Впрочем, ракурс рассмотрения этой проблемы во многом оставался прежним – сквозь призму факторов, которые способствуют возникновению обусловленных миграцией конфликтных ситуаций [3]. Новым стало то, что конфликтотенный потенциал миграционных потоков начинает увязываться с проблемами национальной безопасности [4]. Кроме того, в трактовке причин конфликтов приоритетное внимание уделяется культурным отличиям отпускающих и принимающих мигрантов обществ [5].

Основным сюжетом исследований взаимоотношений иммигрантов и принимающего общества при этом остается адаптация выходцев из Средней Азии в России. Ее изучение, как правило, носит локальный характер и осуществляется на уровне конкретных регионов, сталкивающихся с притоком иностранной рабочей силы. В последние годы такие исследования выполнены на материалах сельских регионов Юга России [6], Приморского края [7], Екатеринбурга [8], Татарстана [9] и целого ряда других субъектов РФ, а также отдельных профессиональных [10] и возрастных групп иммигрантов [11]. Основное внимание обычно уделяется факторам успешной адаптации мигрантов и препятствующим этому обстоятельствам. Порождаемые иммиграцией противоречия и конфликты рассматриваются вскользь, как фоновые аспекты адаптации [7; 9].

Риски радикализации трудовых мигрантов из Средней Азии и их вовлечения в террористическую деятельность становились объектом исследований лишь эпизодически [12]. Причем социологические опросы, затрагивавшие проблему религиозной радикализации мигрантов, еще несколько лет назад особых проблем в этой сфере не фиксировали [13]. В то же время анализ перспектив этнических конфликтов в России, проведенный в 2020 г. методом экспертного опроса, показал высокую

вероятность столкновений, связанных с исламистским экстремизмом и прежде всего ИГИЛ¹, и среднюю – конфликтов местного населения с инокультурными мигрантами из Средней Азии [14]. Тем не менее с количественными и «качественными» параметрами среднеазиатской иммиграции в Россию эта вероятность никак не связывалась.

Общероссийские количественные исследования ведущих социологических центров рисуют достаточно противоречивую картину. Так, по итогам опроса ВЦИОМа, проведенного в августе 2023 г. (n=1600), негативно (40 %) и позитивно (47 %) относящееся к трудовой иммиграции население разделилось на две примерно равные группы с небольшим перевесом в пользу последних. Об ухудшении межнациональных отношений заявили 39 % опрошенных, что, как подчеркивается в отчете, в полтора раза ниже, чем в 2013 г. (57 %) [15]. Однако изменение этого показателя носит нелинейный характер и связано с той этнополитической ситуацией, которая складывается в данный момент времени. Опрос ВЦИОМ, проведенный в апреле и июле 2024 г. (n=1600), вообще продемонстрировал исключительно позитивную картину: 81 % опрошенных не испытывает неприязни по отношению к мигрантам и лишь у 12 % они вызывают тревогу или страх [16].

Фонд «Общественное мнение» в июле 2021 г. (n=1500) зафиксировал увеличение с 2018 г. доли тех, кто считает, что приезжих в их населенном пункте много (с 42 до 49 %), а отношения с ними являются «скорее плохими» (с 16 до 23 %), и полторакратный рост сторонников ограничения въезда из всех стран (с 23 до 38 %). При этом доля считающих, что мигранты приносят пользу, заметно превысила процент тех, кто видит в них лишь вред [17]. Ноябрьский опрос ФОМа 2023 г. (n=1500) показал отсутствие неприязни к другим национальностям у 86 % опрошенных и ее наличие у 11 %, а также сравнительно небольшую долю тех, кто часто сталкивается с этническими конфликтами (8 %) [18].

«Левада-Центр»² – единственный из общероссийских социологических институтов, проводящих исследования этносоциальной дистанции, в июне 2022 г. зафиксировал (n=1600) ее некоторое сокращение по отношению к таджикам и узбекам, что объяснялось ситуационными факторами – началом СВО на Украине и смещением в ее направлении фокуса общественного внимания. При этом сама по себе социальная дистанция населения России с выходцами из Средней Азии оставалась очень значительной – в 2021–2022 г. более половины опрошенных выбрали варианты ответов «Пускал бы их в Россию только временно» и «Не пускал бы их в Россию», что аналогично отношению к выходцам из Африки (неграм) и китайцам [19, с. 38–39]. Апрельский опрос «Левада-Центра» 2024 г. зафиксировал резкое увеличение этносоциальной дистанции по отношению к выходцам из Средней Азии – доля тех, кто не пускал бы их в страну, после теракта в «Крокус Сити Холле» выросла по сравнению с весной 2022 г. вдвое (с 15 до 31 %) [20].

В целом же академические исследования затрагивают проблему конфликтогенного потенциала миграции лишь отчасти и главным образом посредством анализа тех факторов, которые его генерируют. Общероссийские опросы ориентированы в основном на анализ межэтнических отношений и вероятность возникновения на этой почве конфликтов, как правило, вне связи с миграционной ситуацией,

¹ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

² Внесен Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

не позволяя тем самым выявить наличие или же отсутствие у нее конфликтогенного потенциала. По итогам этих опросов вырисовывается достаточно спокойная картина межнациональных отношений в сочетании с высокой социальной дистанцией по отношению к выходцам из Средней Азии и настороженным восприятием миграции, объемы которой вызывают озабоченность.

Методы исследования и понятия

Объектом настоящего исследования является миграционная ситуация в Ярославской области, предметом – конфликтогенный потенциал миграционных потоков из государств Средней Азии. В качестве методов исследования использованы анализ данных текущего миграционного учета МВД России, вторичный анализ социологических опросов, проведенных на общероссийском и региональном уровне, а также анкетный интернет-опрос населения Ярославской области, проведенный в мае-июле 2024 г. (n=260).

Проблема определения «конфликтогенного потенциала миграции» в отечественной науке остается до конца не решенной. Социологи Южного федерального университета увязывают его с тремя факторами: 1) настроениями неудовлетворенности у мигрантов и принимающего сообщества, обострением социальных и экономических противоречий, нарушением сложившихся социальных связей и усилением этносоциальной напряженности; 2) утратой доверия к региональным и местным органам власти; 3) конфликтами на этнической почве. Сам же «конфликтогенный потенциал миграционных потоков» рассматривается как «возможность создавать социальные условия для возникновения конфликтогенных ситуаций и этнических конфликтов» [4, с. 76].

Анализ всех этих факторов и выявление на этой основе конфликтогенного потенциала миграции выглядят достаточно трудноосуществимыми из-за необходимости учитывать слишком большое число социальных процессов и явлений. К тому же последний из этих факторов говорит не о наличии конфликтогенного потенциала, а о факте перехода социального конфликта из латентной в открытую стадию. Исходя из этого, конфликтогенный потенциал миграции можно определить как *результат взаимодействия мигрантов и принимающих их обществ, порождающий у местного населения недовольство сложившейся ситуацией, что создает угрозу столкновений и конфликтов между ними*. Формирование конфликтогенного потенциала иммиграции определяется объемами иммиграционных потоков и их восприятием принимающим обществом.

В качестве индикаторов конфликтогенного потенциала иммиграции рассматриваются: 1) динамика абсолютной и относительной численности мигрантов; 2) социальная дистанция местного населения с представляющими мигрантов этническими группами; 3) характер межэтнических отношений и восприятие местными населением связанных с мигрантами угроз.

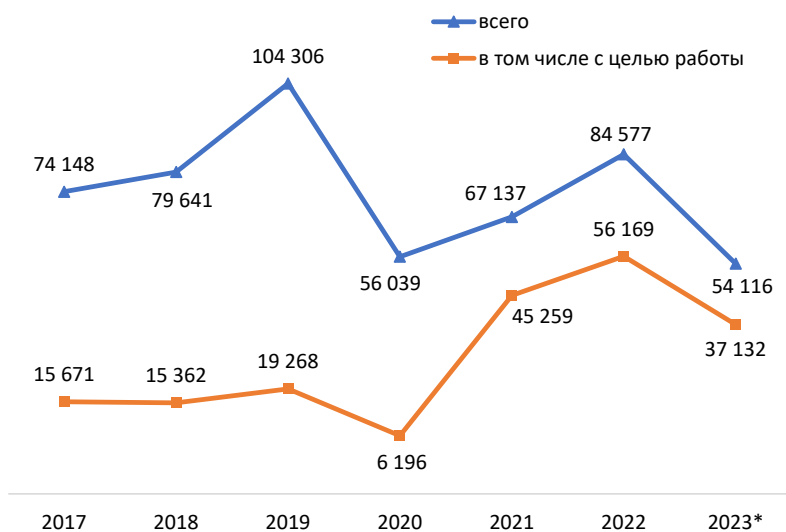
Иммиграция в Ярославской области: количественные параметры

Ключевым источником для оценки миграционной ситуации на региональном уровне являются данные текущего регистрационного учета Главного управления МВД России по вопросам миграции³, которые размещались в открытом досту-

³ Главное управление по вопросам миграции // МВД РФ: официальный сайт. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravljenija/guvm (дата обращения: 24.07.2024).

пе на сайте ведомства до середины 2023 г. Значение этих данных обусловлено тем, что именно они фиксируют временную, в том числе – трудовую миграцию, которая в статистической отчетности Росстата, отслеживающего лишь постоянную (долгосрочную) миграцию, отсутствует. Данные о национальности и гражданстве иностранцев по регионам в статистике МВД не представлены. Однако в целом по России 75,2 % всех регистраций иностранных граждан за 2022 г. пришлось на государства Средней Азии, в том числе 71 % – на Узбекистан, Киргизию и Таджикистан, генерирующих основные потоки миграции в Россию [21].

На протяжении 2017–2023 гг. в Ярославской области наблюдалось два пика регистрации иностранцев – последний «доковидный» 2019 г. (104,3 тыс.), когда их число по сравнению с предыдущим периодом выросло на четверть, и 2022 г., в течение которого количество регистраций после почти двукратного спада в 2020 г. (до 56 тыс.), вызванного карантинными ограничениями во время эпидемии, вновь увеличилось в полтора раза (до 84,6 тыс.). В 2023 г. миграционная ситуация остается до конца не ясной: статистические сведения были опубликованы МВД только за первое полугодие, а простая экстраполяция этих данных на весь год дает 54,1 тыс. регистраций иностранцев, что означает полуторакратное падение притока мигрантов по сравнению с 2022 г. (рис. 1).

*Оценка на основании данных МВД за первое полугодие 2023 г.

Рисунок 1. Динамика регистрации иностранных граждан в Ярославской области [21].

Кривая регистрации трудовых мигрантов, указавших в качестве цели прибытия работу, в целом повторяет общую динамику текущего миграционного учета с той разницей, что с 2021 г. их доля в общем миграционном потоке резко увеличивается и достигает двух третей от его объема. Причиной этого стала отмена с 2022 г. более мягкого миграционного режима, действовавшего во время эпидемии, и призванного снизить ее негативное воздействие на трудовых мигрантов из среднеазиатских стран СНГ.

В ходе трактовки данных текущего миграционного учета МВД следует, с одной стороны, принимать во внимание возможность повторного въезда в страну в течение года и многократного оформления временной регистрации по месту пребывания, а с другой – отсутствие этой регистрации у части иностранцев или окончание срока ее действия, что регулярно обнаруживается во время проверок соблюдения миграционного режима силовиками. Тем не менее в целом данные МВД достаточно адекватно отражают общее развитие миграционной ситуации как на федеральном, так и на региональном уровне.

*Оценка на основании данных МВД за первое полугодие 2023 г.

Рисунок 2. Динамика предоставления разрешений на временное проживание, видов на жительство и гражданства РФ в Ярославской области [21].

Иную картину рисуют данные о выдаче документов на долгосрочное проживание в России. Понижительную динамику демонстрируют только разрешения на временное проживание (РВП), число которых с 2017 по 2022 г. упало почти вдвое, а по оценочным данным за 2023 г. – в 4,5 раза. Число оформленных видов на жительство в этот период колебалось примерно на одном и том же уровне (около 1,7 тыс.). Зато выдача российских паспортов, которые граждане стран СНГ благодаря участию в программе переселения соотечественников могли получить в упрощенном порядке, минуя обязательное для прочих получение РВП и вида на жительство, демонстрирует устойчивый рост. С 2017 по 2022 г. количество выданных в области паспортов показало почти двукратный рост – с 2,2 до 3,9 тыс., и лишь в 2023 г. снизилось до 2,7 тыс. (рис. 2).

В последние годы именно предоставление гражданства стало одним из главных каналов постоянной иммиграции в Россию выходцев из Средней Азии, среди которых доминируют граждане Таджикистана. В целом по России за 2017 – первое полугодие 2023 г. на долю граждан этой республики пришлось 16 % всех случаев предоставления российского гражданства, а за 2022 г. – 25 %. По регионам сведения о выдаче паспортов в разрезе гражданства их получателей отсутствуют. При этом

кривая выдачи российских паспортов по области напоминает аналогичный график по России в целом⁴.

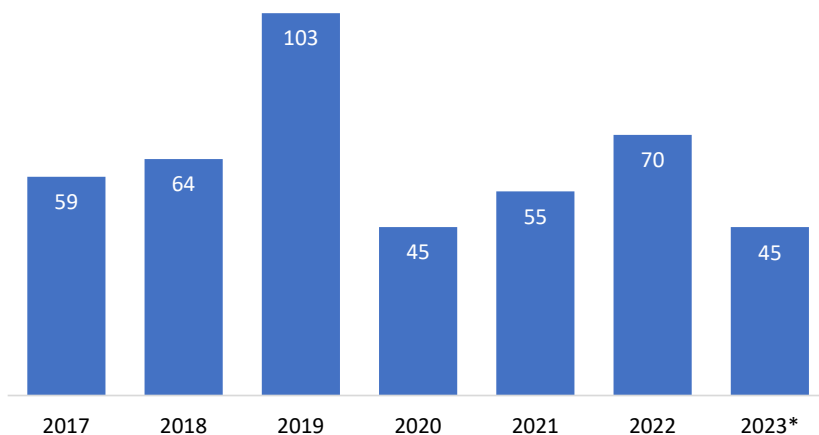

Рисунок 3. Коэффициент миграционной нагрузки (число регистраций иностранных граждан на 1000 населения) в Ярославской области [21; 22, с. 43].

Вместе с тем по уровню миграционной нагрузки, рассчитанной как число регистраций иностранцев на 1000 местного населения, область занимает средние позиции по стране. Рост этого показателя наблюдался с 2017 по 2019 г., когда он достиг 103, после чего последовало двукратное падение после начала эпидемии COVID-19 в 2020 г. и последующий рост до 70 в 2022 г. В 2023 г., по оценочным данным, коэффициент миграционной нагрузки составил 45 иностранцев на 1000 населения (рис. 3). По данным за 2021 г. в регионах, лидирующих по уровню миграционной нагрузки (Калужская, Московская области, С.-Петербург и Ленинградская область, Москва), ее уровень превышал 200 регистраций на 1000 местного населения [23, с. 60]. Ярославская область по этому показателю занимала на тот момент среди всех регионов России 35-е место [21; 24], что было достаточно далеко от порога миграционного кризиса, признаки которого в этот период явственно обозначились в столицах и прилегающих к ним регионах.

Межэтнические отношения в зеркале муниципальной социологии

Социологическим изучением национальной проблематики в Ярославле занимается муниципальное учреждение «Институт развития стратегических инициатив» (ИРСИ)⁵, учредителем которого является мэрия г. Ярославля. Институт ежегодно проводит мониторинговые исследования «Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в городе Ярославле», которые выполняются методом телефонного опроса по выборке объемом 400 чел., репрезентативной по полу, возра-

⁴ С 2017 по 2022 г. число случаев предоставления российского гражданства таджикистанцам, по данным МВД РФ, выросло в шесть раз: с 29 тыс. до 173,6 тыс., а всего за 2017 – первую половину 2023 г. гражданам этой республики было выдано 537,1 тыс. российских паспортов [21].

⁵ Институт развития стратегических инициатив. URL: <https://indsi.ru/> (дата обращения: 24.07.2024).

сту и району проживания. Такая методика позволяет изучать этническую ситуацию в динамике, своевременно выявляя наиболее острые проблемы. Вместе с тем официальный статус ИРСИ как муниципального учреждения, подведомственного мэрии, накладывает на изучаемые в ходе исследования вопросы и публикацию результатов определенные ограничения.

Ключевой вопрос исследования – оценка межнациональных отношений в городе. По итогам опроса, проведенного летом 2023 г., 87 % оценили их как нормальные (71 % – «спокойные, бесконфликтные»; 16 % – «положительные, дружественные») и только 10 % – как проблемные (9 % – «неспокойные, напряженные»; 1 % – «отрицательные, враждебные») [25]. Оценки межнациональных отношений русскими респондентами в целом оказались более спокойными. Однако крайне незначительная доля представителей других этносов в выборке (97 % – русские, 3 % – национальные меньшинства) обоснованных выводов о настроениях последних делать не позволяет. В сущности, опрос отражает лишь настроения русских, составляющих абсолютное большинство жителей города.

Примечателен и состав попавших в выборку национальных меньшинств, среди которых представлены татары, украинцы, армяне, азербайджанцы, литовцы, немцы и цыгане (в порядке убывания численности). Наиболее многочисленные из них – татары – на территории Ярославской области проживают как минимум с XVI в., а в Ярославле массово появляются в 1930-е гг., в период советской индустриализации. К настоящему времени татары в значительной массе уже ассимилировались с русским населением области и национальным меньшинством в большинстве своем уже не являются. Схожим образом обстоит дело с украинцами и белорусами, которые в силу этногенетической и культурно-исторической близости мало отличаются от русского населения города.

Из «видимых» меньшинств, заметно отличающихся от коренного населения Ярославля по языку, религии, фенотипическим и прочим особенностям, в незначительном количестве опрошены лишь армяне и азербайджанцы. Наиболее многочисленные этносы Средней Азии, генерирующие крупномасштабные миграционные потоки в Россию – узбеки, таджики и киргизы, – опросом вообще не охвачены, что объясняется, по всей видимости, языковым барьером и обусловленными им сложностями коммуникации.

С позитивной оценкой межэтнических отношений резко контрастируют ответы на вопрос о возможности в городе национальных конфликтов. Почти треть опрошенных считают их вероятными (5 % – «возможны», 25 % – «скорее возможны»), а отрицают вероятность возникновения конфликтов чуть менее двух третей респондентов (42 % – «скорее невозможны», 22 % – «невозможны»). По сравнению с аналогичным опросом ИРСИ, проводившимся в 2022 г., результаты почти не изменились с той разницей, что за год втрое упала доля считающих межнациональные конфликты возможными (с 15 до 5 %). Высокое значение этого показателя в 2022 г. объясняется, видимо, воздействием эпидемии COVID-19 и карантинных ограничений, обернувшихся заметным обострением ситуации с мигрантами из азиатских стран СНГ и, как следствие, межэтнических противоречий.

В вопросе о причинах межнациональных конфликтов, который носит закрытый характер, смешаны как ситуационные, поведенческие факторы, которые могут рассматриваться как непосредственные поводы конфликтов, так и объективные, долгосрочные, которые от самих людей не зависят или же зависят мало.

Так, в качестве главной причины межнациональных конфликтов та часть респондентов, которая считает их возможными, выделила «некорректное поведение представителей национальных меньшинств» (69 %), которое является ситуационным и само по себе может включать множество аспектов. К этой же группе факторов относится «изначально враждебное отношение к представителям отдельных национальностей» (28 %). Вместе с тем такие варианты ответов, как «нелегальная миграция» (18 %), «низкий уровень жизни» (14 %), «различия в вероисповедании и религии» (7 %), относятся именно к объективным факторам, которые влияют на этническую ситуацию в городе, но непосредственными причинами (поводами) возникновения межнациональных конфликтов служить не могут.

В исследовании 2019 г. присутствовал вопрос о том, много ли в городе национальных меньшинств, который из последующих опросов исчез [26]. Между тем косвенно он позволяет выявить восприятие населением миграционной ситуации в городе. Две трети опрошенных (66 %) ответили, что этнических меньшинств в городе много, и лишь шестая часть (17 %) считала, что их немного. Отмеченное в отчете противоречие этих данных небольшой доле национальных меньшинств в выборке связано с тем, что «мигрантские» сообщества опросом «не улавливаются». Более негативным в 2019 г. оказалось и восприятие межнациональных отношений: 17 % респондентов оценили их как напряженные или враждебные, что почти вдвое выше уровня 2023 г.

В целом же мониторинговые исследования ИРСИ вопросы, связанные с иммиграцией и ее восприятием населением, практически не затрагивают, позволяя оценить лишь общий «фон» межнациональных отношений и столь же общую вероятность возникновения этнических конфликтов с точки зрения русских жителей города. Характер межнациональных отношений по данным этих исследований можно в целом оценить как спокойный, а вероятность возникновения этнических конфликтов – как среднюю, что говорит о наличии в обществе латентной межэтнической напряженности.

Иммиграция и миграционная политика

С целью изучения конфликтогенного потенциала среднеазиатской иммиграции в мае–июле 2024 г. через сервис «Google Forms» был проведен опрос 260 респондентов. Выборка опроса невероятностная, стихийная. Соотношение мужчин и женщин (42,3 % и 57,7 %) в целом соответствует половой структуре населения области (44,9 и 55,1 % на 2023 г.). Возрастная структура отчасти смещена в пользу молодых возрастных групп (36,2 % – 18–24 года, 20,4 % – 25–34 года, 17,7 % – 35–44 года, 21,5 % – 45–59 лет, 4,2 % – 60 лет и старше). 85,4 % опрошенных проживают в Ярославле, 14,6 % – в иных населенных пунктах области, в связи с чем данные опроса представляют главным образом жителей областного центра.

Оценки миграционной ситуации населением Ярославской области достаточно тревожные: 9 из 10 опрошенных (89,2 %) считают, что мигрантов в России «скорее много» или «слишком много». Вместе с тем в отношении того населенного пункта, в котором они проживают, такой точки зрения придерживаются лишь 7 из 10 (68,8 %) опрошенных (рис. 4). То есть миграционная ситуация в регионе и прежде всего в областном центре оценивается не столь критично, как по стране в целом. Об этом же свидетельствует и вдвое большая доля тех, кто считает, что мигрантов в их населенном пункте «скорее мало».

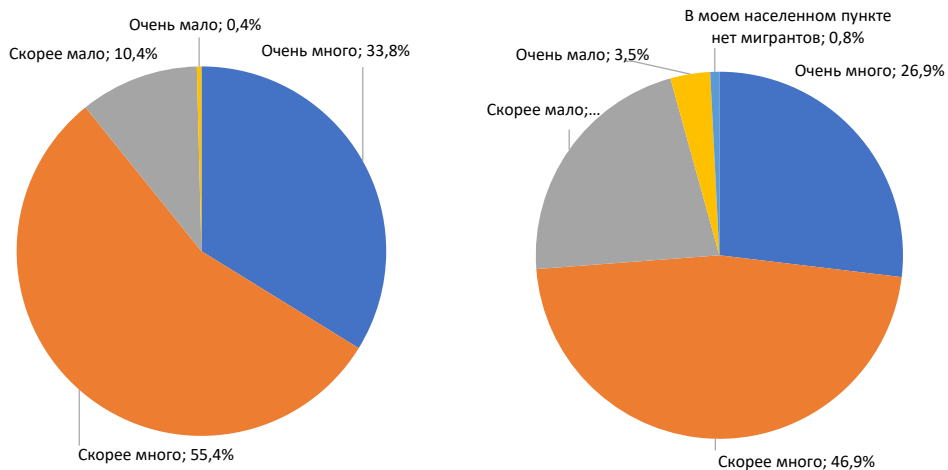

Рисунок 4. Если говорить о мигрантах – их много или мало?
(1 – в России, 2 – в Вашем населенном пункте)

С негативным восприятием миграционной ситуации коррелирует и преобладание точки зрения об ухудшении межнациональных отношений. Почти две трети респондентов (67,7 %) считают, что за последние годы они стали более напряженными, и лишь каждый пятый (20,8 %) никаких изменений не заметил. Снижение межэтнической напряженности в России за последние годы отметили лишь 5 % опрошенных (рис. 5).

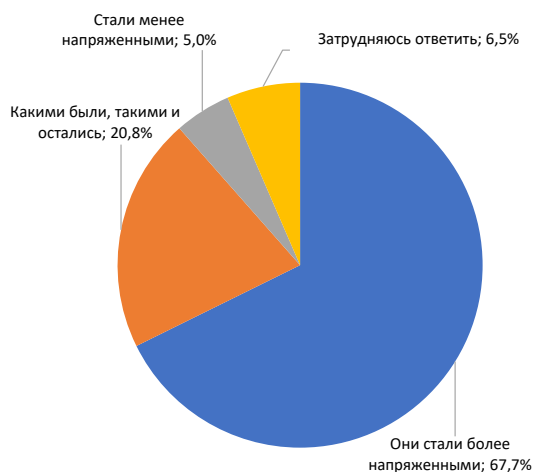

Рисунок 5. Как, на Ваш взгляд, за последние годы изменились межнациональные отношения в России?

На фоне обострения межнациональных отношений большинство респондентов склоняется к необходимости проведения государством ограничительной миграционной политики. Так, две трети опрошенных настаивают на ограничении притока или всех мигрантов (24,2 %), или же выходцев из определенных стран и регионов (41,5 %). Причем их число почти совпадает с долей тех, кто считает присутствие мигрантов в своем населенном пункте чрезмерным (46,9 %). На стимулировании притока мигрантов со стороны правительства настаивает лишь каждый пятый респондент (17,7 %) (рис. 6).

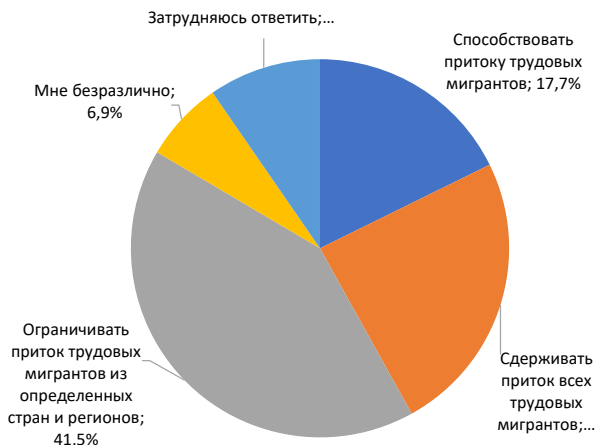

Рисунок 6. Как Вы думаете, какой политики должно придерживаться правительство России относительно трудовых мигрантов?

Особый интерес представляет вопрос о социальной дистанции, существующей между населением области и основными этническими группами, представленными среди мигрантов. Для ее измерения респондентам задавался вопрос о том, насколько близко они готовы принять выходцев из различных стран и регионов бывшего СССР. Результаты опроса в целом подтвердили данные об этнокультурной близости к русским восточных славян – белорусов и украинцев, а также наличии гораздо более значительной социальной дистанции с народами Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Самая низкая социальная дистанция наблюдается по отношению к белорусам. Их готовы видеть среди членов своей семьи и близких друзей три четверти респондентов (75,8 %), а намеренных ограничить их въезд в Россию не зафиксировано. Более половины (58,4 %) опрошенных готовы видеть в своем самом близком кругу украинцев, а запретить им въезд хочет каждый десятый (10,4 %). Разница в отношении к двум этим восточнославянским народам, максимально близким к русским в этногенетическом и культурном отношении, объясняется военно-политическими факторами: резким ухудшением российско-украинских взаимоотношений после Евромайдана 2014 г. и началом СВО в феврале 2022 г., что несколько ухудшило отношение российского общества к выходам с Украины.

Видеть среди родственников и близких друзей выходцев из Закавказья (азербайджанцев, армян, грузин) готовы менее половины (43,5 %) опрошенных, а с Северного Кавказа – чуть более трети (37,7 %) (рис. 7). В то же время на ограничении их въезда в Россию (7,7 и 8,8 %) настаивает заметно меньший процент респондентов, чем в отношении украинцев.

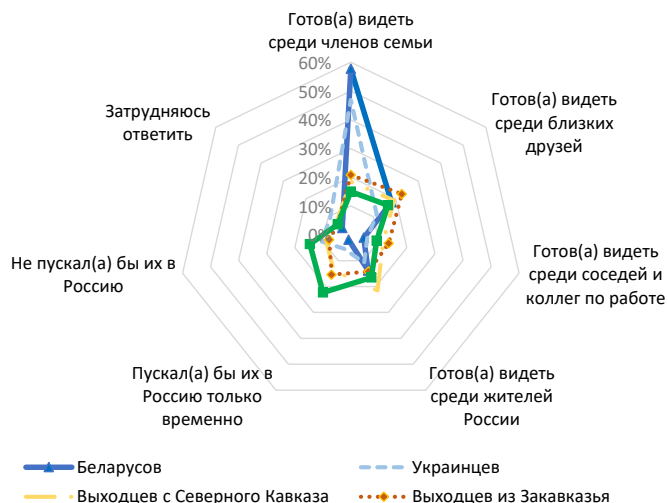

Рисунок 7. Представителей каких национальностей и насколько близко Вы готовы видеть?

Наиболее высокая социальная дистанция у населения Ярославской области зафиксирована с выходцами из Средней Азии. Таджиков, узбеков и киргизов среди членов семьи и близких друзей готовы видеть менее трети (31,5 %) респондентов, а более трети (36,9 %) вообще не пускали бы их в Россию или же пускали только временно. По доле негативно настроенных к ним респондентов среднеазиатские мигранты вдвое опережают украинцев и в полтора раза – закавказских и северокавказских. Столь высокая этносоциальная дистанция местного населения со среднеазиатскими народами наряду с масштабами миграционных потоков создает социально-демографический «базис» конфликтогенного потенциала иммиграции, дополняемый ситуационными (поведенческими) факторами.

Плюсы и минусы среднеазиатской иммиграции в оценках респондентов

На вопрос о масштабах присутствия среднеазиатских мигрантов в «своем» населенном пункте почти три четверти опрошенных выбрали вариант «очень много» (26,2 %) и «скорее много» (45,2 %), настаивая на его чрезмерности. Поскольку абсолютное большинство респондентов проживает в Ярославле, эти оценки касаются прежде всего областного центра, который и привлекает большинство мигрантов. Причем доля придерживающихся этой точки зрения в целом совпадает с процентом тех, кто настаивает на полном или частичном ограничении властями притока мигрантов (65,7 %). Мнения о том, что выходцев из Средней Азии в их населенном пункте «скорее мало» (21,9 %) или «очень мало» (3,5 %), придерживается лишь каждый четвертый респондент (рис. 8).

Рисунок 8. В населенном пункте, где Вы живете, есть мигранты из стран Средней Азии?

В том случае, если бы рядом с респондентами поселились выходцы из стран Средней Азии, те, кто негативно (40 %) и безразлично (40 %) относятся к этому обстоятельству, оказались бы в равной пропорции. Примечательно, что почти таким же образом распределились и респонденты, испытывающее (41,5 %) или же не испытывающие (43,1 %) тревогу или страх связи с присутствием мигрантов в их регионе. Процент положительных оценок в связи с присутствием мигрантов при этом крайне невелик (5,8 %). В целом же отношение населения области к появлению в их населенном пункте мигрантов из государств Средней Азии можно охарактеризовать как безразлично-отрицательное (рис. 9).

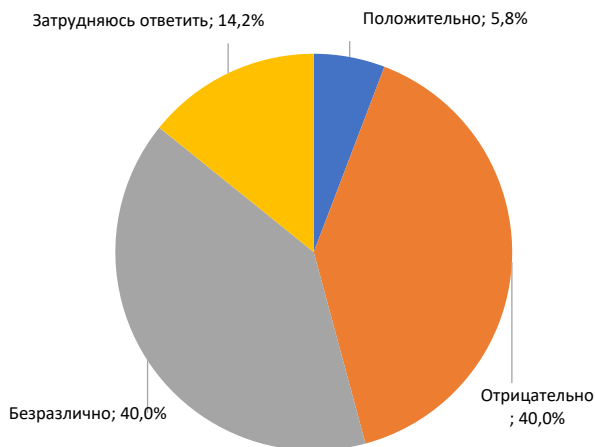

Рисунок 9. Если бы рядом с Вами поселились мигранты из Средней Азии, как бы Вы к этому отнеслись?

Несмотря на неоднозначное отношение, заметная часть населения считает приток среднеазиатских мигрантов экономически обусловленным. Так, 18,8 % опрошенных настаивают на том, что иммиграции из Средней Азии приносит больше пользы, почти столько же (21,9 %) – больше вреда, а 44,6 % придерживаются «промежуточной» точки зрения, считая, что в присутствии мигрантов есть как польза, так и вред (рис. 10).

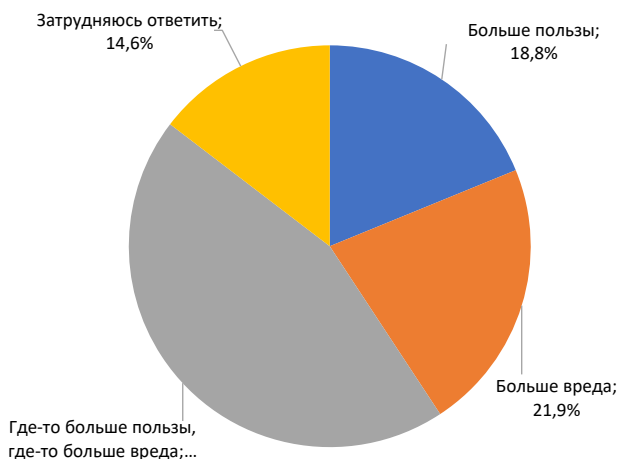

Рисунок 10. Как Вам кажется, мигранты из Средней Азии приносят России больше пользы или больше вреда?

Основными преимуществами использования среднеазиатских мигрантов респонденты считают выполнение работ, от которых отказывается местное население, дешевизну их труда, восполнение дефицита кадров, а также работу на низкоквалифицированных позициях. Кроме того, среди плюсов трудовой иммиграции из Средней Азии отмечалось то, что мигранты культурно обогащают страну, занимаются тяжелым физическим трудом, поддерживают экономику, обеспечивают прирост населения и способствуют налаживанию взаимоотношений между народами.

Вред, который приносят мигранты, связывается респондентами с их бескультурным поведением, агрессивностью и конфликтностью, увеличением преступности, неуважением российских культурных ценностей, недостаточной интеграцией в принимающее общество. Помимо этого, в ответах на открытые вопросы фигурировали такие варианты ответов, как конкуренция с местными жителями и дестабилизация рынка труда, навязывание мигрантами собственных ценностей, образование диаспор, отток денежных средств, низкий уровень бытовой культуры, непрофессионализм, рост нагрузки на социальную инфраструктуру и незнание языка.

В целом три основных негативных последствия иммиграции с точки зрения респондентов – это «преступность (в том числе экстремизм), коррупция» (21 % ответов), «агрессивное, бескультурное поведение, конфликтность» (14 %), «неуважение российской культуры» (11 %), а три ее позитивных аспекта связаны с тем, что мигранты «работают, осуществляют трудовую деятельность» (18 %), «работают»

ют там, где отказывается местное население» (15 %), «являются дешевой рабочей силой» (14 %). При этом вред от миграции, судя по числу негативных и позитивных оценок, несколько превышает пользу от нее.

Вероятность конфликтов с участием мигрантов

Приток мигрантов из Средней Азии вызывает у населения тревогу. На вопрос о беспокойстве, недовольстве или страхе по поводу присутствия мигрантов из других стран более трети опрошенных (41,5 %) ответили утвердительно при том, что такая же их часть (43,1 %) беспокойства не испытывает (рис. 11). Если в качестве порога высокого уровня социальной тревожности в связи с присутствием мигрантов рассматривать 50 %, то ее текущий уровень в регионе можно оценить как средний.

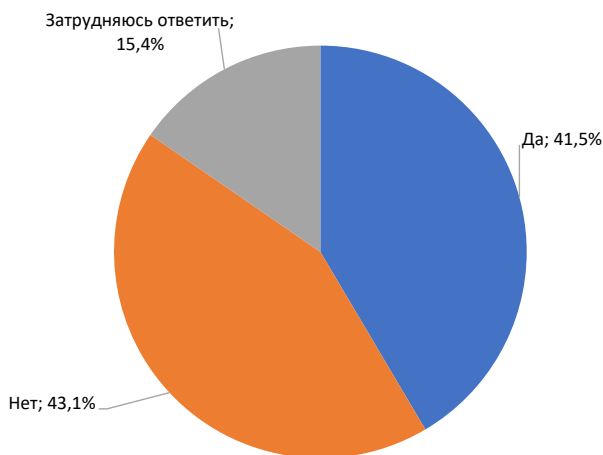

Рисунок 11. Вы испытываете беспокойство, недовольство, страх по поводу присутствия мигрантов из других стран в Вашем регионе?

На вопрос о вероятности возникновения этнических конфликтов в регионе утвердительно ответили более половины опрошенных (52,7 %), тогда как маловероятными их посчитали чуть более трети (38,1 %) (рис. 12). Высокая вероятность конфликтов, которая следует из ответов респондентов, коррелирует с результатами исследований ИРСИ, в соответствии с которым их считают вероятными около трети населения Ярославской области [19]. Причем опрос ИРСИ был проведен задолго до теракта в «Крокус Сити Холле» (22.03.2024), заметно ухудшившего восприятие среднеазиатской иммиграции в России.

Рисунок 12. Насколько вероятно, по Вашему мнению, возникновение этнических конфликтов в Вашем регионе?

Высокая вероятность конфликтов, свидетелями или участниками которых становились более трети опрошенных [рис. 13], выглядит достаточно неожиданной в связи с тем, что значительных по масштабу столкновений на национальной почве, подобных беспорядкам в московском районе Западные Бирюлево в октябре 2013 г., в области не зафиксировано.

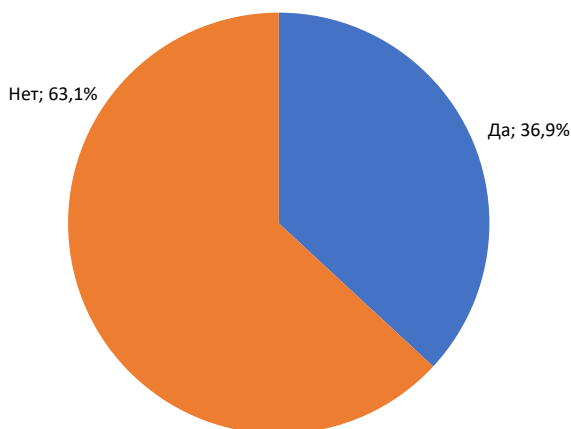

Рисунок 13. Становились ли Вы свидетелем или участником этнических конфликтов в Вашем регионе?

В целом же итоги опроса подтверждают существование значительного конфликтогенного потенциала миграции из Средней Азии, о наличии которого свидетельствует преобладание мнений о том, что мигрантов в России и месте проживания респондентов слишком много, межнациональные отношения за последние годы заметно ухудшились, а власти должны придерживаться ограничительной миграционной политики. Из-за высокой социальной дистанции с выходцами из Средней Азии их появление в регионе воспринимается населением негативно, хотя плюсы и минусы трудовой иммиграции уравнивают друг друга с некоторым перевесом в пользу последних. Главным же показателем конфликтогенного потенциала иммиграции является высокая вероятность этнических конфликтов и заметный процент тех, кто был их свидетелем или участником.

Заключение

Внешне миграционная ситуация, складывающаяся в Ярославской области на протяжении 2017–2023 гг., особых поводов для тревоги не внушает. Пиковый приток мигрантов в 2019 и 2022 гг. сменился последующим спадом, а по уровню миграционной нагрузки область занимает средние позиции среди других регионов России, далекие пока от барьера миграционного кризиса. В то же время некоторые тенденции создают предпосылки для обострения миграционной ситуации. К ним относится прежде всего постоянно нарастающее вплоть до 2022 г. число случаев предоставления российского гражданства. За рассматриваемый период в области было выдано порядка 19,6 тыс. российских паспортов, что создает предпосылки для долгосрочной иммиграции из азиатских стран СНГ.

Несмотря на внешне спокойное состояние межнациональных отношений, фиксируемое общероссийскими и региональными опросами, среднеазиатская иммиграция создает в российском обществе внутреннее напряжение. Высокая этносоциальная дистанция среднеазиатских народов с населением региона в сочетании со значительным притоком мигрантов создает ощущение чрезмерности их присутствия. Вероятность того, что рядом поселятся мигранты из Средней Азии, воспринимается населением негативно или же безразлично при том, что большая часть респондентов опыта реального взаимодействия с ними пока еще не имеет, – близкие знакомые и друзья из числа мигрантов есть лишь у каждого пятого из них.

Все это говорит о наличии в регионе конфликтогенного потенциала иммиграции, уровень которого можно оценить как средний: четверо из десяти опрошенных испытывают тревогу, недовольство или страх в связи с присутствием мигрантов в их регионе, а более половины считают в той или иной мере вероятным возникновение этнических конфликтов. Причем более трети опрошенных уже становились свидетелями или же участниками таких конфликтов. С этими данными коррелируют и оценки состояния межнациональных отношений, которые, по мнению двух третей респондентов, за последнее время стали более напряженными. На формирование конфликтогенного потенциала миграции, безусловно, повлиял теракт в «Крокус Сити Холле», но для его возникновения были и объективные причины, поскольку высокая социальная дистанция с выходцами из Средней Азии фиксировалась общероссийскими опросами и ранее.

Существование конфликтного потенциала иммиграции требует мероприятий двоякого рода: постоянного отслеживание миграционной и тесно связанной с ней этносоциальной ситуации в области, с одной стороны, и плотного контроля за им-

миграцией из азиатских стран СНГ – с другой. Причем контролироваться должны не только временные, трудовые, но и постоянные, долгосрочные миграции, связанные с получением документов на длительное проживание и особенно – российского гражданства. По опыту регионов, уже столкнувшихся с миграционным кризисом, именно постоянная миграция, создающая нагрузку на социальную инфраструктуру, является его катализатором.

Ссылки

1. Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 4–13.
2. Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1. С. 16–29.
3. Стукалова Д. Н. Управление конфликтогенным потенциалом миграционных потоков как предмет научных исследований // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 283–291.
4. Лубский А. В., Сериков А. В., Стукалова Д. Н. Конфликтогенный потенциал миграционных потоков в контексте обеспечения национальной безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 174–180. DOI 10.23394/2079-1690-2017-1-3-174-180.
5. Манапова В. Э. Миграция как фактор конфликтогенности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1. С. 118–123.
6. Арутюнова Е. М. Адаптация временных трудовых мигрантов из Средней Азии на сельском Юге России // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1. С. 51–70.
7. Винокурова А. В., Ардалянова А. Ю. Этноконфессиональные аспекты социальной адаптации трудовых мигрантов в Приморском крае // Социальные науки. 2017. № 4. С. 172–179.
8. Грунт Е. В. Факторы, влияющие на социокультурную адаптацию мигрантов из Средней Азии в Уральском мегаполисе // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 3. С. 112–123. DOI 10.15688/lp.jvolsu.2019.3.12.
9. Набиулин И. Р. Адаптация трудовых мигрантов мусульманского вероисповедания из Средней Азии в современном российском обществе (на примере Республики Татарстан) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 3. DOI 10.15862/52SCSK322.
10. Смирнова С. В. Особенности адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42. С. 94–100.
11. Полетаев Д. В. Реалии и перспективы адаптации детей-мигрантов из Средней Азии в России // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16, № 4. С. 110–121. DOI 10.17922/2071-3665-2017-16-4-110-121.
12. Гаджимурадова Г. И. Трудовая миграция как фактор религиозной нестабильности в регионах России: угрозы и риски // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т. 3, № 3. С. 17–22. DOI 10.18413/2408-9338-2017-3-3-17-22.
13. Амелин В. В., Шешукова Г. В. Социальный облик мигрантов Центральной Азии: факторы культурной интеграции // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2017. № 3. С. 5–11.

14. Найденко В. Н. Экспертная оценка негативных проявлений, обуславливающих этнонациональные конфликты в современной России // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3. С. 149–164. DOI 10.19181/snsp.2020.8.3.7493.
15. Иммигранты в России: за и против // ВЦИОМ: сетевое издание. 14.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 14.07.2024).
16. Межнациональные отношения и проблема иммиграции // ВЦИОМ: сетевое издание. 18.07.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnyye-otnosheniya-i-problema-immigracii> (дата обращения: 24.07.2024).
17. О трудовых мигрантах // ФОМ: сайт. 12.08.2021. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14614> (дата обращения: 14.07.2024).
18. Межнациональные отношения // ФОМ: сайт. 15.12.2023. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14958> (дата обращения: 24.07.2024).
19. Общественное мнение – 2022. М.: Левада-Центр, 2023 224 с.
20. Уровень ксенофобии и межнациональной напряженности, отношение к приезжим // Левада-Центр. 14.05.2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/05/14/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim/> (дата обращения: 26.07.2024).
21. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за 2017 – первое полугодие 2023 гг. // МВД РФ: Официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracii> (дата обращения: 25.01.2024).
22. Ярославская область. 2023: Стат. сборник / Ярославльстат. Ярославль, 2023. 386 с.
23. Шустов А. В. Контуры миграционного кризиса 2020–2022 гг. в России // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 51–64. DOI 10.31857/S013216250023213-7.
24. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году (Статистический бюллетень). М., 2022 // Росстат: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium> (дата обращения: 20.07.2024).
25. Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в городе Ярославле. Информационно-аналитический отчет по результатам социологического исследования. Ярославль, август 2023 // Институт развития стратегических инициатив: сайт. 25.10.2023. URL: <https://indsi.ru/2023/10/25/sostoyaniye-mezhnacionalnykh-i-mezhkonf-2/> (дата обращения: 08.07.2024).
26. Состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в городе Ярославле. Информационно-аналитический отчет по результатам социологического исследования. Ярославль, октябрь 2019 // Институт развития стратегических инициатив: сайт. 01.10.2019. URL: <https://indsi.ru/2019/10/01/sostoyaniye-mezhnacionalnykh-i-mezhkonf/> (дата обращения: 14.07.2024).

On determining of the protograph features based on the graphic-orthographic systems of manuscripts

A. E. Gavriusheva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-374-383

Research article
Full text in Russian

This article is concerned with the study of medieval manuscripts and the determining of the features of protographs based on the graphic and orthographic systems of their scribal copies. The study involves three manuscripts created in Nuremberg in the 15th century. The texts of the mentioned manuscripts are copies from the first two complete translations of one of the medieval treatises. Based on the study of the graphic and orthographic systems of these texts, as well as some of their morphological features, the author of the article makes an attempt to establish the relationship between the texts under study, as well as to restore some of the features of their protographs. The sources of influence on the formation of the graphic and orthographic portrait of the scribe were identified as a result of the study of the graphic and orthographic features of the texts. Among them the author identifies the written tradition of the scriptorium, features of the local dialect and dialect areas, as well as characteristic features of the protograph. A separate group includes such a source of variability as the individual preferences of the scribe. Analysis of the graphic and orthographic portrait of each of the scribes who participated in the creation of the texts under study allows us to determine the approximate time and place of creation of the protograph, as well as changes characteristic of each stage of conscious processing of the text. As a result of the study, a diagram was drawn up that clearly demonstrates the relationships between the texts under study.

Keywords: manuscript; protograph; graphic and orthographic systems; monastic usus; written language; dialectology

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gavriusheva, Alexandra E. | E-mail: alexandra-gavr@mail.ru

Funding: The government of the Yaroslavl region (project 4-нп/2023).

For citation: Gavriusheva A. E. On determining of the protograph features based on the graphic-orthographic systems of manuscripts // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 374-383. (in Russ.)

Об определении особенностей протографа на основе графико-орфографических систем рукописей

А. Е. Гаврюшева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-374-383
УДК 811.11-112.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Данная статья посвящена исследованию средневековых рукописей и восстановлению особенностей несохранившихся протографов на основании графико-орфографических систем их списков. К исследованию привлекаются три рукописи, созданные в Нюрнберге в XV веке. Тексты упомянутых рукописей представляют собой списки с первых двух полных переводов средневекового трактата. Протографы исследуемых текстов не сохранились. На основании исследования графико-орфографических систем указанных текстов, а также некоторых их морфологических особенностей автор статьи предпринимает попытку установить отношения между исследуемыми текстами, а также восстановить некоторые особенности их протографов. В результате исследования графико-орфографических особенностей текстов были установлены источники влияния на формирование графико-орфографического портрета писца, среди них автор выделяет письменную традицию скриптория, особенности местного диалекта и диалектных ареалов, а также особенности, характерные для протографа. В отдельную группу выделяется такой источник вариативности, как индивидуальные предпочтения переписчиков. Анализ графико-орфографического портрета каждого из писцов, участвовавших в создании исследуемых текстов, позволяет определить приблизительное время и место создания протографа, а также изменения, характерные для каждого этапа сознательной переработки текста. В результате исследования составлена схема, наглядно демонстрирующая отношения между исследуемыми текстами.

Ключевые слова: рукописи; протограф; графико-орфографические системы; монастырский узус; письменный язык; диалектология

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврюшева, Александра Евгеньевна | E-mail: alexandra-gavr@mail.ru
Старший преподаватель Института иностранных языков

Финансирование: Правительство Ярославской области (проект № 4-нп/2023).

Для цитирования: Гаврюшева А. Е. Об определении особенностей протографа на основе графико-орфографических систем рукописей // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 374-383.

Введение

При изучении становления и развития национальных языков письменные источники являются единственным ресурсом, позволяющим исследовать не только особенности письменного языка, но и закономерности развития устного языка и диалектной интерференции изучаемого периода. Особенную ценность для исследователя имеют письменные источники с существенным размером корпуса, обеспечивающим репрезентативность анализа, в частности духовная и богословская литература. В отличие от других авторов, создававших свои тексты в средневековый период, переписчики и писцы монастырских скрипториев обладали более высоким уровнем образованности, ориентировались на более широкую целевую аудиторию и оказывали большее влияние на других авторов [1, с. 256].

Первые богословские тексты на территории Германии составляют на латыни, и только с конца XII – начала XIII века начинается последовательный перевод отдельных глав и целых книг таких трактатов на различные местные диалекты. Однако зачастую до наших дней доходят только списки с первоначальных переводов богословских текстов, при этом переписчики вносят существенные изменения, актуализируя текст для современной им целевой аудитории [2, с. 17]. Особенности несохранившихся протографов таких списков подлежат восстановлению с целью понимания закономерностей функционирования письменного и устного языка того периода, в который он был создан. Кроме того, восстановление черт, характерных для протографа, позволяет восстановить историю его существования на различных этапах его сознательной переработки, а также определить регион его создания [2, с. 25; 3, с. 45].

Важной причиной для восстановления особенностей протографа является также возможность установления прямой связи между различными рукописями и их источником. Изучая протограф, исследователи могут определить, какие изменения были внесены в текст при его копировании, а также выявить ошибки и неточности в копии. Это помогает создать более точные и достоверные текстовые версии исторических документов.

Помимо этого, определение особенностей протографа позволяет проводить сравнительный анализ различных версий текстов и выявлять их сходства и различия. Это важно для понимания эволюции текста и его трансформации в различных временных и культурных контекстах. Такой анализ также способствует выявлению влияния различных авторов и переводчиков на текст и его интерпретацию [4].

Основными задачами анализа графико-звуковой соотнесенности конкретного корпуса обычно является изучение графического инвентаря писца и собственно исследование соответствия созданного им текста современной ему фонетической системе [3, с. 10]. Кроме того, ученые пытаются ответить на вопрос о направлении развития ранненововерхненемецкого языка: происходит ли оно на основе письменных диалектов или же языковое выравнивание основывается на изменениях в устном языке [5, с. 26].

Письменный язык в синхронической перспективе остается актуальным предметом изучения, в последней четверти XX века он обращает на себя внимание Д. Не-

риуса [6], И. Раненфюрер [7] и других ученых. При этом исследуется язык канцелярий [8; 9], деловых текстов [10; 11] и художественной литературы [12].

Особенности устного языка и история их формирования с опорой на письменные источники также обращают на себя внимание ученых второй половины XX века. Так, И. Вайтхазе [13] рассматривает историю устного немецкого языка с опорой на языковые данные, почерпнутые из письменных источников соответствующего периода. О реконструкции отношений между рукописями писал также Г. Пауль [2, с. 26]. Представление текстологических взаимоотношений между списками рукописи в виде стеммы широко распространено и в исследованиях древнерусских текстов (см., например, исследование А. М. Молдована [14]).

В качестве материала исследования были выбраны три рукописи, созданные в Нюрнберге в XV веке. В данных рукописях содержатся тексты, содержащие списки с переводов труда Давида Аугсбургского «De exterioris et interioris compositione hominis». Для удобства в тексте статьи они будут обозначаться в соответствии с местом хранения: бамбергская (*Ba*), нюрнбергская (*Nu*) и берлинская (*Be*). В рукописи *Nu* содержатся три текста, являющиеся списками с упомянутых ранее полных переводов трактата Давида Аугсбургского. Интерес представляют только первый (*Nu1*) и третий (*Nu3*) тексты, поскольку второй текст обладает недостаточным объемом (4 рукописные страницы). Таким образом, к исследованию привлекаются тексты *Nu1*, *Nu3*, *Ba* и *Be*.

На основе ряда особенностей графико-орфографических систем данных текстов была предпринята попытка восстановить отношения между рукописями и определить, какие закономерности характерны для их протографов и какие изменения были внесены переписчиками в ходе актуализации текстов.

Методы

Для изучения графико-орфографических систем данное исследование опирается на систему, разработанную и используемую Г. Коллером [15] и М. Эльменталером [3], а также на классификационную схему. В данном случае эта схема представляет собой фонематическую систему, восстановленную В. Мозером и характерную для изучаемого периода становления немецкого языка [16].

Изменения, внесенные переписчиками при создании списка протографа на уровне графем, форм флексий и частично словарного запаса, отражают особенности регионального языкового варианта [2, с. 25]. В ходе восстановления особенностей протографа нельзя забывать о том, что списки, созданные в более поздние периоды развития немецкого языка, являются нестабильными гетерогенными образованиями, сочетающими в себе особенности, характерные для монастырской письменной традиции, письменного языка и местного диалекта.

Известно, что письменный язык исследуемого периода довольно консервативен и отражает изменения в устной речи с опозданием или вовсе не отображает их, что может привести к серьезным расхождениям между графематической и фонетической системами диалекта [17, с. 157], поэтому фонетическая система данного периода может быть представлена только в реконструированном виде. Однако, несмотря на это, дескриптивный анализ фонологической интерпретации должен ос-

новываться на конкретном письменном материале [5, с. 27]. Для того чтобы понять, какие изменения в фонетике получили отражение на письме, а какие являются орфографическими особенностями, необходимо использовать методы реконструкции фонетических особенностей на основе средневековых источников [19].

Для определения индивидуальной вариативности необходимо изучить факторы, влияющие на выбор графико-орфографических средств и способствующие графической вариативности текстов [20; 21]. В рамках настоящего исследования графико-орфографические системы каждого текста были описаны отдельно, а затем было осуществлено сопоставление выявленных систем между собой и с классификационной схемой. Существенные сходства и различия систем подлежали анализу и интерпретации.

Результаты

В исследуемых рукописях вариативность является следствием влияния сочетания следующих факторов:

- особенности монастырской письменной традиции;
- отсутствие прескриптивной нормы в условиях перехода языка от средне-к ранненововерхнемецкому;
- использование особенностей, характерных для устной речи исследуемого периода;
- особенности письменной традиции восточнофранкских и севернобаварских диалектов.

O Nu1 и Be

Изучение графико-орфографических и лексических особенностей, характерных для переписчицы, составившей *Ba*, позволяет сделать вывод, что *Nu1* и *Be* являются списками с одного перевода, а *Ba* – списком со второго из первых полных переводов трактата. Существенные отличия лексического характера между *Nu1* и *Be* встречаются всего в двух случаях:

Nu1: IN dem slafhusz oder kamer; Be: In dem slaffhaus; Ba: IN dem sloffhaus oder kamer.

Nu1: von der mosz des slofenz; Be: wie ein mensch slaffen scholl; Ba: von der mosz des sloffes.

Однако предложений, фраз и формулировок, в которых прослеживается сходство между *Nu1* и *Be* и отличие от *Ba*, существенно больше. Ниже представлено несколько примеров:

Nu1: solt du still sein; Be: scholt du still sein; Ba: scholt du gerwig sein;

Nu1: das du nymat vnrue machest od[er] hinderst an seinē bete vnd flaffe

Be: das du nyemant vnrwe machest Oder hinderst an seinem gebete vnd slaffe

Ba: das nyemant durch dich vngerwig werde Er sloff oder wach

Nu1: Vnd als du erwachest solt du allweg gedenck[e]n gots mit danckperkeyt

Be: vnd als du erwachest so scholtu alwegen gedencken gocz mit danckberkait

Ba: Als offt du erwachest So schol dir zu hant entgegen das gedechtnufz gots mit danckwurcku[n]g

Nu1: so wir dein slaff susz vnd semste vnd dy trewum wird[e]n lauter vnd rein

Be: so wir dein slaff susz vnd senfte vnd die trewm werden lauter vnd rein

Ba: So wirt dir der sloff auch dester suszer vnd wirst dester reiner trewm haben

При сравнении графико-орфографических систем *Be* и *Nu1* были выявлены следующие отличия:

- разные аллографы для передачи целого ряда согласных;
- большое количество сокращений в *Nu1*;
- разные способы передачи дифтонгизации;
- разный набор аллографов для обозначения /u/ и /i/ на письме (*wi*, *wy*);
- несовпадения в применении ряда диграфов;
- разный набор аллографов для передачи умлаута (*veb[er]*, *vber*).

Однако большая часть отличий является исключительно графическими предпочтениями переписчиков.

К сходствам же между графико-орфографическими портретами переписчиков относится целый ряд средневерхненемецких особенностей: от гомогенности графико-орфографических систем, сохранения или нейтрализации оппозиций в разных позициях в слове до использования средневерхненемецких монофтонгов и средневерхненемецких форм стяженных и атематических глаголов. К диалектным чертам относится нейтрализация целого ряда оппозиций, характерных для севернобаварских говоров (/pf/ ~ /f/ и /f/ ~ /pf/), восточнофранкского диалекта (/u/ ~ /o/) и нюрнбергского письменного языка (/g/ ~ /ch/). Использование умлаутированных дифтонгов в преконсонантной позиции, использование целого ряда аллографов для обозначения звонких согласных и лабиализация в большинстве позиций позволяют определить себя как особенности, характерные для средне немецких диалектов.

Следовательно, протографом для *Be* и *Nu1* являлся текст, созданный, вероятно, в средне немецком ареале в XIII–XIV вв. В исходной рукописи, по всей видимости, не наблюдалась гетерогенность, свойственная письменным источникам ранне-нововерхненемецкого периода. Набор общих особенностей для *Nu1* и *Be* позволяет сделать вывод, что протограф был создан в средневерхненемецкий период развития языка в средне немецком диалектном ареале.

Севернобаварские и восточнофранкские особенности, черты нюрнбергского письменного языка и ранне-нововерхненемецкие особенности также представлены в обоих текстах, однако в каждом из них имеется индивидуальный набор этих особенностей, их распределение также отличается, что позволяет предположить, что они свидетельствуют о предпочтениях каждого из переписчиков. Следовательно, *Be* и *Nu1* представляют собой независимые списки с одного протографа.

Представленность особенностей средневерхненемецкого периода в *Ve* более существенная, чем в остальных исследуемых текстах, и может свидетельствовать о влиянии графико-фонетического портрета составителя протографа. Версия о том, что использование средневерхненемецких особенностей свидетельствует об индивидуальных предпочтениях переписчика, не находит подтверждения в связи с заинтересованностью писцов в использовании современных им языковых элементов. Однако слабая представленность ранненововерхненемецких элементов может свидетельствовать о том, что рукопись *Ve* была создана раньше других текстов, подлежащих анализу, самое позднее – во второй четверти XV в. Именно в этот период явления, характерные для устной речи ранненововерхненемецкого периода, впервые находят отражение на письме.

O Va u Nu3

В результате сравнения графико-орфографических систем *Va* и *Nu3* был выявлен ряд ранненововерхненемецких черт: от использования геминат в конце слова до последовательной передачи дифтонгов и умлаута.

Особенности, характерные для южных и юго-западных диалектов, могут быть обусловлены происхождением составителя протографа и его предпочтениями при выборе тенденций, подлежащих передаче в тексте.

Среди отличий *Nu3* от *Va* можно выделить следующие:

- разные способы обозначения умлаута и дифтонгов;
- наличие или отсутствие эпентезы;
- разное обозначение проклитиков (*das* ~ *dz*).

При этом к существенным отличиям относятся сохранение или нейтрализация ряда оппозиций в определенных позициях (/a/ ~ /o/; /b/ ~ /w/; /u/ ~ /o/). Прочие отличия могут представлять собой актуализацию текста протографа при его переписывании. При этом парадигмы стяженных и атематических глаголов и большинство графико-фонетических черт изменениям не подвергаются.

Ниже представлен фрагмент *Va* и *Nu3*, позволяющий отметить отличия их лексической и графико-орфографической систем:

Nu3: wie der necht sey zu liebē

Die lieb des nechtē wechst ausz d[er] lieb gotes wan vb gotes willē vn in got vn noch got ist d[er] nechst zu liebē vb gotes willē wan er hat es gepoten Johannis am funffte

Va: wie der nechst sey zu libē

Dje lieb des nechsten wechst ausz der lib gottes wann vmb gottes willen vnd in got vnd noch got ist der nechst zu liben vmb gottes willen wann er hat es gepoten Johannis am funften

В некоторых случаях текст *Nu3* дополняется словом, словосочетанием или предложением. Например:

Nu3: Es ist zu merckē daz funfferley lieb ist Es ist ein fleischliche lieb vnd ist ein lieb d[er] gutikeit vnd ein naturliche lieb vnd ein geselliche lieb vn ein gaistliche liebe

На полях: *mir furē also ward auch sant paulus getwungē*

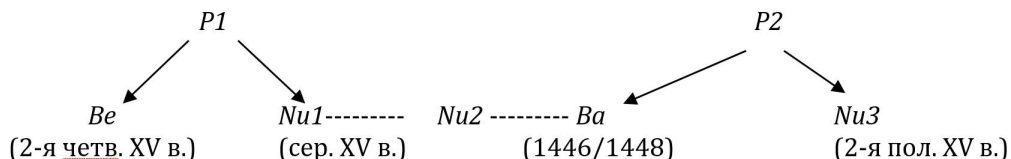
Ba: ES ist zu mercken das fuenfferley lieb ist Es ist ein flaischliche lieb vnd ist ein lieb der gutigkeit vnd ein naturliche lieb vnd ein geselliche lieb vnd ein gaistliche lieb

Некоторые повторяющиеся структуры, фразы и словосочетания могут являться результатом использования переписчиками языковых формул [22], свойственных письменной традиции скриптория в исследуемый период.

Согласно палеографическому исследованию К. Г. Пфендтнера¹, рукопись *Ba* можно датировать 1446 либо 1448 г. Список *Nu3* составлен позже, вероятно, во второй половине XV в., что объясняет отличия между текстами, в особенности ряд ранненововерхненемецких элементов, встречающихся в *Nu3*, но отсутствующих в *Ba*, а также исправления и изменения текста, характерные для *Nu3*.

Обсуждение

На основании проведенного исследования был сделан вывод, что отношения между исследуемыми рукописями могут быть представлены следующим образом:

При этом *P1* является переводом трактата Давида Аугсбургского, послужившим общим протографом для рукописей *Nu1* и *Ve*. Предположительно, *P1* был создан в средненемецком языковом ареале в средневерхненемецкий период. Рукописи *Ve* и *Nu1* представляют собой разные списки с одного протографа и частично сохраняют его особенности. При этом переписчики при составлении текстов добавляют специфические черты, характерные только для их графика-фонетического портрета. Рукопись *Ve*, предположительно, была составлена во второй четверти XV века или немного ранее. Определить точное время создания рукописи *Nu1* только по графика-орфографическим особенностям включенных в нее текстов представляется невозможным, однако можно предположить, что она была составлена в первой половине – середине XV века.

P2 является другим переводом трактата Давида Аугсбургского, послужившим протографом для *Ba* и *Nu3*. Согласно К. Г. Пфендтнеру, рукопись *Ba* можно датировать 1446–1448 гг. Судя по графика-орфографической системе *Nu3*, данный список был создан позже, на это указывают ранненововерхненемецкие особенно-

¹ См. обработку данных, осуществленных К.-Г. Пфендтнером и У. Карваля (<http://www.manuscripta-mediaevalia.de/#|21>).

сти, используемые переписчиком и не представленные в *Va*. Рукописи *Va* и *Nu3*, вероятно, были разными этапами сознательной переработки текста. При этом на каждом этапе обнаруживаются как графико-орфографические особенности, очевидно, принадлежавшие протографу, созданному в XIV в., так и их замены, отражающие развитие графико-орфографических и морфологических средств языка. Все части рукописи *Nu* можно считать относительно одновременными списками с разных протографов.

Для дальнейшей работы над восстановлением особенностей протографов необходимо привлечение других списков с упомянутых выше переводов. Несмотря на то, что их объем существенно меньше, анализ их графико-орфографических систем может дать ценную информацию о переработке и актуализации средневекового текста при создании нового списка.

Ссылки

1. Willing A. Die Bibliothek des Klosters St. Katharina zu Nürnberg. Synoptische Darstellung der Bücherverzeichnisse. 2 Bde. Berlin: Akademie Verlag, 2012. 1517 s.
2. Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. 20. Aufl. von Hugo Moser und Ingeborg Schröbler. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1969. 502 s.
3. Elmentaler M. Struktur und Wandel vormoderner Schreibsprachen. Berlin – New York: De Gruyter, 2003. 164 s.
4. Moser H. Deutsche Sprachgeschichte. Mit einer Einführung in die Fragen der Sprachbetrachtung. Tübingen: Schwab, 1969. 231 s.
5. Glaser E. Graphische Studien zum Schreibsprachwandel vom 13. bis 16. Jahrhundert. Heidelberg: Winter, 1985. 520 s.
6. Neriус D. Deutsche Orthographie. Leipzig: Olms, 1989. 484 s.
7. Rahmenführer I. Zu den Prinzipien der Schreibung des Deutschen // Theoretische Probleme der deutschen Orthographie / Hrsg. von Neriус, Scharnhorst. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. S. 231–259.
8. Otto E. Die Sprache der Zeitzer Kanzleien im 16. Jahrhundert. Untersuchungen zum Vokalismus und Konsonantismus. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. 354 s.
9. Kettmann G. Die kursächsische Kanzleisprache zwischen 1486 und 1546. Studien zum Aufbau und zur Entwicklung. 2. Aufl. Berlin: Akademie-Verlag, 1969. 309 s.
10. Suchsland P. Deutsche Volksbücher. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1968. 342 s.
11. Fleischer W. Untersuchungen zur Geschäftssprache des 16. Jahrhunderts in Dresden. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. 534 s.
12. Bentzinger R. Studien zur Erfurter Literatursprache des 15. Jahrhunderts an Hand der Erfurter Historienbibel vom Jahre 1428. Berlin: Akademie-Verlag, 1973. 321 s.
13. Weithase I. Zur Geschichte der gesprochenen deutschen Sprache. Bd. 1 Tübingen: Niemeyer, 1961. 218 s.
14. Молдован А. М. Критерии локализации древнеславянских переводов // Славяноведение. М.: Институт славяноведения РАН, 1994. №2. С. 69–80.

15. Koller G. Der Schreibusus Albrechts Dürers. Graphematische Untersuchungen zum Nürnberger Frühneuhochdeutschen. Wiesbaden: Steiner, 1989. 256 s.
16. Moser V. Frühneuhochdeutsche Grammatik. Bd. I: Lautlehre. 1. Hälfte: Orthographie, Betonung, Stammsilbenvokale. Heidelberg: Winter, 1929. 215 s.
17. Pfanner J. Die deutsche Schreibsprache in Nürnberg von ihrem ersten Auftreten bis zum Ausgang des 14. Jahrhunderts // Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg. Nürnberg: Selbstverlag des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg, 1954. S. 148–207.
18. Vachek J. Zum Problem der geschriebenen Sprache // Grundlage der Sprachkultur / Hrsg. von J. Scharnhorst, E. Ising. Berlin: Akademie-Verlag 1976. Tl.1. S. 240–295.
19. Schmitt L. E. Untersuchungen zu Entstehung und Struktur der Neuhochdeutschen Schriftsprache. Bd. I. Sprachgeschichte des Thüringisch-Obersächsischen im Spätmittelalter. Die Geschäftssprache von 1300-1500. Köln – Graz: Bohlau Verlag, 1966. 686 s.
20. Marwedel G. Untersuchungen zur Phonematik des Vokalsystems Nürnberger Fastnachtspiele. Ein Beitrag zur Frage ihres sprachgeschichtlichen Quellenwerts. 2 Bde. Diss. Hamburg: Universität Hamburg, 1973. 384 s.
21. Penzl H. Zur Entstehung der Frühneuhochdeutschen Diphthongierung // Studien zur deutschen Literatur und Sprache des Mittelalters. Festschrift fuer Hugo Moser zum 65. Geburtstag / Hrsg. von W. Besch, G. Jungbluth, G. Meissburger, E. Nellmann. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1974. S. 345–357.
22. Бондарко Н. А. Анонимная проповедь о воплощении Бога Слова в рукописи Сgm 176 из собрания Баварской государственной библиотеки // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII (чтения памяти проф. И. М. Тронского): Материалы межд. конференции, 3–25 июня 2014 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. С. 52–60.

Metaphor in grammatical works of linguists

E. N. Laguzova¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University Named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-384-391

Research article
Full text in Russian

The object of the research is metaphorical nominations in scientific linguistic discourse. The purpose of the study is to systematically describe the structural and semantic features of metaphors in grammatical works. The identification of expressive linguistic units in scientific texts is important for a comprehensive study of the relationship between rational and emotional in strict speech styles. The appeal to this topic is dictated by the need to find ways to present complex theoretical material in university syntax teaching. The article considers metaphors-words, metaphors-phrases and metaphors-predicative units characterizing transitional phenomena in the grammar of the Russian language. Metaphorical designations in the description of the desemantized verbal components of analytical constructions and verbal connectives are highlighted. Metaphors characterizing other grammatical phenomena are analyzed. The role of verbal metaphors in the description of constitutive features of sentences of different types is established. The features of substantive and adjectival metaphors in grammatical works are noted. It is shown that the expanded metaphors demonstrate the multidimensional nature of syntactic categories. It is concluded that verbal and substantive metaphors convey the desire of linguists to present the grammatical system as dynamic, actively developing. The use of metaphorical names makes it possible to present grammatical theory in a more accessible way, to draw attention to interesting linguistic facts.

Keywords: metaphor; verbal metaphor; substantive metaphor; adjectival metaphor; grammar; transitivity

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Laguzova, Evgenia N.	E-mail: laguzova.e@mail.ru
	ORCID iD: 0000-0001-6284-0951
	D. Sc. (Philology), Professor

For citation: Laguzova E. N. Metaphor in grammatical works of linguists // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 384-391. (in Russ.)

Метафора в грамматических трудах лингвистов

Е. Н. Лагузова¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация,

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-384-391
УДК 81'367.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

Объектом исследования являются метафорические номинации в научном лингвистическом дискурсе. Цель исследования заключается в системном описании структурно-семантических особенностей метафор в грамматических трудах. Выявление экспрессивных единиц в научных текстах представляется важным для всестороннего изучения соотношения рационального и эмоционального в строгих стилях речи. Обращение к тропам в научных работах по грамматике продиктовано необходимостью найти способы изложения сложного теоретического материала в вузовском преподавании синтаксиса. Рассмотрены метафоры-слова, метафоры-словосочетания и метафоры-предикативные единицы, характеризующие переходные явления в грамматике русского языка. Выделены метафорические обозначения в описании десемантизированных глагольных компонентов аналитических конструкций и глагольных связок. Проанализированы метафоры, характеризующие другие грамматические явления. Установлена роль глагольных метафор в описании конститутивных признаков предложений разных типов. Отмечены особенности субстантивных и адъективных метафор в грамматических работах. Показано, что развёрнутые метафоры демонстрируют многоаспектный характер синтаксических конструкций. Сделан вывод о том, что глагольные и субстантивные метафоры передают стремление лингвистов представить грамматическую систему как динамическую, активно развивающуюся. Использование метафорических наименований позволяет изложить грамматическую теорию более доступно, привлечь внимание к интересным языковым фактам.

Ключевые слова: метафора; глагольная метафора; субстантивная метафора; адъективная метафора; грамматика; переходность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лагузова, Евгения Николаевна

E-mail: laguzova.e@mail.ru

ORCID iD: 0000-0001-6284-0951

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка

Для цитирования: Лагузова Е. Н. Метафора в грамматических трудах лингвистов // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 384-391.

Введение

К основным чертам научного стиля относят «отвлечённость, строгую логичность изложения, значительное число специальных терминов и терминологических сочетаний, преобладание сложных предложений с разветвлёнными синтаксическими связями» [1, с. 338].

Лингвисты отмечают, что «экспрессивно-эмоциональные средства языка (в частности, тропы) в научном стиле речи скорее подчинены экспрессии мысли, нежели экспрессии чувства. Экспрессивность здесь «обычно усиливает, оттеняет уже аргументированную логически мысль автора» [2, с. 209].

В лингвистических исследованиях обращено внимание на особенности употребления тропов в научном тексте [См. обзор научных работ в: 3, с. 375–380].

В поле зрения языковедов оказались и тексты учёных-филологов. Так, Н. В. Халикова рассмотрела представление концепта *Грамматика* в когнитивных метафорах пространства и движения с помощью образных парадигм силы, войны, борьбы в работах В. В. Виноградова [4, с. 345–350]. Т. В. Маркелова исследовала соотношение рационального и эмоционального в научной речи П. А. Леканта [5, с. 16–20 и др. раб.]. Установлены особенности использования фразеологизмов в научной речи филологов [6, с. 73–82 и др. раб.].

Рассмотрим некоторые особенности метафорических наименований в научных работах по грамматике.

Методы исследования

В анализе языкового материала использовались метод сплошной выборки, описательный метод, структурно-семантический метод, метод интерпретации исследуемых метафор.

Результаты исследования

Как показали проанализированные тексты, метафора в трудах по грамматике используется для описания языковых явлений переходного типа, не получивших однозначной трактовки в лингвистике.

Характеризуя глаголы в сочетаниях *он пришёл весёлый, он ходит сонный* и др., А. М. Пешковский писал: «Здесь мы имеем один из бесчисленных случаев переходных рубрик в языке, который вообще «не делает скачков». И описывающему остаётся только жертвовать в таких случаях чистотой своих определений и схем ради верности передачи фактов и создавать комбинативные группы и термины» [7, с. 250].

Прежде всего отметим метафорические обозначения, связанные с описанием аналитических конструкций и глагольных связей.

Метафоры в описании ослабленного лексического значения

В характеристике глаголов, утративших конкретное лексическое значение, используются метафоры-слова, метафоры-словосочетания и метафоры-предикативные единицы.

Так, П. А. Лекант назвал глагольный компонент описательного глагольно-именного оборота «*глаголом-призраком*» [8, с. 151]; В. В. Виноградов отметил «*замершее*» лексическое значение [9, с. 450] глагола. Г. О. Винокур назвал сочетания *вести переговоры, принять меры «окаменевшими метафорами*» [10, с. 77]. В русском языке

привычным стало сочетание «*семантически опустошённый*» (глагол); ср. также: *семантическое опустошение* [11, с. 47]. В зарубежной лингвистике ему соответствует термин *sémantiquement vide* [12, с. 9; 13, с. 179; 14, с. 149]. Дамурет и Пишон указали на «угасание» значения глагола – *l'étouffement* [15, с. 957] в аналитических конструкциях.

В характеристике связок А. М. Пешковский выделил *частичное побледнение значения* [7, с. 249].

Словесные прототипы (глаголы *замереть, выветриваться, побледнеть, угасать, опустошить*) связаны с изменением состояния, переходом одного состояния в другое. Ср.: *замереть* – *перен.* 'притупить, перестать ощущаться' [16, с. 542]; *бледнеть* – *перен.* 'терять свою силу, яркость, выразительность' [Там же. С. 9]; *гаснуть* – *перен.* 'постепенно ослабевать или исчезать' [17, с. 130]; *опустошить* – 'лишить ... внутреннего содержания' [Там же. С. 275] *выветриться* – '**исчезнуть** [выделено нами – Е. Л.] под действием свежего воздуха' [Там же. С. 139]. Указанные лексемы и их производные оказываются уместными при описании «дейктических» [Там же. С. 4] глаголов.

Адъективные и субстантивные метафоры актуализируют семантические особенности глагольных связок. Ср.: *Только один глагол быть является идеальной связкой, абсолютно лишённой словарной индивидуальности. Все остальные связки сохраняют крупницы словарных значений* [7, с. 253]. Ср.: *идеальный* 'совершенный, образцовый' [16, с. 63]; *крупница* 'ничтожная доля чего-н.' [18, с. 197].

Метафоры-предикативные единицы передают утрату конкретного лексического значения путём соотношения абстрактной номинации с ситуацией из обычного материального мира, воспринимаемой органами чувств.

Ср.: «... чем отвлечённее вещественное значение, тем труднее заметить его исчезновение (всё равно как уход толстяка заметнее ухода худощавого)» [7, с. 218]. В основе развёрнутой метафоры, заключённой во вставной конструкции, – конкретный зрительный образ, опирающийся на сложившееся в обществе представление о человеке.

Метафоры в описании других языковых явлений

Метафоры используются в описании различных грамматических явлений переходного типа.

Глагольные метафоры

В научных лингвистических работах распространены глагольные метафоры. Метафорические предикаты, называющие в прямом значении действие или состояние лица (*забрести, тянуться, выносить, подключаться* и др.), образно характеризуют конститутивные признаки предложений разных типов.

Так, рассматривая уступительное придаточное в составе сложноподчинённого предложения: *Сколько я ни говорил ему, он не послушался*, А.М. Пешковский замечает: «Отрицание **забрело** сюда, по-видимому, из соседнего предложения, и первоначальным побуждением к этому могло служить желание выразить то п р о т и в о р е ч и е, которое всегда имеется здесь между предложением с НИ и следующим предложением (*я много говорил, а он не послушался...*)» [7, с. 390]. Глагольная метафора позволяет подчеркнуть утвердительный характер придаточного уступительного [ср.: *брести* – 'идти с трудом или тихо'; 19, с. 60].

Характеризуя номинативные предложения (*Море. Тропики. Абсолютный штиль*), А. М. Пешковский отмечает, что существительное в именительном падеже «не только **не тянется** к предикатам, но, напротив, **не выносит** их присутствия» [Там же. С. 173]. Ср.: *тянуться* ‘стремиться, направляться к кому-чему-н. (желаемому хорошему)’ [17, с. 312]; *не выносить кого-чего или что-н.* ‘испытывать сильную неприязнь, отвращение к кому-чему-н.’ [17, с. 313].

Глагольные метафоры актуализируют значимость имени в данном типе одноставных предложений.

Глагол в переносном значении может выделять роль отдельных компонентов в высказывании. Ср.: *Семантика эмоционального отношения «подключается» к высказыванию на правах модусного смысла* [20, с. 202]. Ср.: *подключиться* – ‘включиться дополнительно для каких-н. действий, работы’ [18, с. 221]. В предложении подчёркивается роль вводных компонентов в формировании модальности.

В описании вопросительно-инфинитивных предложений П. А. Лекант обращает внимание на то, что «при указании на первое лицо создаётся такой модальный фон неуверенной предположительности, который как бы заставляет эти предложения «**балансировать**» между реальной модальностью и ирреальной модальностью» [21, с. 109]. Акциональный в прямом значении глагол *балансировать* передаёт сложность интерпретации модальной семантики высказываний.

Указывая на высокую употребительность глагольных предложений в русском языке, П. А. Лекант отмечает, что «именной тип в современном русском языке не только **не подавляется** глагольным, но, напротив, активизируется, развивается, **обогащается**» [20, с. 74]. Подавить – ‘своим преимуществом в чём-л. вызвать в другом ощущение его незначительности, ничтожности’ [22, с. 172]. Обогатиться – ‘пополниться ценными приобретениями; стать богаче, разнообразнее по составу, содержанию и т. п.’ [23, с. 551].

Глагольные метафоры передают стремление лингвистов представить грамматическую систему как динамическую, подверженную изменениям.

В метафорическом высказывании А. М. Пешковского ассоциативная связь изменений в языке со строительством представляет лингвистику как науку развивающуюся. Ср.: «**Но мост** между наукой и школой, давно созданный для других наук веками практики, для языковедения как науки исключительно молодой **только что начал строиться. Вложить свой скромный камень** в эту постройку и было одной из целей автора» [7, с. 8].

Субстантивные метафоры

Субстантивные метафоры включают девербативы, обращающие внимание на сущность грамматического явления.

А. Отглагольные существительные в сжатой форме выражают несогласие с существующими научными интерпретациями той или иной синтаксической формы.

Ср.: *В понимании существа связи инфинитива и формального глагола закрепилось длительное **грамматическое недоразумение**: инфинитив характеризуется как зависимый, примыкающий, а состав сказуемого определяется как «глагольное словосочетание»* (Гр., 1954) [24, с. 5]. Ср.: недоразумение ‘невольная ошибка, недопонимание’ [18, с. 223].

Ср. также: *Есть, однако, магистральная проблема аналитической предикативной формы инфинитива – это проблема **столкновения** и взаимодействия катего-*

риального значения инфинитива [Там же]. Ср.: столкновение – ‘противоречие, конфликт’ [25, с. 27]).

Б. Развёрнутые метафоры, включающие абстрактное имя и глагольное сказуемое, позволяют показать многоаспектный характер синтаксических категорий.

Ср.: «... в употреблении запятой возможен уже прямой **конфликт** между грамматикой и декламацией, и в **конфликте** этом ... грамматика почти всегда **побеждает**» [26, с. 139]. В предложении экспрессивно выражается мысль о противоречии между интонационным и формально-синтаксическим принципами пунктуации.

Ср. также: *Связка быть «обслуживает» грамматическую систему современного русского языка с величайшими **расторопностью** и **всепроникновением** как равноправный **партнёр** глагола* [27, с. 83]. Метафоры подчёркивают важную роль связки *быть* в формировании предикативности предложения. Ср.: расторопность – ‘умение, способность быстро и ловко справляться с каким-н. делом’ [18, с. 259]. Проникнуть – ‘пройти, попасть внутрь чего-л., куда нет свободного, лёгкого доступа; пробраться’ [22, с. 506]. Партнёр – ‘компаньон, товарищ в каком-л. деле, занятии’ [Там же. С. 27].

Рассматривая многоаспектный характер категории синтаксического лица, П. А. Лекант отмечает несправедливое **«отлучение»** её от предикативности... *Вряд ли справедливо «выводить» синтаксическое лицо за пределы структуры предложения – в сферу синтаксической семантики* [20, с. 108]. Ср.: отлучить – ‘изгнать из какой-н. среды; лишить возможности какой-н. деятельности, общения с кем-н.’ [19, с. 591]; вывести – ‘увести откуда-л., удалить за пределы чего-л.’ [16, с. 247].

Адъективные метафоры

А. Адъективные метафоры характеризуют переходные явления в грамматике.

А. М. Пешковский назвал инфинитив **«загадочной»** по своему современному значению категорией глагола» [7, с. 128]. Ср.: *загадочный* – ‘кажущийся необъяснимым; неясный, непонятный, таинственный’ [16, с. 507].

П. А. Лекант рассматривает метафору как **«затаённое сравнение»** [20, с. 206]. Ср.: *затаённый* – ‘сохраняемый в тайне, скрываемый, сдерживаемый’ [16, с. 580].

Б. Адъективные метафоры способны приобретать статус терминов.

Так, среди отрицательных предложений А. М. Пешковский выделяет особую разновидность – **нерешительно-отрицательные** предложения, ср.: *... я давал-не давал золотой перстенёк; Колдун не колдун, а слово знает* [7, с. 390–391].

В. Адъективная метафора имплицитно выражает критическую оценку мнений других лингвистов.

Рассматривая, например, предложения с инфинитивом: *Чичиков ушёл в комнату одеться и умыться; Директор приказал спилить дерево*, П. А. Лекант замечает: «По поводу такого рода случаев употребления инфинитива современные грамматики ограничиваются **меланхолическими** замечаниями о функции второстепенных членов; а) обстоятельства цели, б) дополнения» [24, с. 8]. Подобные предложения признаются структурно осложнёнными, полипропозитивными [Там же].

Обсуждение: выводы и рекомендации

Употребление метафор в трудах лингвистов демонстрирует соединение рационального и эмоционального компонентов в научном тексте. Рациональное связано с изложением теоретических сведений. Рассмотренные метафоры вносят в выска-

зывание эмоционально-экспрессивное значение, отражают особенности языковой личности пишущего.

Метафорическому переосмыслению в лингвистических трудах подвергаются, как правило, наименования действий лиц. Использование глагольных и субстантивных метафор для характеристики переходных явлений позволяет показать динамику грамматической системы.

Метафорические номинации отражают напряжённую мыслительную работу учёного-лингвиста, стремящегося найти точные и яркие обозначения для неоднозначных синтаксических явлений, изложить грамматическую теорию более доступно, привлечь внимание к интересным языковым фактам.

Ссылки

1. Крысин Л. П. Научный стиль // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 338.

2. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.

3. Арутюнова Н. Д. Метафора и научный текст // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 375–380.

4. Халикова Н. В. Метафора борьбы / силы как способ представления образа грамматики в работах В. В. Виноградова // Лекантовские чтения-2021: материалы Международной научной конференции (МГОУ. Москва, 22 ноября 2021 г.) / Отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: ИИУ МГОУ, 2021. С. 345–350.

5. Маркелова Т. В. Рациональное и эмоциональное в лингвистическом учении П. А. Леканта: «Точки сопряжения» // Рациональное и эмоциональное в русском языке-2019. Сб. трудов Междунар. научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта (г. Москва, 19 ноября 2019 г.). М.: ИИУ ИГОУ, 2019. С. 16–20.

6. Шишлова И. Ю. Лексико-грамматические и семантические особенности фразеологизмов в научной речи // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3. С. 73–82. DOI 10.20323/2499_9679_2023_3_34_73.

7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 512 с.

8. Лекант П. А. Развитие форм сказуемого // Мысли о современном русском языке. Сб. статей / Под ред. В. В. Виноградова. М.: Просвещение, 1969. С. 140–154.

9. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 582 с.

10. Винокур Г. О. Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации) // Русская речь. Нов. серия. III. Л., 1928. С. 75–83.

11. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке: учебное пособие. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 132 с.

12. Dictionnaire explicative et combinatoire du français contemporain. Recherches lexicosémantiques I / Igor Melčuk, N. Arbatchewsky – Jumarie, Léo Elnitsky, Lidija Iordanskaja et Adèle Lessard. Montréal: Les Presses de l' Université de Montréal, 1984. 172 p.

13. Tellier Ch. Remarques sur avoir attributif et possessif // Revue québécoise de linguistique. Montréal. 1992. Vol. 22, No. 1. P. 165–181.

14. Tremblay M. Avoir ou être // *Revue québécoise de linguistique*. Montréal. 1992. Vol. 22, No. 1. P. 145–164.
15. Damourette J., Pichon É. *Les mots à la pensée/ Essai de la grammaire française*. Tome troisième. Paris, 1911–1933. 715 p.
16. *Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой*. М.: Рус. яз, 1985–1988. Т. 1. 1985. 696 с.
17. *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой*. Том IV. М.: Азбуковник, 2007. 924 с.
18. *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой*. Том III. М.: Азбуковник, 2003. 630 с.
19. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова*. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.
20. Лекант П. А. *Грамматические категории слова и предложения*. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 215 с.
21. Лекант П. А. *Очерки по грамматике русского языка*. М.: Изд-во МГОУ, 2002. 312 с.
22. *Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой*. М.: Рус. яз. 1985–1988. Т. 3. 1987. 752 с.
23. *Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой*. М.: Рус. яз. 1985–1988. Т. 2. 1986. 736 с.
24. Лекант П. А. Загадочная по своему современному значению категория глагола // *Семантика языковых единиц в разных типах речи: сборник статей по материалам международной научной конференции, посвящённой 1000-летию г. Ярославля*. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. В 2 ч. Ч. 1. С. 3–9.
25. *Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой*. М.: Рус. яз. 1985–1988. Т. 4. 1988. 800 с.
26. Пешковский А.М. *Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания // Мысли о русском слове: Хрестоматия по русскому языку к учебнику для педагогических вузов / Под ред. П. А. Леканта*. М.: Высшая школа, 2004. 224 с.
27. Лекант П. А. *Связка быть в грамматической системе русского языка // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник научных статей*. Вып. 2. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. С. 80–84.

Linguistic projection of ethnostereotyping of advice in languages with different structures

E. V. Maremukova^{1,2}

¹Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russian Federation,

²Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-392-404

Research article
Full text in Russian

The article is a comparative study of linguistic objectification of ethno-stereotypical features associated with the speech act of advice in languages with different structures. In the process of intercultural communication, an important mission is performed by politeness, which contributes to the establishment of friendly and favorable relations between communicants. The speech act of advice as one of the forms of linguistic objectification of the category of politeness is also a condition for maintaining social reciprocity. At the same time, the projection of this phenomenon in language in different cultural spaces varies. In the article based on the material of three differently structured Kabardino-Circassian, Russian and English languages, using a comprehensive research methodology, including general scientific and linguistic methods, such as methods of comparative, component, contextual, etymological analysis, interpretation and generalization, the specifics of the work of national thinking in linguistic actualization of the concept of advice are studied. The analysis of languages with different structures revealed universal and nationally specific features of the Kabardino-Circassian, Russian and English linguocultures, in particular, culturally determined stereotyping associated with the speech act of advice in the framework of ensuring social reciprocity. A comparative study of languages with different structures made it possible to identify the features of each language that could remain undiscovered during the autonomous study of individual languages. The introduction of new language material into scientific use promotes further research in linguoculturology.

Keywords: language; culture; linguoculture; ethnostereotyping; languages with different structures; linguistic objectification; national specifics

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maremukova, Elleonora V. | E-mail: elleonora16@mail.ru
| Cand. Sc. (Philology)

For citation: Maremukova E. V. Linguistic projection of ethnostereotyping of advice in languages with different structures // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 3. P. 392-404. (in Russ.)

Языковая проекция этностереотипизации советования в разноструктурных языках

Э. В. Маремукова^{1,2}

¹Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики, Нальчик, Российская Федерация,
²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-492-404
УДК 81'2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья представляет собой компаративное исследование лингвистической объективации этностереотипных особенностей, связанных с речевым актом советования в языках с различной структурой. В процессе межкультурного общения важную миссию выполняет вежливость, способствующая установлению дружеских и благоприятных отношений между коммуникантами. Речевой акт советования как одна из форм лингвистической объективации категории вежливости выступает также условием поддержания социальной взаимности. При этом проекция этого феномена в языке в различных культурных пространствах варьируется. В статье на материале трёх разноструктурных языков (кабардино-черкесского, русского и английского) с применением комплексной методики исследования, включающей общенаучные и собственно лингвистические методы, такие как методы сопоставительного, компонентного, контекстуального, этимологического анализа, интерпретации и обобщения, исследована специфика работы национального мышления при лингвистической актуализации понятия советования. Проведённый анализ разноструктурных языков выявил универсальные и национально-специфичные черты кабардино-черкесской, русской и английской лингвокультур, в частности, культурно обусловленную стереотипизацию, сопряжённую с речевым актом советования в рамках обеспечения социальной взаимности. Сопоставительное исследование разноструктурных языков позволило выявить особенности каждого языка, которые могли остаться нераскрытыми при автономном изучении отдельных языков. Введение в научный оборот нового языкового материала содействует дальнейшим исследованиям в лингвокультурологии.

Ключевые слова: язык; культура; лингвокультура; этностереотипизация; разноструктурные языки; языковая объективация; национальная специфика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маремукова, Эллеонора Владимировна	E-mail: elleonora16@mail.ru Кандидат филологических наук, главный специалист-эксперт
------------------------------------	--

Для цитирования: Маремукова Э. В. Языковая проекция этностереотипизации советования в разноструктурных языках // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 3. С. 492-404.

Введение

Глобализация различных сфер жизнедеятельности и ее последствия, с одной стороны, предопределяют необходимость обеспечения эффективной межкультурной коммуникации, с другой – обостряют вопрос сохранения самобытности и многообразия языков и культур в мире. Для выстраивания успешного межнационального диалога необходимо понимание мировоззрения, национального характера и менталитета представителей иной культуры.

В свете антропоцентризма современного языкознания одним из наиболее важных и в то же время сложных вопросов являются отношения между языком, культурой и мышлением. Положение о наличии корреляции между языком и культурой восходит к взглядам немецкого дипломата и лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта об уникальном мировидении носителей каждого языка. Он утверждал о том, что многообразие языков – это не разнообразие знаков и звуков, а взглядов на мир и что язык является тканью мысли, а мысли человека возникают в результате внутреннего диалога человека на родном языке [1].

Лингвистический детерминизм связан с гипотезой Сепира-Уорфа, в соответствии с которой мысли и действия человека определяются его языком [2; 3]. Взаимосвязь культуры, языка и мышления стала одной из важнейших тем для желающих понять природу человеческого познания [4]. Этот вопрос исследовался на протяжении десятилетий в широком спектре научных дисциплин. Термин «лингвокультурология» был использован одним из основателей области когнитивной лингвистики Р. Лангакером в своём заявлении, в котором он указал на взаимосвязь между культурными знаниями и грамматикой [5, с. 31]. Лингвокультурологическая парадигма интегрирует достижения как смежных лингвистических, так и комплекса других гуманитарных наук.

Интерпретация взаимоотношений между языком и культурой осложняется их динамичностью. Отмечая невозможность определения первичности в отношении языка и культуры, исследователи сходятся во мнении, что исчезновение языка является губительным как для народа, так и его культуры. Проблемам взаимосвязи языка и культуры посвящены работы В. И. Карасика [6], Ю. С. Степанова [7; 8], Н. Д. Арутюновой [9], А. Вежбицкой [10; 11; 12; 13; 14], С. Г. Тер-Минасовой [15] и других исследователей.

Культурная коннотация отличается прецедентностью и стереотипностью. В результате взаимодействия культуры и языка культурные смыслы, порождающие актуальные для человека представления, образы, символы и другие проявления этнокультурных стереотипов, обретают языковое воплощение [16]. Слово вырастает из действия и несет в себе потенциальную модель культурной деятельности. Культурно-маркированные слова помогают задать систему координат, в которой живут люди, формируют картину мира, фундаментальный элемент этнической культуры [17, с. 221]. Последовательность языковой семантики является отражением системности самой культуры, структуры картины мира, в рамках которой формируются этнолингвистические стереотипы. Свою настоящую жизнь культура обретает в языке как одной из важнейших систем своего семиотического воплощения [18].

Одну из ключевых ролей в обеспечении эффективного межкультурного общения выполняет вежливость как национально-специфическая категория, детерминирующая преодоление возможных коммуникативных неудач. Изучение стратегий вежливости в кросскультурной коммуникации позволяет выявить механизм человеческих взаимоотношений [19]. Речевой акт советования, выступая одним из маркеров соци-

альной взаимности, демонстрирует разную степень выражения контакта и дистанции в разноструктурных кабардино-черкесском, русском и английском языках.

Методы

Необходимость установления взаимосвязи языка и культуры с учетом их изоморфизма, изучения механизма языковой объективации этнокультурной информации определила применение комплексной методики исследования, включающей общенаучные и собственно лингвистические методы, такие как методы компаративного, интерпретативного, этимологического, концептуального и компонентного анализа. Привлечение богатого исследовательского материала (как устных, так и письменных источников, включая разговорную речь, данные паремиологического фонда сравниваемых языков, лексикографические издания и интернет-ресурсы), а также опора на научные труды отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой проблематике способствуют достоверности результатов исследования и обоснованности выводов. Введение в научный оборот нового языкового материала содействует дальнейшим исследованиям в лингвокультурологии, поскольку, как отмечено многими исследователями, ни одна лингвокультура не способна дать исчерпывающей информации.

Результаты

В русском языке под *советом* понимается наставление, указание, предложение, как поступить; совместное обсуждение каких-либо вопросов; совещание; распорядительный или совещательный орган при каком-либо учреждении, организации, обществе; название некоторых органов государственного управления, состоящих из выборных или назначенных лиц и имеющих руководящее значение в жизни государства или какой-либо его отрасли; дружные, согласные отношения между кем-либо [20]. В английском языке *advice* (совет) имеет значение «suggestions about what someone should do or how they should do something» (предложения о том, что кто-либо должен делать или как ему следует что-либо сделать) [21]. Используемое в кабардино-черкесском языке слово *чэнджэщ* (совет) имеет тюркское происхождение: зыгуэрым чэнджэщ етын (давать совет кому-либо) [22, с. 559]. Советом называют предложенный кем-либо кому-либо способ решения какой-либо проблемы. Это речевой акт, содержание которого является побуждением адресата к выполнению действия, выгодного для него с точки зрения говорящего. Его прагматическими параметрами являются бенефактивность, опциональность и отсутствие обязательности [19].

Интерес представляет коннотация слова *совет* в русской лингвокультуре, включающая, помимо основного значения «наставление, рекомендация», также и компонент «совещательный орган (группа лиц)», передающий соборность и совместность действия, в то время как в английском и кабардино-черкесском языках эквивалентами выступают другие термины: в английском языке *Council* («a group of people who are elected or chosen to give advice or make decisions» с доминирующим значением «группа лиц – группа людей, которые избираются или выбираются для того, чтобы давать советы или принимать решения»), в кабардино-черкесском языке – *Хасэ* (с основным значением «думать» (от корневой морфемы «-с-»: *зупсысэн* – думать, «хэ-» – показатель множественного числа – думать вместе).

В русском языке культурно значимым компонентом советования выступает соборность, коллективность, что отражается также в использовании слов *совещание, собрание*. Если в английском языке в рассматриваемом контексте лингвистически фиксируется необходимость встречи группы лиц для принятия решения – *Council meeting*

(*meeting* – встреча), то в русском языке – необходимость проведения дискуссии в течение длительного времени в сидячем положении – *заседание Совета*, в кабардино-черкесском языке – *хэсэн* – совещаться [22, с. 486] – совместный процесс принятия решений с присутствием самых достойных и уважаемых членов общества. Культурная сигнификативность совета и соответствующие высокие требования к наставлениям и рекомендациям зафиксированы и в адыгском фольклоре: условиями вступления в «Хасэ» выступали знания и жизненный опыт кандидатов, которые преимущественно обретаются с возрастом, за редким исключением мудрых независимо от возраста людей, примером которого является образ Сосруко из эпоса адыгов «Нарты» (Сосрыкьюэ Нарт Хасэм зрыхыхьар – Как Сосруко вступил в нартское «Хасэ») [23].

Этнограф и лексикограф Владимир Даль [24] отмечал, что раньше слово *совет* являлось синонимом таких понятий как «лад», «дружба», «согласие»: «Совет да любовь, на этом свет стоит», «Где совет, там и свет». Совет встраивается в коммуникативную модель, где основой семейного благополучия является умение договариваться. Подобную коннотацию имеют идиоматические выражения «Одна голова хорошо, а две лучше», «Всякий совет к разуму хорош», «Людей не слушать – в добро не жить» и другие.

Исследователями отмечено различное отношение к совету в английском и русском языках, в частности нежелательность и пренебрежительность к совету в английской лингвокультуре и диаметрально противоположное ожидаемо-приветствуемое положительное отношение в русской, что обусловлено индивидуалистской направленностью английского общества и коллективизмом русского. Кабардино-черкесская культура транслирует черты высококонтекстуальной культуры, в которой авторитет и мнение других, в особенности старших, глубоко почитается, чем объясняется важная роль наставлений и рекомендаций в жизни адыгского общества: *Узэчэнджэщын уимылэмэ, уи пылэр гьэтлгылыи ечэнджэщ* (Если тебе не с кем посоветоваться, положи свою шапку и посоветуйся с ней).

В английской лингвокультуре используется выражение *polite advice* (вежливый совет), в то время как в русском и кабардино-черкесском языках подобная интенция советования отсутствует. В этой связи можно предположить, что советование в русском и кабардино-черкесском языках в большей степени воспринимается как вежливое рекомендательное высказывание и в соответствии с особенностями национальной культуры получает положительный эффект и благодарность получателя. Таким образом, несмотря на стереотипную вежливость англичан, возможная невежливая коннотация советования в английской лингвокультуре, связанная со стремлением сохранить личную автономию (*privacy*), детерминирует наименьшую распространенность в ней советования по сравнению с русской и кабардино-черкесской. Советование демонстрирует важность сохранения дистанции в англоязычной культуре и приемлемость контакта и солидарности в русском и кабардино-черкесском общении.

Несмотря на то, что совет в большей степени направлен на интересы адресата, в англоязычной культуре в целом его можно расценивать как нарушение независимости и личной автономии собеседника, навязывание воли говорящего [25, с. 432]. Наиболее «опасным» в этом отношении является непрошенный совет, который дается говорящим по собственной инициативе, без какой-либо просьбы со стороны слушателя. Английские пословицы гласят: «Give not counsel or salt till you are asked» (Не давай совета и не передавай соль (за столом), пока тебя не попросят), «Save your breath» (Не утруждай себя – Не говори лишнего – Не говори того, что не будет иметь положительного эффекта – не давай совета).

В речевом акте советования идиоматические выражения занимают важное место. Использование идиом избавляет от неловкости приказа и смягчает форму наставления. Грамматические структуры паремиологических выражений передают коннотации наставления и совета императивными конструкциями, а также имплицитными формами. Так, советование в трех сравниваемых языках транслируется формой глагола в повелительном наклонении: *He хвались серебром, хвались добром; He пугай сокола вороной; He осуждай, да не осужден будешь; He считай утят, пока они не вылупились; Don't count your chickens before they hatch* (Не считай цыплят до того, как они вылупятся); *Don't sell the bear's skin before you've caught it* (Не продавай медвежьей шкуры, не поймай медведя); *Paddle your own canoe* (На ветер надеяться – без помолу быть – Уи щхэь и унафэ щӀыж – Уи щхэь Іуэху уэ езым зехуэж); *Don't cross the bridge until you come to it* (Не переходите мост, пока не доберетесь до него); *Don't put all your eggs in one basket* (Не клади все яйца в одну корзину – Не ставь все на одну карту – Будь осторожен); *Don't make a mountain out of an anthill* (Не делай гору из муравейника – Не делай из мухи слона); *Look before you leap* (Посмотри, прежде чем прыгать – Не зная броду, не суйся в воду.); *Семь раз отмерь, один раз отрежь, Гупсыси псалгэ, зыплгыхь, тӀыс* (Подумай прежде, чем сказать, осмотришься прежде, чем сесть); *Хвались урожаем, когда рожь в засеку посыплешь; He верь чужим речам, верь своим очам* (Будь осторожен); *Будь малым доволен – больше получишь; Мыхъуну Іуэхум зумыггэлалэ* (Не теряй силы на то, из чего все равно толку не будет); *Бийр кыпщытхъурей хъумэ, умыбэлэрыгъ* (Если противник стал тебя похваливать, будь настороже); *Имыгъуэу уи джатэ кыурых, кыпхамэ, лыггэншэу цумылъхъэж* (Не к месту меч не обнажай, а обнаживши, не проявив мужества, не убирай); *Куэдци, жыпӀэу, ущымышынэ, мащӀэц, жыпӀэу, утемыгушхуэ* (Не страшись (врагов) только потому, что их много, не решайся напасть только потому, что их мало); *Бзаджэм кыпэкӀухъ* (Лукавого (хитрого) обходи стороной); *Птам ущӀэмьфыгъуэж* (О подаренном не сожалей); *ПфӀэкӀуэдам щхъэкӀи умыгъ, къэбгъуэтам щхъэкӀи умыгуфӀэ* (По утерянному не горюй, найденному не радуйся); *Жьым щытхъуи щӀэр къащтэ* (Старое похвали и новое бери); *Гъэмахуэм Іэжэь щӀы, щӀымахуэм гу щӀы* (Летом делай сани, зимой делай телегу – Готовь сани летом, а телегу зимой); *ГъущӀыр плӀа щӀыкӀэ, еуэ* (Бей, пока железо горячо – Куй железо, пока горячо – Strike while the iron is hot); *Work smart, not hard* (Работай головой, а не руками – Работай с умом, а не с усердием).

Имплицитная форма совета в паремиологических выражениях в русском и кабардино-черкесском языках заключена в форме второго лица единственного числа, придающей адресность и конкретность повелительному высказыванию, в то время как в английском языке чаще имеет безличную форму: *Говоря про чужих, услышишь и про своих; На чужую работу глядя, сыт не будешь; Руки не протянешь, так и с полки не достанешь; Скажешь – не воротишь, напишешь – не сотрешь, отрубишь – не приставишь; Нэхъыжьбыр бггэлӀапӀэмэ, уи щхъэр лӀапӀэ хъунц* (В значении «Будешь старшего почитать, сам почитаемым будешь – Почитай старших»); *It is too late to lock the stable when the horse has been stolen* (Поздно запираешь конюшню, когда лошадь уже украли – в значении «Делай всё вовремя»); *Better be alone than in bad company* (Лучше быть одиноким/ой, чем в плохой компании – в значении «Выбирай людей тщательно»); *Practice makes perfect* (Практика приводит к совершенству – в значении «Практикуйся»).

Скрытая форма наставлений в русской и кабардино-черкесской лингвокультурах часто передается и формой третьего лица множественного числа (они, ахэр/абыхэм), что можно объяснить преобладанием коллективистских характеристик и ролью сплоченности и кооперации в русской и адыгской культурах по сравнению с индивидуализмом и почитанием частной автономии в английской культуре: *Встречают*

(они, большинство – т. е. так принято) по *одежке, провожают* (они, большинство – т. е. так принято) *по уму*; *Огонь маслом не тушат* (они, большинство – т. е. так не принято); *Уэлбанэ блэклам щІаклуэ кІэлъащтэркъым* (абыхэм – они, большинство) (Бурку не надевают (они, большинство – т. е. так не принято) после того, как ливень прошел); *ШыщІэ къамылъхум уанэ тралъхъэркъым* (абыхэм – они, большинство) (Не родившегося жеребенка не седлают (досл. На родившегося жеребенка седло не кладут) (они, большинство – т. е. так не принято) – Не торопи события); *После дела за советом не ходят* (они, большинство – т. е. так не принято). Иными словами, в содержание подобных языковых единиц заложен смысл «Они (все, большинство, люди в здравом уме) так поступают, и тебе следует – Псоми (нэхъыбэм, зыгуэр къызыгурылуэм) апхуэдэу зэращІри (аращ хабзэри) уэри апхуэдэу щІын хуейщ (щІымэ нэхъыфІщ)».

В английском языке конструкции советования формируются с помощью использования модальных глаголов, условных предложений, вопросов, предложений, рекомендаций и другими способами: *should* (следует), *ought to* (должен/должна/ы), *had better* (лучше было), *have to* (должен/должна/ы), *must* (должен/должна/ы), условные предложения *If I were you* (На твоём (Вашем) месте я бы... – Если бы я был на твоём (Вашем) месте, я бы ...), вопросительные формы с *How about...?* (Как насчет...?), *What about...?* (Что насчет...?), *Why don't you...?* (Почему бы тебе (Вам) не...?), *Have you thought about...?* (Ты (Вы) думал/и о...?), *Have you tried...?* (Ты (Вы) пробовал/и...?), предложения (*suggest, propose*), а также косвенно посредством высказывания своего мнения о значимости какого-либо действия: *I think, it's important/essential/vital to...* – Я думаю, важно ... (сделать что-либо...).

Самой распространенной формой советования в английском языке является использование модальных глаголов *should* и *ought to*, которые в русском языке имеют значение «следует» и «должен/должна/ы», при этом оба выражения в переводе могут иметь значение «должен/должна/ы», что не является принципиальным в русской лингвокультуре по сравнению с английской, в которой эти различия являются сигнификативными в соответствии с индивидуалистическими характеристиками английского общества и необходимостью соблюдать границы частной автономии. Использование модальных глаголов *should* (следует), *ought to* (должен/должна/ы), *had better* «было бы лучше», *have to* (должен/должна/ы), *must* (должен/должна/ы) и других смягчает выражение, делая его менее похожим на приказ: *I think you should buy that book* (Я думаю, тебе следует (ты должен/должна/ы) купить ту книгу; Сэ сызэрелльымкІэ, уэ а тхылъыр къэпщэхун хуейщ). В отличие от английской лингвокультуры, в которой значения рекомендации (*should*) и долженствования (*must*) четко разграничены и имеют соответствующее восприятие, в русской чередование терминов «тебе (Вам) следует» и «ты (Вы) должен/должна/ы» не имеет кардинального значения для адресата и воспринимается как рекомендательное высказывание, которому желательно последовать. При этом в кабардино-черкесском языке значение «должен/должна/ы» образуются вспомогательным глаголом *хуейщ*, имеющим коннотацию долженствования, а значение «следует» передается эквивалентом русского «тебе лучше» и английского «*had better*» (*нэхъыфІщ* – лучше, *better*).

В кабардино-черкесском языке значение советования также образуется каузативной формой с суффиксом *гъэ*: *УзгъэкІуэнут* (Я бы посоветовал/а тебе (Вам) идти туда), перевод которой в русском и английском языках не является советованием, а сохраняет каузативную стратегию: Я бы отправил/а тебя туда, *I would make you go there*. Данное выражение в зависимости от интенции говорящего может также заключать в себе значение собственно каузатива (Я бы отправил/а тебя (Вас) туда), субъективное мнение говорящего в пользу содержания действия (Я хотел/а (предпо-

чел/предпочла) бы, чтобы ты (Вы) туда пошел/пошла/и), а также условно-сослагательное наклонение, передаваемое суффиксом «-т-» (Я отправил/а бы тебя (Вас) туда, если бы не...).

Индивидуалистский характер английского общества и намерение не нарушать границы частной автономии определяют наличие в английском языке для выражения совета многочисленных вопросительных форм (*May I suggest, If I may, Couldn't you, Would you consider, Wouldn't it be better, Shouldn't you, Will you* и других, а также форм с *Had better* (second conditional) и *If I were you* (На твоём (Вашем) месте я бы...) для смягчения прямолинейного высказывания. Категоричность императива нивелируется и введением в высказывание таких обращений, как *dear, my dear, my boy, my girl, my love* и др. Для интенсивности передачи речевого акта совета императивные формы используются в комбинации с положительным компаративом *better* (лучше), заключающим в себе идею предпочтения, преимущества предлагаемого действия. Реализации стратегии вежливости также способствует включение самого говорящего в состав исполнителей действия. Императивные формы 1-го лица множественного числа переводят императивное побуждение на язык предложения, стирая грань между адресантом и адресатом, создавая впечатление о том, что делятся своими мыслями и опытом без прямого побуждения и заинтересованности в следовании другому своему предложению, что повышает вероятность принятия совета (*I think, it's better for you to ...; If I were you...*).

В русском и английском языках для выражения поддержки и готовности предоставления совета в личных отношениях используют выражение *Я рядом и I am here for you*. При этом кабардино-черкесская лингвокультура не допускает публичного выражения привязанности и эмоций (public display of affection), в связи с чем в языке отсутствует прямой эквивалент указанного утешительного выражения, однако эта готовность к предоставлению совета и поддержки чувствуется в контексте ситуации.

И. А. Стернин считает, что понятие «улыбка вежливости», функционирующее в межкультурной коммуникации, противостоит русской «бытовой неулыбчивости» в связи с тем, что улыбка не выступает индикатором истинного вежливого обращения в русской культуре. Напротив, отмечается настороженное отношение русских к «неискренней», «дежурной», «вежливой» улыбке собеседника. Для русских вежливость проявляется в уважении других, особенно старших, что находит выражение в использовании слов *спасибо, пожалуйста, извините*; добровольной помощи другим «на деле, а не на словах» [26].

Значимым структурным признаком культуры является характер социальных отношений. Английская культура демонстрирует преобладание горизонтальной дистанции в социальных отношениях по сравнению с вертикальной, в то время как русская – вертикальной над горизонтальной [27; 28; 29; 30]. Культурными ценностями, сформированными социальными отношениями, в английской культуре признаны автономия личности и равенство, в русской – соборность и уважение к старшим (по возрасту и/или статусу). В русской коммуникации, как вербальной, так и невербальной, приоритетной является не дистантность, а близость отношений, что проявляется в особенностях и коммуникативного поведения (допустимость непрошенных советов, замечаний, вмешательств в разговор). Англичане избегают замечаний, критики даже по отношению к своим детям; и советы выражаются в весьма завуалированной форме (в виде просьб и предложений); равенство как важнейшая ценность демонстрируется англичанам даже при асимметричных отношениях [20]. Непрошенный совет является феноменом русской коммуникативной культуры, национальной особенностью русского народа.

В сопоставляемых лингвокультурах существует разная степень ожидания следования совету (в русской – значительно выше). В английской культуре совет обладает значительно меньшей степенью облигаторности, чем в русской. Англичане считают советование вторжением в зону личной независимости, русские – помощью. Различие проявляется и в семантике и прагматике высказываний-советов: *Suppose, you could ask him* (Полагаю, ты/вы мог/ла/ли бы его спросить). Для представителя русской и кабардино-черкесской культур привычнее было бы высказывание: *Спросил/а бы его – УеупцІтэкъэ*.

Совет в русском коммуникативном сознании больше связан со стратегиями вежливости и сближения, чем отдаления, в отличие от английского коммуникативного поведения: английские коммуниканты отдают предпочтение косвенному выражению побуждения, русские коммуниканты – прямому. Среди разнообразия форм советов в сопоставляемых культурах при статусной асимметрии в английском материале доминируют вопросительные высказывания, в русской коммуникации – побудительные. Различия в используемых стратегиях и языковых средствах, а также частотность и допустимость непрошенных советов сказываются на особенностях коммуникативных стилей [30].

Коммуникативная культура имеет национальную специфику и является формой проявления коммуникативного сознания, которое формируется под влиянием окружающей действительности. Разное содержание концепта совета связано с разными типами культур и характерными для них социокультурными отношениями и ценностями, изучение которых выступают ключом к пониманию коммуникативного поведения народа. Стратегии вежливости, используемые носителями языка, обуславливают выбор языковых средств и сказываются на национальных стилях коммуникации. В России люди ищут совета не только потому, что интересуются чужим мнением, но и для того, чтобы обрести соучастника в принятии своего решения. Нередко они перекладывают часть ответственности за свои поступки на такого советчика. Русские коммуниканты могут также обижаться, если его совету не последовали. Совет в русской лингвокультуре совет может быть «добрым», «дельным», «стоящим», «универсальным», «бесплатным» и даже «хитрым» [20].

Несмотря на тот факт, что в английской коммуникации совет может быть выражен прямо, при помощи императивных конструкций, прослеживается явная тенденция к его косвенному выражению. В русской коммуникации предпочтение отдается прямому выражению совета, акцент делается на содержание, а не на форму, косвенные высказывания практически не употребляются, модификаторы как средства смягчения воздействия на собеседника используются незначительно, допускается усиление воздействия, что, как правило, свидетельствует о проявлении солидарности и соучастия.

Культура и культурные ценности обуславливают причины различий в стратегиях вежливости. Коллективистская ментальность носителей русского и кабардино-черкесского языков определяет советование актом участия в жизни других людей, в то время как для представителей английской лингвокультуры характерна интенция дистанцирования, основанная на культурной значимости свободы и личных границ, что вызывает осторожное отношение к советованию.

Обсуждение

Компаративный анализ разноструктурных языков позволяет проследить взаимосвязь языка и культуры. С одной стороны, культурные особенности народа объек-

тивируются в языке, с другой – язык является составной частью культуры, которая формируется под ее влиянием.

Изучение иностранного языка, языка иной культуры предполагает также развитие способности приблизиться к мировидению носителей иного языка, изучение способов отражения им идей, обычаев и поведения в обществе, понимание их системы мышления.

Главной причиной различий в коммуникативном поведении людей является тип культуры, к которому принадлежат собеседники. Английская культура, являющаяся индивидуалистической, предполагает чувство независимости индивидуума, уважение его личной автономии. Русская (коллективистская) культура определяется наличием приоритетной ориентации на общие, коллективные цели. По сравнению с англичанами у русских личность проявляется в составе общества.

Различия в типах кабардино-черкесской, русской и английской культур детерминируют содержание понятия советования в коммуникативном сознании носителей языков. В сравниваемых языках для формулирования совета используются различные грамматические структуры.

Для снижения степени категоричности и подчёркивания субъективности говорящего используются вопросительные предложения, содержащие вопросительное слово, часто модальный компонент и указание на каузируемое действие (*Why should you go there? / Why shouldn't you go there?* – Почему тебе (Вам) нужно туда идти? (Тебе (Вам) не следует идти туда) / Почему бы тебе (Вам) не пойти туда? (Тебе (Вам) следует идти туда) – *Сыт абы уцIэкIуэнур?* (Почему ты (Вы) пойдешь (пойдете) туда? – Не иди/те туда) / *Сыт абы уцIэмыкIуэнур?* (Почему ты (Вы) не пойдешь (пойдете) туда? – Иди/те туда); повествовательные высказывания с модальными компонентами (*He/she ought to go there* – Он/она должен/должна/ы пойти туда – *Ар абы кIуэн хуейц* (Он/она должен/должна/ы пойти туда) / *Ар абы кIуэмэ нэхъыфIц* (Ему/ей лучше туда пойти); высказывания, содержащие формы сослагательного наклонения, выражающие некатегоричное указание на возможность и целесообразность действия адресата (*You could go there, if you were (weren't) in town / busy* – Ты (Вы) мог/ла/ли бы пойти туда, если бы (не) был/а/и в городе/занят/а/ы – *Уэ абы укIуэ хъунут* (суффикс «-т» со значением условия), *кIалэм уцIамэ /зэман уIамэ* (суффикс «-мэ» со значением условия); высказывания, содержащие компоненты субъективной модальности (конкретизаторы *probably/perhaps/maybe/I think/I suppose* – «может/я думаю/мне кажется/по-моему» – «... хъунц/къыщIэкIынц/сэ сызэреплъымкIэ/сэ сызэрегупсысымкIэ/сэ зэрызигугъэмкIэ»).

Проанализированный материал разноструктурных кабардино-черкесского, русского и английского языков выявил, что в английской коммуникации выражение совета преимущественно предполагает запрос заинтересованного лица, в русской коммуникации совет часто дается по инициативе говорящего. В русском и английском языках слова со значением советования используются чаще, чем в высококонтекстуальной кабардино-черкесской лингвокультуре: *Я советую тебе пойти туда пораньше – I advise you to go there early – Нэхъ жьыуэ абы укIуэмэ, нэхъыфIц / Нэхъ жьыуэ абы кIуэи, нэхъыфIц* (Лучше пойти тебе туда пораньше – Лучше, если ты пойдешь туда пораньше – Реже: *Абы нэхъ жьыуэ укIуэну чэнджэщ узот* (Я даю тебе совет (не «советую», а «даю тебе совет») пойти туда пораньше). При этом отсутствие одного термина, эквивалентного русскому *советовать* (чэнджэщ етын), подтверждает, что для русской культуры наиболее характерно *советовать* (давать советы другим), а для кабардино-черкесской – *советоваться* (чэнджэщээн) – обращаться за советом, в особенности к старшим.

Речевой акт советования в русском языке также часто происходит в рамках высокой статусной дистанции под влиянием культурной ценности мнения и опыта старших в обществе, что отражается на прямом коммуникативном воздействии на собеседника: «Молодой на службу, старый на совет». В русской и в большей степени кабардино-черкесской культурах слово старшего имеет авторитетное значение и не может быть оставлено без соответствующего внимания.

Высокая этнокультурная роль совета в кабардино-черкесской лингвокультуре закодирована в адыгском идиоматическом выражении *Узэчэнджэщын уимылэмэ, уи пылэр гъэтлылы, ечэнджэщ* (Если тебе не с кем посоветоваться, положи перед собой свою шапку и посоветуйся с ней).

В кабардино-черкесском языке используется выражение *чэнджэщ къэхьыжын* со значением «усомниться в чем-либо» (поставить под сомнение правильность принятого решения, испытать необходимость в совете (мнении других, авторитетных людей, в том числе старейшин рода), что подтверждает культурную сигнификативность совета, эксплицированную в кабардино-черкесском языке.

В английском языке используется выражение *polite advice*, имеющее значение «вежливый совет», что транслирует настроенное отношение англичан к другим («невежливым», на их взгляд) формам совета по сравнению с русской и кабардино-черкесской лингвокультурами, в которых совет имеет преимущественно положительную интенцию. Английский совет отличается от русского меньшей категоричностью, в нем отсутствует (или сведено к минимуму) давление на собеседника. Императивный характер советов в русской лингвокультуре, переведенных на английский язык, не наблюдается в русском языке благодаря использованию вежливой формы обращения на «Вы».

Интерес представляет коллективное содержание термина «совет», который также имеет значение «группа людей, которые собираются вместе для консультаций, обсуждения или принятия решений», что верифицирует участие иных лиц в жизни человека посредством своего мнения, отношения к ситуации и указания поступить определенным образом.

В кабардино-черкесской лингвокультуре имеется институт «Адыгэ Хасэ», представляющий собой общественную организацию с давними корнями, члены которой наделены полномочиями выносить на обсуждение общественно значимые вопросы, советования (*хэсэн – хэ* (много – ср. деривационный суффикс «-хэ» для образования множественного числа (*тхылъ – книга / тхылъхэр – книги*) + корневая морфема «-с-» (*гупсысэн – думать, псалъэ – слово*). Слово *чэнджэщ* (совет) в кабардино-черкесском языке имеет тюркское происхождение. В слове *Хасэ* (Совет) проецируется значение «думать», в отличие от русской лингвокультуры, в которой эквивалент данного термина эксплицирует доминирующую коннотацию совместного действия (заседания, на котором принимаются согласованные совместные решения). При этом в английской лингвокультуре термин *Council* в первую очередь имеет значение «группа людей», несмотря на заключенную коннотацию «советования» – a group of people elected or chosen to make or give advice on a particular subject, to represent a particular group of people, to run a particular organization (группа людей, избранных или выбранных для того, чтобы давать советы по определенному вопросу, представлять определенную группу людей, управлять определенной организацией).

Для русской и кабардино-черкесской лингвокультур характерна коллективистская ориентация и сплоченность общества по сравнению с английской, лингвистически манифестирующей приватность и нежелательное отношение к наставлениям и нарушениям установленных невидимых культурных линий.

Культурное своеобразие носителей языков определяет наибольшую распространённость советования в русской и кабардино-черкесской лингвокультурах по сравнению с английской. Если в русском обществе популярны советы, адресованные незнакомым лицам, а в английской и кабардино-черкесской культурах – просьба о совете, при этом в кабардино-черкесской – к уважаемым, старшим, опытным людям, в том числе членам Хасэ (народного собрания, в составе которого исключительно уважаемые и авторитетные представители общества).

Настороженное отношение к совету в соответствии с индивидуалистической направленностью английской культуры проецируется и в частом использовании выражения *a piece of advice*, которое переводится как «небольшой совет» (*a piece* – кусок, часть), – незначительность его характера (размера – часть чего-либо, не весь объем, могло бы быть и больше) смягчает негативное отношение к нему.

Компаративный анализ материала разноструктурных языков подтверждает, что английская лингвокультура проецирует дистантность, уважение личных границ, невмешательство и нежелательность воздействия на собеседника, в том числе посредством речевого акта советования. В то же время русская и кабардино-черкесская лингвокультуры транслируют равнодушное и соучастное отношение к другим людям, в том числе незнакомым, что проявляется в русском языке в готовности давать непрошенные советы и делиться своим мнением и опытом в акте коммуникации, а в кабардино-черкесском – согласованному с мнением старших и авторитетных людей поведению.

Для организации эффективной межкультурной коммуникации необходимо не только определить универсальные характеристики различных лингвокультур, но и понимать своеобразные черты культуры и языка народов. Также важно осознавать, что языковое и культурное многообразие является настоящим богатством нашей планеты, и именно этот плюрализм мнений и идей приводит к развитию человеческой мысли.

Сопоставительное исследование разноструктурных языков, в том числе менее изученных младописьменных языков, раскрывает альтернативную концептуализацию окружающей реальности, что может содействовать развитию устоявшегося дискурса науки, опирающейся на структуры широко изученных глобальных языков.

Ссылки

1. Humboldt W. F. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. Berlin, 1836. 511 s. URL: <https://books.google.ru/books?id=BKpWAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 25.03.2024).
2. Sapir E. *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*. Berkeley: University of California Press, 1958. 617 p.
3. Whorf B. L. *Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. 278 p.
4. Lucy J. *Language Diversity and Thought: A Reformulation of the Linguistic Relativity Hypothesis*. Cambridge University Press, 1992. 328 p.
5. Langacker R. W. *Culture, cognition, and grammar* // Martin Pütz (ed.) *Language Contact and Language Conflict*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 25–53.
6. Карасик В. И. *Этноспецифичные концепты // Иная ментальность*. М: Гнозис, 2005. С. 8–100.
7. Степанов Ю. С. *Константы: словарь русской культуры*. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

8. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
9. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
10. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2. С. 6–34.
11. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
12. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. 502 p.
13. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press, 1992. 496 p.
14. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. New York: Oxford University Press, 1996. 512 p.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 261 с.
16. Иванова С. В., Чанышева З. З. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культурноносности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2014. № 4. С. 155–166.
17. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
18. Alefirenko N. Language as a State of Ethno-Cultural Consciousness // X^Linguae Journal. 2015. Vol. 8, No. 3. P. 1–18.
19. Архипенкова А. Ю. Концепт «Совет» в английской и русской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2005–2006. № 1. С. 164–171.
20. Словарь русского языка: в 4-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. РАН, Институт лингвистических исследований. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 15.04.2024).
21. Cambridge Dictionary: сайт. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/advice> (дата обращения: 15.04.2024).
22. Апажэ М. Л., КӀуэ́кӀуэ́ Ж. Н. Адыгэ-урыс псалгъалгъэ / БищӀо Б. Ч. и редакцӀкӀэ. Налшык: Эльбрус, 2008. 704 н. [Апажев М. Л., Коков Дж. Н. Кабардино-черкесско-русский словарь / Под научной ред. Б. Ч. Бижоева. Налчык: Эльбрус, 2008. 704 с.].
23. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. ЕтӀуанэ къыдэкӀыгъуэ / Ред. БжэныкӀэ М. М. Налшык: Эль-Фа, 1995. 559 н. [Нарты. Кабардинский эпос. На кабардинском языке / Под ред. М. М. Бженикова. Налчык: Эль-Фа, 1995. 559 с.].
24. Даль В. И. Пословицы русского народа: сайт. URL: <https://vdahl.ru/?ysclid=lv0z2t1hus339491> (дата обращения: 15.04.2024).
25. Larina T. V. 'Sense of privacy' and 'sense of elbow': English vs Russian values and communicative styles // Meaning, Life and Culture: In conversation with Anna Wierzbicka. Canberra: Australian National University Press, 2020. P. 421–440.
26. Стернин И. А. Улыбка в русском коммуникативном поведении // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Издательство Воронежского государственного технического университета, 2000. С. 53–61.
27. Hofstede G. H. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviour, Institutions and Organizations Across Nations. London, Thousand Oaks, California: Sage Publications, 2001. 2nd ed. 596 p.
28. Triandis H. Culture and Social Behavior. Boston: McGraw-Hill Inc., 1994. 320 p.
29. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2016. 328 с.
30. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. 315 с.